

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

06
и 71

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

19

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1956

Редакционная коллегия:

И. А. ХРЕНОВ (отв. редактор), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Д. КОРОЛЮК,
И. И. КОСТЮШКО, А. И. НЕДОРЕЗОВ, А. П. СОЛОВЬЕВА, Е. В. ЧЕШКО.

57513

И. А. Хренов

НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ С УЧЕНЫМИ СЛАВЯНСКИХ СТРАН НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Основной задачей Института славяноведения является изучение и разработка проблем истории, культуры и языка славянских стран. Эту работу Институт ведет в творческом сотрудничестве с учеными славянских стран народной демократии. Следует подчеркнуть, что в течение двух последних лет научные связи Института с научными учреждениями славянских стран значительно расширились. Наибольшего творческого контакта коллектив Института достиг с историками Польши, Чехословакии и Болгарии. Осенью 1951 г. была организована одна из первых творческих встреч коллектива историков Института с польскими историками, посвященная обсуждению проспекта «Истории Польши», подготовленного Институтом славяноведения. В обсуждении проспекта активное участие приняла группа польских историков во главе с проф. Т. Данишевским. В сентябре 1953 г. ряд польских историков во главе с проф. Арнольдом принял участие в обсуждении подготовленной авторским коллективом рукописи первого тома «Истории Польши». Эти две творческие встречи показали, насколько полезно и необходимо научное сотрудничество коллектива Института славяноведения с учеными славянских стран народной демократии. Руководством Института из этого был сделан вывод о необходимости расширения и углубления научных связей Института с научными учреждениями и учеными славянских стран, так как трудно разрабатывать проблемы истории, культуры и языка славянских народов без творческого общения и научного контакта с учеными этих стран.

1954—1955 годы были периодом значительного расширения научных связей Института с научными учреждениями славянских стран народной демократии. С этого времени научные связи Института с учеными славянских стран вступили в новую фазу. Если до этого встречи научных работников Института со специалистами славянских стран носили спорадический характер, и они, как правило, были связаны с приездом в Москву той или иной группы ученых славянских стран, то начиная с 1954 г. научные встречи, совещания и конференции работников Института с учеными славянских стран стали заранее планироваться. Вместе с этим увеличилось количество командировок сотрудников Института в славянские страны с целью обсуждения там научных трудов Института. Возросло также число делегаций ученых славянских стран, приезжавших в Институт для участия в научных совещаниях и конференциях.

В 1954 г. ряд трудов по истории славянских стран, подготовленных Институтом славяноведения к печати, был обсужден в научных учреждениях Польши, Чехословакии и Болгарии. В мае 1954 г. в Институте общественных наук при ЦК Польской объединенной рабочей партии обсуждались рукописи второго и третьего томов «Истории Польши», в Институте истории Чехословацкой Академии наук рукопись первого тома «Истории Чехословакии», в Институте болгарской истории Болгарской Академии наук рукопись второго тома «Истории Болгарии», подготовленные Институтом славяноведения. Критические замечания и пожелания наших польских, чехословацких и болгарских товарищей оказали большую помощь авторским коллективам и редакционным коллегиям при окончательной подготовке указанных трудов к печати.

В свою очередь Институт славяноведения оказал помощь польским, чехословацким и болгарским историкам, обсудив подготовленные ими труды. В Институте славяноведения были обсуждены проспекты первого и второго томов университетского учебника по истории Польши, подготовленные научным коллективом Института истории Польской Академии наук, макет первого тома «Истории Болгарии», созданный Институтом болгарской истории БАН, а также проспект первого тома «Истории Чехословакии», составленный Институтом истории Чехословацкой Академии наук. Творческое обсуждение трудов Института славяноведения в научных учреждениях славянских стран и обсуждение трудов польских, чехословацких и болгарских историков в стенах Института славяноведения способствовало повышению их научного уровня и взаимно обогащало научных работников Института и историков славянских стран.

В 1955 г. научные связи Института с учеными славянских стран народной демократии еще более усилились. Это сказалось прежде всего на росте числа делегаций Института, выезжавших в славянские страны, а также в более широком участии ученых славянских стран в научных конференциях и совещаниях Института славяноведения. Достаточно только перечислить делегации Института, выезжавшие в 1955 г. в научные командировки в славянские страны, чтобы убедиться в расширении научных связей Института с учеными славянских стран. Так, группа научных сотрудников Института в составе И. И. Костюшки, И. С. Миллера и И. А. Хренова выезжала в марте в Польшу для обсуждения с польскими историками второго тома «Истории Польши». В мае по приглашению Чехословацкой Академии наук в Чехословакию выезжали И. Н. Мельникова и А. И. Недорезов. Они приняли участие в научной сессии, посвященной десятилетию народно-демократической Чехословакии, на которой выступили с научными докладами. В сентябре для участия в работе конгресса филологов-славистов в составе советской делегации выезжал в Белград директор Института славяноведения П. Н. Третьяков. В этом же месяце в научную командировку в Болгарию выезжала группа научных работников Института в составе С. Б. Вернштейна, В. И. Злыднева, Н. И. Кравцова и И. М. Шептунова. В научной сессии, созванной в октябре месяце в Варшаве и посвященной пятидесятилетию первой русской революции, принял участие заместитель директора Института славяноведения И. А. Хренов. В декабре выезжал в Братиславу проф. С. А. Никитин. Он сделал доклад на конференции, посвященной столетию со дня смерти выдающегося деятеля национально-освободительного движения Словакии Л. Штура. Этот сухой перечень делегаций Института славяноведения, выезжавших в научные командировки в славянские страны в 1955 г., говорит о возросших научных связях Института славяноведения с учеными и научными учреждениями славянских стран.

Значительно возросло число научных делегаций славянских стран, приезжавших в Институт для ознакомления с его работой и участия в его научных конференциях и совещаниях.

В связи с выходом в свет первого тома «Истории Польши» в феврале 1955 г. в Институте славяноведения состоялось обсуждение этого труда с участием историков Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Вильнюса, Львова, а также польских ученых С. Арнольда, Ю. Бардаха и Б. Лесьнодорского. В своих выступлениях польские историки отметили, что выход в свет первого тома «Истории Польши» был встречен с большим вниманием и сердечностью польской общественностью. Польские историки дали высокую оценку первому тому «Истории Польши», подчеркнули его положительные стороны как первого опыта создания марксистского труда по истории польского народа. Наряду с этим они сделали ряд ценных критических замечаний в адрес авторского коллектива, которые учтены во втором издании этого труда.

Польские историки подробно интересовались жизнью Института и знакомились с творческой работой его научного коллектива. Вместе с тем они охотно делились опытом своей работы. На объединенном заседании сектора истории феодализма и капитализма и сектора новейшей истории славянских стран Института польские историки заслушали информацию заведующих секторами проф. С. А. Никитина и канд. исторических наук Л. Б. Валева о работе секторов, а затем сами выступили с сообщениями о работе польских историков. О деятельности Института истории Польской Академии наук рассказал Б. Лесьнодорский. С. Арнольд сделал сообщение о работе Института общественных наук при ЦК Польской объединенной рабочей партии. Ю. Бардах рассказал о работе польских историков-юристов. В своих выступлениях польские ученые указали на важность дальнейшего расширения и укрепления творческих контактов между польскими и советскими историками. Они высказали пожелание о целесообразности совместной подготовки издания документов по истории польского восстания 1863 г., а также о более широком рецензировании работ польских историков в советских научных изданиях.

Польские ученые выступили с научными докладами на заседании Ученого Совета Института. Проф. Ю. Бардах сделал доклад на тему: «Внутренняя колонизация и классовая борьба крестьян в XIII—XIV вв. в Польше». С докладом по одной из важнейших проблем истории Польши — «Проблеме генезиса барщинного фольварка в Польше в XV—XVI вв.» выступил проф. С. Арнольд. Проф. Б. Лесьнодорский сделал доклад на тему «Революционные течения в восстании 1794 г. (польские якобинцы)». Все названные доклады публикуются в настоящем номере «Кратких сообщений».

В марте в Институте состоялось обсуждение с участием группы болгарских ученых в составе проф. П. Георгиева, проф. Д. Косева, проф. Ж. Натана и проф. Х. Христова вышедшего в свет первого тома «Истории Болгарии» и макета второго тома, подготовленных Институтом болгарской истории БАН. В обсуждении трудов болгарских историков принимали участие наряду с работниками Института славяноведения научные сотрудники Института истории АН СССР, Московского университета, а также научных учреждений Ленинграда, Киева, Минска и др. Во время пребывания в Москве болгарские историки ознакомились с работой Института славяноведения и выступили с научными докладами на заседании Ученого Совета Института. Профессор Д. Косев в своем докладе сообщил о работе научного коллектива Института болгарской

истории, проф. Х. Христов рассказал о работе исторических архивов Болгарии.

В 1954—1955 гг. в Институте состоялись научные сессии, посвященные десятилетию народно-демократической Польши, народно-демократической Болгарии, народно-демократической Чехословакии. На сессии, посвященной десятилетию народно-демократической Чехословакии, выступили с докладами чехословацкие ученые — академик Зд. Вирт, проф. Й. Мацек, проф. Б. Граца. Их доклады печатаются в настоящем номере нашего издания.

Большим событием в жизни Института в 1955 г. явилась научная сессия Ученого Совета Института, посвященная пятидесятилетию первой русской революции. На сессию прибыли делегации Академий наук славянских стран, которые выступили с научными докладами. В своих докладах они рассказали о влиянии революции 1905—1907 гг. на подъем революционного движения в славянских странах. Их доклады будут опубликованы в следующем номере «Кратких сообщений». В 1955 г. расширились и укрепились связи научного коллектива Института с литературоведами и языковедами славянских стран. Большую роль в этом сыграла, как уже отмечалось, поездка в Болгарию группы филологов — научных сотрудников Института. Установление личных контактов наших сотрудников-литературоведов с болгарскими учеными, во встречах с которыми были обсуждены взаимно интересующие вопросы, связанные с разработкой проблем болгарской литературы, оказало большую помощь Институту в подготовке очерков истории болгарской литературы. Значительно возросло количество делегаций литературоведов славянских стран, которые в 1955 г. посетили Институт и имели творческие встречи с его работниками. Так, в мае сектор славянских литератур посетили директор Славянского Института в Праге профессор Ю. Доланский и известный словацкий литературовед академик А. Мроз. Проф. Ю. Доланский познакомил сотрудников сектора с деятельностью возглавляемого им Института, с работой сотрудников Института в области изучения славянских литератур. Академик А. Мроз рассказал о развитии современного литературоведения в Словакии.

В конце 1955 г. сотрудники сектора славянских литератур встретились с директором Института чешской литературы Чехословацкой Академии наук профессором Я. Мукаржовским. Рассказав о научной деятельности Института, профессор Мукаржовский подробно охарактеризовал состояние литературоведения в Чехословакии. Много внимания в его сообщении было уделено работе чехословацких критиков.

С работой сектора ознакомились также директор Института словацкой литературы Словацкой АН К. Розенбаум и директор библиотеки Пражского университета литературовед П. Михл.

В конце декабря в секторе состоялась встреча с членами-корреспондентами Болгарской АН П. Заревым и Г. Цаневым. Директор Института болгарской литературы П. Зарев рассказал о работе возглавляемого им Института. Г. Цанев выступил с освещением литературной жизни страны.

В дни празднования юбилея великого польского поэта А. Мицкевича в Советском Союзе гостили польский литературовед профессор Вроцлавского университета М. Якубец и известный польский поэт Вл. Броневский. Оба они посетили наш Институт и встретились с сотрудниками сектора славянских литератур.

М. Якубец сделал доклад об изучении польско-русских литературных связей в современном польском литературоведении.

Встреча с Вл. Броневским носила характер живой беседы, в которой поэт ответил на многочисленные вопросы аудитории, рассказал о своих творческих делах. В заключение Броневский прочитал свои стихи.

Научные связи Института с учеными славянских стран, совместные творческие обсуждения и рецензирование подготовляемой и опубликованной научной продукции Института славяноведения, а также работ наших друзей в славянских странах, способствуют правильному решению научных проблем, взаимно обогащают советских славистов и ученых славянских стран. Мы надеемся, что научные связи Института славяноведения с научными учреждениями славянских стран и впредь будут расширяться и углубляться.

И. Мацек

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ СОВЕТСКОЙ АРМИЕЙ¹

Трудящиеся Чехословакии празднуют десятую годовщину освобождения своей родины Советской Армией. Славная годовщина побуждает к оценке наших успехов и недостатков в деле строительства народной демократии и социализма в Чехословакии. В области исторической науки возникают новые, важные задачи, касающиеся разрешения вопроса о характере национальной и демократической революции и ее перерастании в революцию социалистическую.

Одним из основных вопросов исторической науки, исследующей переходный период от капитализма к социализму в Чехословацкой республике, является вопрос о движущих силах народной революции. В этой связи мне хотелось бы коснуться значения одного из факторов, который оказал глубокое воздействие на нашу народно-демократическую революцию, а также на ее перерастание в революцию социалистическую. Имеется в виду братская помощь Советского Союза народам Чехословакии.

Вопрос о значении помощи Советского Союза Чехословацкой республике имеет в настоящее время практическую и политическую важность. Его научное решение поможет разоблачить ложь империалистических идеологов, которые трубят о том, что СССР якобы не помогает народным демократиям. Они лживо утверждают, что возникновение народных демократий и их развитие является делом единственно Советского Союза. Поэтому научное решение данного вопроса будет важным вкладом в дело борьбы с буржуазной идеологией, в первую очередь, с национализмом и космополитизмом.

Исследуя значение помощи Советского Союза в деле национального и социального освобождения чехословацкого народа, мы должны исходить из марксистской теории о внутренних и внешних причинах исторического развития. О взаимодействии внешних и внутренних сил прекрасно сказал Мао Цзе-дун: «Материалистическая диалектика считает, что внешние причины являются условием изменений, а внутренние причины — основанием изменений, причем внешние причины действуют через внутренние... Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру не только в истории России, но и в истории всего мира. Она воздействовала на внутренние изменения в различных странах и равным образом, притом с особенной силой, воздействовала на внутренние изменения в Китае. Однако эти изменения и в различных странах и в Китае произошли через внутренние закономерности самих этих стран и Китая»².

¹ Сокращенный доклад, прочитанный на сессии Отделения исторических наук Академии наук СССР.

² Мао Цзе-дун. Избр. произв., т. 2, стр. 414—415.

С этой марксистской теоретической точки зрения единственно правильно можно понять влияние и значение помощи Советского Союза при освобождении Чехословакии и строительстве социализма в нашей народно-демократической республике.

Поэтому надо определить, как внешние причины — в данном случае существование и помощь Советского Союза — взаимодействовали с внутренними причинами, какое влияние они оказали на классовую и национально-освободительную борьбу чехословацкого народа, на его трудовые успехи в период строительства социализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Советское социалистическое государство явилось оплотом и великой надеждой мирового пролетариата. Рабочий класс капиталистических стран стал верным союзником, другом и помощником Советского Союза. Авангард рабочего класса Чехословакии — коммунистическая партия с верой и надеждой обращалась к Советскому Союзу, а чехословацкий народ воспитывался в духе любви и уважения к первой в мире социалистической державе. Это сердечное отношение чехословацких коммунистов к советским большевикам выразил Клемент Готвальд в своей первой, славной парламентской речи в 1929 г., когда открыто бросил в лицо представителям буржуазии, проповедывавшим идею антисоветской войны: «Мы будем бороться против вашей империалистической войны, но за войну гражданскую. Будем бороться за победу Советского Союза и ваше поражение»¹.

В том же духе высказывались и другие руководители Коммунистической партии Чехословакии. Вполне понятно, что КПЧ строила свою работу с учетом советского опыта борьбы с капиталистами. Она вела борьбу за ликвидацию капиталистической эксплуатации, за социализм и за подлинную самостоятельность и независимость Чехословакии. КПЧ учила чехословацкий народ, что наличие Советского Союза является надежной гарантией социального и национального освобождения чехословацких трудящихся. Эта истина в период Великой Отечественной войны стала мощным фактором чехословацкого освободительного движения. В то время вновь полностью проявилась всесторонняя помощь советского народа народам Чехословакии, ведущим национально-освободительную войну с немецко-фашистскими оккупантами. После освобождения Чехословакии эта помощь не только не прекратилась, а, наоборот, даже усилилась, что еще больше укрепляло братский союз между чехословацкими и советскими народами. Я попытаюсь охарактеризовать некоторые главнейшие формы советской помощи в период освобождения Чехословакии и строительства основ социализма в Чехословацкой республике. В первую очередь, необходимо обратить внимание на освободительную роль Советской Армии. Советская Армия, а главным образом ее боевые части 4-го, 1-го и 2-го Украинских фронтов изгнали с чехословацкой территории гитлеровские войска, разгромив их в длительных и упорных боях. В этих боях были принесены большие человеческие жертвы: лишь в боях за Дукельский перевал пали тысячи солдат и офицеров Советской Армии, а на территории Чехословакии погибло всего около 138 тыс. советских героев. Чехословацкий народ никогда не забудет того факта, что от немецко-фашистских войск нашу родину освободила Советская Армия.

¹ K. Gottwald. Spisy. Sv. I, str. 323.

Советская Армия оказала братскую помощь чехословацким партизанам, главным образом словацкому национальному восстанию¹ и пражскому майскому восстанию. Дукельской операцией Советская Армия начала прямое освобождение нашей родины от ига оккупантов, и таким образом дала всему миру доказательство помощи Советского Союза национально-освободительному движению народов, попавших под иго фашистской тирании. Ударом советских танкистов под командованием генералов Рыбалко и Лелюшенко были прорваны оборонительные укрепления гитлеровцев в Куршских горах и утром 9 мая 1945 г. была освобождена восставшая Прага. В тот же день танкисты 4-го Украинского фронта под командованием генерал-полковника Кравченко, прорвав фронт, также вступили в Прагу. Во время пражского восстания полностью проявилась освободительная роль Советской Армии, которая оказала помощь национально-освободительной борьбе чехословацкого народа.

В районах, освобождаемых Советской Армией, рабочий класс во главе с Коммунистической партией Чехословакии развертывал национальную и демократическую революцию, устанавливая народную власть, власть революционных национальных комитетов. Национальные комитеты возникали в Чехословакии в качестве органов национально-освободительного движения еще в период оккупации.

В то время как американская армия в западной Чехии ограничивала и даже чинила препятствия работе национальных комитетов, Советская Армия предоставила освобожденному народу полную свободу в создании новых органов власти — национальных комитетов и в решении своих дел. Например, в восточной Словакии национальные комитеты уже в конце 1944 и начале 1945 г. приступили к массовым наказаниям коллаборационистов и к конфискации их имений. На крестьянском митинге в Требишове в январе 1945 г. сельскохозяйственные рабочие, батраки и бедняки заявили: «Дайте нам землю и мы ее обработаем так, как она еще никогда обработана не была. Мы будем знать, что работаем на себя, а не на чужих»².

Эти факты, которых можно бы было привести бесчисленное множество, свидетельствуют о том, насколько мощно развивались творческие силы нашего народа после освобождения страны Советской Армией.

Дружеские чувства советского народа к народам Чехословакии проявились также в том, что Советская Армия оказала большую помощь чехословацкому народному хозяйству. Всем известно, что американские самолеты уже в самом конце войны разбомбили главные центры чехословацкой тяжелой промышленности. 25 марта 1945 г. американская авиация уничтожила самый большой пражский завод, так называемую «Кольбенку», а 25 апреля 1945 г., три недели спустя после провозглашения Кошицкой правительственной программы, был почти полностью уничтожен известный завод в Пльзене, гордость чехословацкого тяжелого машиностроения — «Шкодовка». Советской Армии был чужд такой способ ведения войны. Наоборот, советские солдаты стремились передать в руки освобожденного чехословацкого народа промышленные предприятия.

¹ О помощи Советского Союза словацкому народному восстанию см. подробнее статью И. Грозиевича, опубликованную в сб. «Slovenské národné povstanie», Bratislava, 1954, стр. 139—167.

² J. Hrozienčík. Karpatská ofenzíva a príchod Sovietskej armady na východné Slovensko. — В сб. «Otázky národni a demokratické revoluce v ČSR», Praha, 1955, стр. 95.

тия в полном порядке и сохранности. Это усиление Советской Армии ярко проявилось в боевых операциях войск 4-го Украинского фронта при сражении за мощный металлургический центр страны — Оставу. Прямое наступление на Оставу грозило уничтожением промышленных объектов и причинило бы огромные страдания мирному населению. Поэтому советские войска предпочли обходные действия. Благодаря этой тактике Острада осталась почти неразрушенной и смогла быстро восстановить свой промышленный потенциал и стать важным металлургическим центром народно-демократической Чехословакии. Таким же способом поступали советские войска на всей территории республики. Это способствовало тому, что наши трудящиеся сразу после освобождения смогли быстро восстановить народное хозяйство и начать строительство новых объектов.

Советская Армия-освободительница имеет еще и ту заслугу, что в ее рядах возникла и сформировалась новая народно-демократическая армия — 1-й Чехословацкий армейский корпус. В общих боях закалялась дружба советских и чехословацких воинов. Солдаты чехословацких войск осваивали боевой опыт Советской Армии. Наша народная армия, основанная на славных традициях революционных гуситских войск, возникла под непосредственным влиянием и при братской помощи Советской Армии. Этот факт является верной гарантией силы нашей армии и обороноспособности страны.

Я попытался в общих чертах обрисовать значение Советской Армии для нашей национальной и демократической революции и непосредственно для нашего освобождения. Конечно, роль Советского Союза еще многограннее, и если мы хотим узнать ее значение для исторической победы чехословацких трудящихся, мы должны обратить внимание на все стороны нашей национальной жизни. В первую очередь мы должны обратить внимание на то, что опыт Советского Союза и Коммунистической партии Советского Союза имел большое значение для Коммунистической партии Чехословакии. Уже само возникновение КПЧ неразрывно связано с Великой Октябрьской социалистической революцией. Наша партия росла, большевизировалась и укреплялась при непрерывной помощи Коммунистической партии Советского Союза. И после освобождения нашей родины Советской Армией КПЧ приступила к творческому применению и использованию советского опыта при разработке линии партии в борьбе за построение социализма в Чехословакии. Славные VIII, IX и X съезды КПЧ подчеркнули, что пример Советского Союза и КПСС является источником вдохновения для нашей партии. Изучение исторического опыта КПСС, творчески обогатившей теорию марксизма-ленинизма, укрепляло научные основы политики КПЧ. Как свидетельствуют все постановления съездов, партийных конференций и заседаний ЦК КПЧ с 1945 г. до настоящего времени, благодаря творческому применению опыта КПСС, наша партия уверенно повела весь чехословацкий народ к национальной и демократической революции, добилась перерастания ее в революцию социалистическую, укрепления союза рабочих и крестьян, переориентировки нашего строительства на тяжелую промышленность. В плане партийного строительства КПЧ также использовала опыт КПСС. На X съезде КПЧ был принят новый устав партии. «При его разработке, — говорил А. Новотный на съезде, — мы руководствовались огромным опытом Коммунистической партии Советского Союза, а также состоянием и потребностями нашей партии»¹. Советский

¹ «Nová mysl», 1954, № 7, str. 708.

Союз оказывает помощь всему прогрессивному и революционному, служит гарантией непрерывного роста демократической Чехословакии.

И действительно, после славного освобождения Советской Армией, во всех областях нашей жизни мы видим плодотворное влияние советской помощи. Победоносный рабочий класс под руководством КПЧ, во главе всех трудящихся Чехословакии, после 1945 г. приступил к восстановлению народного хозяйства, разоренного оккупантами, а затем — в годы нашей первой пятилетки — к построению основ социализма.

В восстановлении народного хозяйства чехословацкому народу бескорыстно и самоотверженно помог Советский Союз. Советская Армия приняла участие в восстановлении чехословацкого народного хозяйства. Например, в областях восточной Словакии Советская Армия восстановила мосты и дороги. Она предоставила вагоны муки и много продовольствия населению, разоренному оккупацией и войной. Благодаря самопожертвованию словацких рабочих и непосредственной помощи Советской Армии был восстановлен железнодорожный путь Михаловце—Кошице и Попрад—Кошице. Уже в этих первых восстановительных работах проявился трудовой героизм чехословацкого народа.

Большое значение для восстановления чехословацкого народного хозяйства имели советские поставки. Во второй половине 1945 г. Советский Союз поставил в Чехословакию большое количество самого разнообразного сырья и полуфабрикатов (угля, нефтепродуктов, железной и марганцевой руды, леса, искусственного каучука, шерсти и др.). Благодаря этим поставкам страна смогла пустить в ход промышленные предприятия. Советский Союз выполнил эти поставки на основании устных соглашений. Протокол о чехословацко-советском товарообмене был подписан в апреле 1946 г.¹

Совместно с развитием второго мирового рынка, укреплением лагеря мира и социализма, руководимого Советским Союзом, после 1945 г. эта экономическая помощь постоянно усиливалась. Развитие экономического сотрудничества и непосредственная помощь Советского Союза чехословацкой национализированной промышленности вызывала ненависть империалистов, которые после отказа от принятия плана Маршалла старались уничтожить Чехословакию и другие народно-демократические страны экономической блокадой и бойкотом. Самой характерной чертой помощи Советского Союза чехословацкому народному хозяйству, основанному частично уже на социалистических производственных отношениях, было то, что советская помощь укрепляла такие отрасли нашей промышленности, как тяжелая промышленность — основа социалистической индустриализации нашей страны. Такой характер имела советская помощь, например, при проектировании завода для производства ферросплавов, поставке специального оборудования для этого завода, при постройке первого в стране алюминиевого завода, при повышении производительности доменных печей. Подобный характер имела передача новых технологических методов, осуществляемая в рамках договора о научно-технической помощи и сотрудничестве². Эта помощь содействовала быстрому развитию наших производительных сил.

¹ Viliam Černiavský. Podstata pomoci Sovětského Svazu v oblasti vzájemné výměny zboží — «Politická ekonomie», 1955, № 2, str. 87.

² Уже в статье № 4 договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между ЧСР и СССР от 12.XII 1943 г. говорится, что обе стороны пришли к соглашению оказывать друг другу всяческую возможную помощь после войны. «Sbírka zákonů a nařízení Republiky Československé», 1946, № 11.

Чехословацкая промышленность получила мировую известность именно благодаря высокой технической квалификации и творческим силам наших трудящихся. В народно-демократической Чехословакии эти творческие силы впервые в истории нашей страны могли свободно развиваться. Развитию этих сил чехословацкого рабочего класса содействовали советские люди и зрелая социалистическая промышленность Советского Союза. Это проявилось, например, в передаче опыта новых методов добычи угля, повышении мощности гидро- и теплоцентралей, обогащении железной руды, а также в поставках высокопроизводительных механизмов и оборудования и т. д. Вследствие этой помощи был ускорен рост промышленного производства, а особенно рост тяжелой промышленности. Огромная помощь Советского Союза вообще отражается на структуре наших взаимных торговых отношений. Ввоз советского сырья является условием бесперебойной работы нашей промышленности. В течение десятилетнего периода наших взаимоотношений чехословацкая промышленность получила из Советского Союза следующие виды сырья (в процентном выражении): 80% железной руды, 70% меди, 80% нефти, 100% серной кислоты, 80% синтетического каучука, 70% хлопка и т. д.

Это означает, что подавляющее количество сырья, необходимого для развития нашей промышленности и особенно тяжелой, мы получаем именно из Советского Союза.

Не меньшую помощь оказывает Советский Союз и нашему сельскому хозяйству. До 1945 г. на наших полях не было ни одного комбайна. Совершенно понятно, что для перехода в сельском хозяйстве к социалистическому производству необходимы были и новые машины, которые облегчили бы труд сельскохозяйственных рабочих. Все чаще на наших совхозных и кооперативных полях появляются советские гусеничные тракторы, комбайны для уборки зерна и свеклы. Одновременно благодаря советской помощи было освоено производство этих машин и у нас. Так, например, было освоено производство комбайна СКЕМ-3 для свеклы, зернового комбайна ЖМ-300 (по типу советского комбайна С-4) и др. В сельскохозяйственном производстве применяются новые достижения советской агробиологии, вводятся новые методы работы в растениеводстве (например, квадратно-гнездовая посадка картофеля и др.) и в животноводстве.

Особого внимания заслуживает помощь, которую нам оказывает Советский Союз продовольствием. Никогда нельзя забыть той бескорыстной помощи, которую мы получили от Советского Союза во время катастрофической засухи в 1947 г. в форме поставок зерна. Тогда, по просьбе Климента Готвальда, Советский Союз предоставил Чехословакии около 600 тыс. тонн зерна, необходимого для предотвращения в стране голода, на котором пыталась спекулировать чехословацкая буржуазия. Чехословацкое правительство заплатило тогда за это зерно на 1 млрд. 931 млн. крон меньше, чем если бы это зерно было куплено в капиталистических странах.

Советская помощь содействует росту производительности труда. Трудящиеся Чехословакии все ярче осознают, что окончательная победа социализма может быть обеспечена лишь на основании непрерывного роста производительности труда. Наши лучшие ударники, рационализаторы и новаторы стоят в авангарде борьбы за повышение плана производительности труда. Они осваивают новые методы труда советских новаторов производства В. Колесова, П. Быкова, Н. Лунина, Л. Корабельниковой и др. Многие из них посетили Чехословакию, на месте обсудили с нашими ударниками новые методы работы. Они поддерживают с чехословацкими рабочими и крестьянами постоянную связь, помогают им

советом и техническими указаниями. И не будет преувеличением сказать, что помощь советских специалистов во многом помогла чехословацкому народу в борьбе за повышение производительности труда.

Важное значение имеет советский опыт и советская помощь в управлении нашим народным хозяйством. Неоценимый многолетний опыт Советского Союза был примером для нашей партии и правительства при разработке плана развития народного хозяйства.

В течение прошедших десяти лет советская помощь не ограничилась лишь областью производства, но и глубоко затронула культурную революцию, происходящую на нашей родине. Наравне с задачей строительства основ социализма Коммунистическая партия Чехословакии поставила перед нашим народом задачу воспитания нового, социалистического человека.

Чехословацкая наука и культура имеет старые и богатые традиции. Народы, давшие миру Яна Гуса, Яна Амоса Коменского, Яна Коллара, Йозефа Добровского, Яна Неруду, П. Орсага Гвездослава, И. Е. Пуркине, Иосифа Манеса, Бедржиха Сметану и других выдающихся деятелей науки и культуры, в результате победы народно-демократической революции получили полное право воспользоваться своим прогрессивным культурным наследием. В 1945 г. перед чехословацкой наукой и искусством встали новые важные задачи, вызванные потребностями формирования новой, социалистической идеологии. Все наши научные работники учатся у советских ученых творческому применению марксистско-ленинской теории в области разработки научных проблем.

Особое значение для развития чехословацкой марксистской науки имел опыт советской науки в борьбе за соединение теории с практикой, за развитие критики и самокритики как метода для преодоления недостатков и ошибок в научной работе.

В области исторической науки мы благодарны советским товарищам за постоянную помощь в развитии нашей марксистской историографии. В течение прошедших десяти лет более двадцати советских историков посетило Чехословакию. В их числе следует назвать покойного академика Б. Д. Грекова, П. Н. Третьякова, И. И. Удальцова, И. М. Климова, А. И. Недорезова, И. Н. Мельникову, С. И. Прасолова и многих других. Советские друзья-историки знакомили нас со своим методом работы и братски делились с нами своим опытом. Было издано на чешском языке несколько работ советских исследователей по истории Чехословакии, которые помогли нам решить важнейшие вопросы чехословацкой истории (труды И. И. Удальцова, А. И. Недорезова). В Институте славяноведения АН СССР коллектив историков работает над трехтомной «Историей Чехословакии». Отдельные вопросы чехословацкой истории в Советском Союзе разрабатываются в диссертациях и дипломных работах. Очень ценным пособием были переводы советских исторических учебников. У советских историков мы учимся также проводить научные дискуссии и конференции и т. д.

В 1948 г. для изучения опыта и результатов советской науки у нас был создан Чехословацко-Советский институт, который выполнил в этой области большую работу. Чехословацкая Академия наук во главе с заслуженным борцом за укрепление чехословацко-советской дружбы, президентом ЧСАН Зденеком Неедлы опирается как на прогрессивные традиции чехословацкой науки, так и на опыт советской науки. Ярким примером постоянной помощи Советского Союза чехословацкой науке было решение Совета Министров СССР от 18 января 1955 г. об оказании помощи Чехословакии в деле развития научных работ в области ядерной физики и атомных исследований.

Такое же благотворное влияние оказывает советская культура. Чехословацкие художники и писатели, развивая реалистическое наследие нашей литературы и изобразительного искусства, в сотрудничестве с советскими деятелями литературы и искусства знакомятся с принципами социалистического реализма, как методом художественного творчества. Мы избежали многих ошибок и заблуждений в своей культурной политике потому, что мы использовали опыт советской культурной политики, опыт борьбы с рапповцами, пролеткультовцами и иными вульгаризаторами марксизма в области художественного творчества.

Советская помощь сказалась в укреплении народно-демократического строя не только в Чехословакии, но также повлияла на ее международное положение. Еще никогда в истории независимая суверенная Чехословакия не имела такого важного международного значения, как в настоящее время, когда она твердо стоит в лагере мира и социализма, руководимом Советским Союзом. Важное значение в развитии чехословацко-советских отношений имеет Договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве, заключенный между Чехословацкой Республикой и СССР 12 декабря 1943 г. «Московский договор от 12 декабря 1943 г., — отмечал К. Готвальд, — дает твердые нерушимые основы нашей будущей национальной и государственной жизни. Он снимает с наших народов самое тяжелое бремя, которое они несли в течение долгих веков: страх за существование. Договор дает нам прочный фундамент, но дом, в котором будем жить мы и те, которые придут после нас, должны построить мы сами. И от нас зависит каков он будет»¹.

Десятилетнее развитие народно-демократической Чехословакии подтвердило слова К. Готвальда. Наша страна в результате усилий миллионов трудящихся и помощи Советского Союза превратилась в свободное демократическое государство. В союзе с СССР навсегда обеспечена независимость Чехословакии и безопасность нашей родины. В то время как империалистические круги ныне вновь восстанавливают силы заклятого врага свободного чехословацкого народа — немецких милитаристов и реваншистов, внешняя политика Советского Союза теперь, как и раньше, направлена на защиту дела мира и безопасности народов, в том числе и народов Чехословакии. Варшавское совещание снова подтверждает эту линию внешней политики СССР по отношению к Чехословацкой Республике.

Я рассмотрел лишь в общих чертах вопрос о значении помощи Советского Союза в развитии народно-демократической Чехословакии. Приведенные факты показывают, что существование и непосредственная помощь Советского Союза являются одним из важных факторов, облегчивших создание новой, независимой, социалистической Чехословакии. Помощь Советского Союза в годы национально-освободительной борьбы чехословацкого народа, в деле промышленного и сельскохозяйственного производства, в области науки, культуры, искусства способствовала пробуждению творческих сил чехословацкого народа и революционных традиций наших национальностей, успешному развитию нашего хозяйства в соответствии с интересами народа.

Вместе с тем помощь Советского Союза укрепляет уверенность чехословацкого народа в своих силах. Она создает атмосферу братского взаимного сотрудничества и взаимопомощи Чехословацкой Республики и Советского Союза. Помощь Советского Союза Чехословакии является составной частью все возрастающей взаимопомощи и сотрудничества

¹ K. Gottwald. Se Sovětským Svázem na věčné časy. Praha, 1954, str. 76.

стран лагеря мира и социализма, новым шагом к развитию которых было Варшавское совещание правительств стран демократического лагеря.

Потому совершенно закономерно, что любовь к Советскому Союзу стала неотделимой частью чехословацкого социалистического патриотизма. Дружба и братство между народами СССР и Чехословацкой республики восходят к отдаленным временам. Еще в период чешского и словацкого национального возрождения чешский и словацкий народы относились с большой симпатией к русскому народу. Вера в русский народ вдохновляла деятелей чешского национально-освободительного движения начала XIX в., укрепляла в массах чехословацкого народа надежду на собственное освобождение. Постоянная братская помощь Советского Союза народно-демократической Чехословакии еще более укрепила и расширила эти старые традиции любви и дружбы. В настоящее время в Союзе чехословацко-советской дружбы насчитывается около 2,5 млн. членов и лишь за время с 1 января 1955 г. до 10-й годовщины освобождения Чехословацкой республики от немецко-фашистской оккупации в члены СЧСД вступило 358 тыс. человек. В сердцах и мыслях всех наших людей глубоко и прочно запечатлено убеждение: «С Советским Союзом на вечные времена!»

Б. Граца

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ НАРОДОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Национально-освободительная борьба чехов и словаков в период второй мировой войны по праву занимает важное место в истории чехословацкого народа. В этой борьбе участвовали все прогрессивные силы чешского и словацкого народов. Под руководством коммунистической партии они проявили такое единство воли и действий, какого не помнит история наших народов со времен гуситского революционного движения. В национально-освободительной борьбе чехов и словаков периода второй мировой войны мы справедливо видим нарастание предпосылок того исторического перелома в жизни наших народов, который мы называем народно-демократической революцией и который стал исходным моментом в деле строительства бесклассового общества в нашей стране.

Многолетняя борьба наших народов закончилась в 1945 г. их полной победой и поражением тех сил и классов, которые в течение десятилетий предавали национальные интересы страны и политика которых привела наши народы под ярмо фашизма.

Коммунистическая партия Чехословакии была руководящей и организующей силой национально-освободительной борьбы. Она разработала основные вопросы стратегии и тактики национально-освободительного движения. Обобщив опыт революционной борьбы народных масс Чехословакии в прошлом, КПЧ в 1940 г.² дала оценку первого этапа освободительной борьбы периода второй мировой войны.

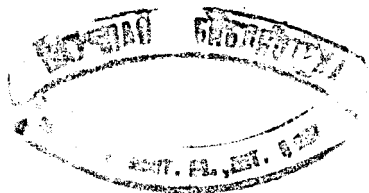
Национально-освободительное движение было действительно народным, массовым движением. В ходе его росло сознание народных масс, которые все более понимали необходимость революционных преобразований для обеспечения действительного национального освобождения и государственной независимости.

Фашистская оккупация и война неизмеримо ускорили процесс роста сознания широких масс. Народные массы видели результаты политики политических партий и групп, их деятельность в период оккупации и делали из этого соответствующие выводы. «Нынешняя война, — писал К. Готвальд, — является суровым испытанием, или же, как говорят русские, проверкой народов и государств. Соответствующим образом внутри отдельных народов и государств эта война является испытанием классов и социальных слоев, так же как и политических партий, групп

¹ Сокращенный доклад, сделанный на заседании Ученого совета Института славяноведения 18 мая 1955 г.

² Kl. Gottwald. Spisy, IX, Bratislava, 1954, str. 45—46.

2 Институт славяноведения, вып. 19

и тенденций. Это относится особенно к такому народу и государству, какими являются наш народ и государство. Наш народ и государство испытывают в связи с нынешней войной самый тяжелый кризис, какой был известен в период новой истории, ибо на карту поставлено само существование народа. Не удивительно, что в ходе этого кризиса обнажаются действительные социальные и политические связи внутри нации, так же как и действительное отношение отдельных общественных слоев и политических групп к судьбам нации, как целого»¹.

События в октябре 1938 г. и позднее в октябре—ноябре 1939 г. свидетельствовали о том, что в борьбе против фашизма и оккупации в Чехии, а в Словакии — против вассальной зависимости словацкого государства от фашистской Германии — участвовали широкие массы народа. В этих условиях политическое руководство должно было дать правильное направление разрывавшемуся народному движению в стране. Как показал весь ход национально-освободительной борьбы, «экзамен на государственного деятеля»², говоря словами К. Готвальда, выдержала только коммунистическая партия. Опираясь на учение марксизма-ленинизма, коммунистическая партия правильно определила характер национально-освободительного движения как движения, направленного не только против фашистского господства, но и против тех классовых сил внутри страны, которые способствовали установлению этого господства. Коммунистическая партия, выражая интересы народа, связывала вопрос о национальном освобождении страны с вопросом о демократических преобразованиях. Ведя борьбу с реакционными силами, а также колеблющимися элементами в Национальном фронте, коммунистическая партия выработала тактику национально-освободительного движения и привела наши народы к решающей победе.

Как в прошлом, так и в ходе второй мировой войны существовали два возможных пути решения чехословацкой проблемы: один путь — демократический, отвечавший интересам большинства народа, другой — реакционный, выражавший интересы чехословацкой буржуазии. Оба пути были отражением основного классового противоречия, существовавшего в стране, а также противоречия между силами прогресса и демократии, с одной стороны, и силами мировой реакции и фашизма — с другой.

В антифашистском национальном фронте угнетенных народов Чехословакии обнаружились две противоположные точки зрения по вопросу внешнеполитической ориентации национально-революционного движения, его тактики и форм борьбы, на пути выхода страны из тяжелого положения. Первая концепция связывала борьбу наших народов с прогрессивными силами в Европе и во всем мире, а также с военным разгромом гитлеровской Германии, вторая — окончательное решение чехословацкой проблемы ставила в зависимость от западных держав. Большой заслугой коммунистической партии является то, что с самого начала национально-освободительной борьбы она связывала ее с исторической освободительной миссией Советского Союза, а тем самым с прогрессивными силами Европы и таким образом сделала невозможным повторение 1918 г., когда чешская и словацкая буржуазия, опираясь на поддержку иностранных империалистов, захватила власть в свои руки.

Основная задача национально-освободительной борьбы наших народов в период второй мировой войны заключалась в восстановлении независимой Чехословацкой республики и демократизации ее политического и общественного строя.

¹ Kl. Gottwald. Spisy, XI, Bratislava, 1955, str. 351.

² Там же.

Чехословацкая республика, созданная в 1918 г., была буржуазным национальным государством чехов и словаков. Господствующие эксплуататорские классы Чехословакии, преследуя своекорыстные интересы, вели реакционную и антинациональную политику. Опасаясь роста революционного движения, чехословацкая монополистическая буржуазия стремилась установить фашистские порядки в стране. В связи с военными тенденциями мирового капитализма чехословацкая финансовая олигархия старалась увеличить военное производство, рассчитывая таким путем обеспечить себе громадные прибыли. Это проявилось прежде всего в перекатке капитала в военную и металлообрабатывающую промышленность, а в Словакии — в строительстве новых военных заводов.

В связи с ростом военной промышленности значительно увеличилось число рабочих. Так, если число рабочих в Словакии в 1935 г. принять за 100, то к концу 1937 г. индекс возрастает до 178. В целом для страны этот индекс был меньшим, тем не менее он свидетельствует о конъюнктурном оживлении военного производства, вызванного подготовкой к новой войне. В Словакии вкладывался преимущественно капитал чешских акционерных банков и обществ, таких, как «Union Banka», «Živnobanka», «Československá zborovka» и др. Предвоенное развитие капитализма в Чехословакии привело к серьезным структурным изменениям в сфере промышленной экономики, к укреплению мощи финансовой олигархии. Финансовая олигархия была самым активным носителем фашистских тенденций и политики предательства национальных интересов чехов и словаков. Узкая группа финансовой олигархии противостояла огромному большинству народа. Интересы народа требовали ликвидации господства финансовой олигархии.

Рабочий класс Чехословакии шел в авангарде национально-освободительной борьбы, причем, как указывал К. Готвальд, от натиска и упорства рабочего класса зависел успех или неудача отдельных боевых действий и в конце концов победа прогрессивного пути разрешения чехословацкой проблемы в период второй мировой войны¹. Поэтому террор немецко-фашистских оккупантов обрушился прежде всего на рабочий класс, особенно на его сознательную часть. Не случайно, что почти 70% замученных в Чехии составляли представители рабочего класса, а в Словакии на каждых 10 убитых или арестованных приходилось 9 рабочих.

Важным условием, которое ускорило процесс создания национального единства под руководством рабочего класса в борьбе против фашизма, было разоблачение политики коалиции чехословацкой буржуазии и правых социал-демократов. Создание «Партии национального единства» и «Национальной партии труда»² нашло отклик в массах рядовых членов старой социал-демократической и национально-социалистической партий.

То обстоятельство, что некоторые депутаты названных партий отвергли объединение с фашистскими элементами, указывало на раскол в этих партиях и в определенной мере свидетельствовало о настроении рядовых членов. Несогласие с капитулянтской позицией руководства этих партий открыто проявилось впоследствии в течение 1939 г., особенно в октябре—ноябре. Коммунистическая партия Чехословакии вела упорную борьбу с социал-демократической и национально-социалистической партиями за массы. Коммунисты участвовали в печатных органах «Национальной партии труда» и других партий, а также вели работу в «Национальной партии труда», возникшей главным образом на базе социал-демократических организаций. Коммунистическая партия Чехословакии, разоблачая

¹ K. Gottwald. Spisy, IX, X, XI.

² «Právo lidu», 11 prosince 1938.

оппортунистическую теорию лидеров «Национальной партии труда», в воззвании от 16 марта 1939 г. указывала, что «есть лишь один путь, который может привести к сохранению нации, путь сопротивления, обороны, борьбы».

Результаты работы коммунистов в массах не замедлили сказаться уже в 1939 г. в майских торжествах и в народной манифестации по случаю переноса останков К. Г. Махи на вышеградское кладбище, а также в митинге на Староместской площади 5—6 июля 1939 г. у памятника Яна Гуса.

После ноябрьских событий 1939 г. борьба за национальное единство развернулась и среди эмиграции. Коммунистическая партия боролась против фаталистических теорий о покорности судьбе, пропагандировавшихся из Лондона группой Бенеша, которая поддерживала правительство Гахи в 1938—в начале 1939 г. То, что эта группа поддерживала правительство Гахи, признал сам Бенеш. В своей речи на заседании Государственного совета в Лондоне 25 декабря 1941 г., он сказал: «Так называемое правительство протектората и его президент появились не только в результате войны, как это было с квислинговцами в Норвегии, в Голландии, Бельгии или позднее в Хорватии или в других странах. У нас это явилось следствием Мюнхена и 15 марта 1939 года, ответственность за что несли не мы. Поэтому мы не сказали против него ни одного слова — ни я, ни правительство»¹.

Стремление Бенеша снять с себя ответственность за Мюнхен проходит красной нитью во всех его выступлениях во время второй мировой войны. Это становится вполне понятным в свете событий конца сентября 1938 г., когда правительство Годжи под давлением народных масс пыталось найти выход из тупика, в котором оно очутилось. Тысячи писем, адресованных Бенешу, с требованием, чтобы он отверг мюнхенский диктат, поставили в затруднительное положение Бенеша. Спасительным выходом из этого положения стал лозунг «Да здравствует генерал Сыровы!», выдвинутый градским крылом чехословацкой буржуазии 22 сентября 1938 г.², чтобы сохранить свое влияние на массы. Выдвижение этого лозунга спасло Бенеша от разоблачения еще в сентябре 1938 г. На этой фальшивой основе, на этом обмане протестующих масс и патриотов республики начал Бенеш разыгрывать свою роль борца за национальное освобождение.

Коммунистическая партия исходила из единственно правильного положения, что для освобождения страны и воссоздания демократического Чехословацкого государства народы Чехословакии должны принять максимальное участие в разгроме немецко-фашистских захватчиков.

Предпосылкой создания национального антифашистского фронта было единство рабочего класса. Борясь за единство рабочего класса, коммунистическая партия вела борьбу с рецидивами реформистской, а в условиях гитлеровского порабощения социал-шовинистской, теории о приспособлении рабочего класса к новому режиму. Успешные бои в 1940—1941 гг. в Кладно, Верхней Бржизе, Остраве и в других местах, стачечное движение в Словакии в 1940 г. и особенно всеобщая стачка в Гандловый, явились доказательством успешной работы в этом направлении подпольных организаций партии. О том, как росло сознание нашего рабочего, свидетельствуют не только стачки, но и организация самообороны, которая была направлена против террора оккупантов. Эта

¹ Naše politická práce. Londýn, s. a., str. 24.

² «Právo lidu», 22 září 1938; 23 září 1938.

самооборона проявилась также в создании массовой нелегальной организации под названием «Солидарита». Деятельность этой организации показала, что влияние пролетариата на остальные слои народа усилилось. Так, например, братиславская городская организация КПЧ имела в 1939—1940 гг. около 300 членов, но в организации «Солидарита» участвовало от 7 до 10 тыс. человек. Несомненно, что эти формы борьбы народных масс были гораздо эффективнее и приносили больше пользы делу национально-освободительного движения, чем акты индивидуального террора, которые пропагандировались буржуазными организациями маффистов и поощрялись лондонской группой буржуазных эмигрантов. Коммунистическая партия, организуя и направляя национально-освободительную борьбу чешского и словацкого народов, в 1941 г. приняла решение о создании Центрального национально-революционного комитета Чехословакии и массовых организаций сопротивления — национальных комитетов. С этого времени, а точнее со времени вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз, коммунистическая партия сосредоточивает свои усилия на создании национальных комитетов в Чехии и Словакии.

Объективными условиями для создания национальных комитетов были усиливающаяся организованная борьба рабочего класса и растущее недовольство крестьянства в связи с насильственной конфискацией земли и выселением чешских крестьян. Выражая интересы нации, коммунистическая партия боролась за укрепление союза рабочих и крестьян, являвшегося основой Национального фронта. Жестокый террор, еще более усилившийся после покушения на Гейдриха, затруднил организационное оформление союза рабочего класса и крестьянства. Это оформление произошло в Чехословакии в начальный период освобождения Советской Армией территории Чехословакии. Однако идея народного антифашистского фронта со всеми атрибутами народного демократизма начала практически осуществляться уже с 1941 г. Под руководством КПЧ рабочий класс, в союзе с крестьянством, заложил основы национальной свободы, качественно отличной от национальной свободы, существовавшей в буржуазной Чехословакии.

Этот союз наиболее полно проявился там, где народ, как, например, в период Словацкого народного восстания, проводил национализацию промышленности, а также провозгласил лозунг, облетевший всю страну: «Земля принадлежит тому, кто на ней трудится».

Коммунистическая партия боролась не только против правых элементов в Национальном фронте, которые стремились оторвать крестьянство от пролетариата, проповедуя теорию выжидания удобной минуты для восстания, но и против узкосектантских тенденций, а также против тех представителей, которые недооценивали революционные способности крестьянства в национально-освободительной борьбе.

Интересен тот факт, что в течение всего периода национально-освободительной борьбы буржуазная эмиграция ни разу не поставила аграрный вопрос, хотя в своих радиопередачах неизменно сентиментально горевала о судьбе чешского крестьянства. Впервые Бенеш вынужден был высказаться по этому вопросу в 1943 г. в беседе с представителями Центрального руководства КПЧ в Москве, как об этом свидетельствует письмо К. Готвальда коммунистам в Лондон¹.

Руководя национально-освободительным движением, компартия использовала все возможные формы организации масс и методы борьбы

¹ Kl. Gottwald. Spisy, XI, Bratislava, 1955, str. 314—330.

против фашистских оккупантов. Среди них первое место принадлежит национальным комитетам и партизанским боевым дружинам. Они создавались и действовали в условиях острой политической борьбы. Буржуазия стремилась принизить роль этих всенародных организаций, превратив их в чисто символические организации. Она препятствовала созданию национальных комитетов как органов народной власти, а некоторые партизанские группы использовала лишь для личной охраны людей, состоящих на службе у лондонского правительства.

Борьба компартии за создание национальных комитетов и партизанских дружин увенчалась успехом в период Словацкого народного восстания. В ходе Словацкого восстания революционная воля народа узаконила эти органы в качестве основы политической системы в освобожденном государстве. Словацкие буржуазные националисты стремились воспрепятствовать превращению национальных комитетов в органы народной власти. Теперь хорошо известны попытки министра внутренних дел националиста Гусака лишить национальные комитеты полномочий на освобожденной территории. Декретом от 14 сентября он объявил национальные комитеты блоком партий и совещательными представительными органами при окружных начальниках и старостах. В Банскобыстрицком округе старосты сел принимали присягу на верность старой Чехословацкой республике. Несмотря на трения между словацкими буржуазными националистами и лондонской буржуазной эмиграцией, их позиция в отношении национальных комитетов была одинакова. Эти действия буржуазных националистов разоблачали их как врагов чешского и словацкого народа, врагов демократии. Националистам не удалось ликвидировать национальные комитеты. Дело обороны освобожденной территории органически зависело от размаха деятельности национальных комитетов и от политического сознания масс. Национальные комитеты назначали управляющих или комиссаров на предприятия и в учреждения, учитывали финансовые средства в банках и сберегательных кассах и — что важнее всего — проводили военную мобилизацию, а также заботились о снабжении воинских частей.

Несмотря на поражение, Словацкое народное восстание имело огромное политическое значение. Восстание показало несостоятельность утверждений буржуазных политиков о необходимости военной диктатуры на освобожденной территории, посредством которой буржуазия рассчитывала захватить власть в свои руки. Народ своей организованностью и дисциплинированностью, которые проявились в неуклонном выполнении распоряжений национальных комитетов, доказал, что он не нуждается в патриархальной опеке крупных помещиков, фабрикантов и окружных начальников и может сам решать свои дела.

Коммунистическая партия решительно боролась с недооценкой роли национальных комитетов в деле освобождения народа от оккупации и в переустройстве страны. «Идея национальных комитетов, — писал К. Готвальд в 1943 г., — глубоко коренится в традициях нашей национальной борьбы еще против Австрии, и нет сомнения в том, что национальные комитеты призваны сыграть свою значительную ведущую роль и в современной, несравненно более тяжелой борьбе против гитлеровской Германии. В национальных комитетах воплощено национальное единство всех политических, социальных и культурных сил народа против оккупантов, и оно будет воплощено в них и в строительстве новой жизни в освобожденной отчизне»¹. Практическую деятельность национальных комитетов

¹ Kl. G o t t w a l d. Spisy, XI, Bratislava, 1955, str. 263.

партия ставила в прямую связь с размахом вооруженной борьбы, с формированием партизанских дружин. Без этой массовой организационной базы партизанские группы были бы осуждены на прозябание, они стали бы только связующими отрядами, а не массовой вооруженной армией освободительного движения, армией народа. Руководство коммунистической партии в Чехии и в Словакии приложило немало усилий, чтобы организовать силы вооруженного сопротивления.

Известия о героических действиях украинских и белорусских партизан находили отклики в Чехии и Словакии и способствовали пропаганде идеи партизанского движения в нашей стране. У наших народов осталось светлое воспоминание об отважных, смелых участниках партизанского движения, о совместной борьбе чехословацких и советских партизан. Свободное от разного рода карьеристских и предательских элементов, оно остается могучим средством воспитания национальной гордости и социалистического патриотизма.

Противоречия, в которых жил чехословацкий народ в период оккупации, нашли свое отражение в национально-освободительной борьбе. Без разрешения этих противоречий невозможно было дальнейшее демократическое развитие Чехословацкого государства. Чехословацкий пролетариат играл роль гегемона в национально-освободительной борьбе и в национально-демократической революции благодаря тому, что в сложных внутри- и внешнеполитических условиях, используя опыт международного рабочего движения и прежде всего советского народа, он создал свою политическую партию, способную возглавить и направлять революционную борьбу трудящихся масс. Будучи партией рабочего класса, коммунистическая партия в ходе национально-освободительной борьбы была единственным последовательным защитником общенародных интересов, росла и крепла в политическом и организационном отношении. В партию вступали лучшие представители народа. Выдвигая правильные тактические лозунги и формы борьбы, она укрепляла связь с массами и доверие к своей политике.

Исходя из директив VII конгресса Коммунистического Интернационала и директив Исполкома Коминтерна от 1938 г. о том, что фашизм угрожает не только пролетариату, но и громадному большинству народа, Коммунистическая партия Чехословакии с самого начала организовала всенародную борьбу против оккупантов. Но всенародный характер борьбы требовал и новых тактических приемов. События в октябре и ноябре 1939 г. указывали на то, что оккупанты не остановятся перед тем, чтобы вооруженной силой разгромить всякую массовую демонстрацию. В 1940 г. партия выдвинула на первый план борьбу за повышение заработной платы, но уже в 1941 г., после нападения на Советский Союз, центральным стал лозунг «работай не спеша!», а в 1943 г. после объявления фашистскими захватчиками тотальной мобилизации коммунистическая партия приступила к созданию вооруженных сил сопротивления, организации партизанских групп для вооруженного восстания. Значительную роль в поддержании боевого духа среди народных масс сыграла подпольная коммунистическая печать. В 1942 г., в самый темный и ужасный период оккупации, распространение коммунистической печати было одной из важнейших боевых задач, так как в этот период связь с народом поддерживалась только при помощи печати.

В движении сопротивления важную роль играло и разрешение вопроса об отношениях между чехами и словаками в освобожденной стране. Чехословацкая республика была национальным государством чехов и словаков. Чехословацкая правящая буржуазия оказалась не способной

ликвидировать экономическую отсталость Словакии, укрепить государственное единство, что отвечало бы национальным интересам чехов и словаков. Напротив, чехословацкая финансовая олигархия рассматривала Словакию как аграрный придаток и рынок сбыта для чешских промышленных товаров, тормозила промышленное развитие этой части страны.

Идея чехословацкой государственности должна была победить в идеологической борьбе против международного империализма. Империализм был и остается злейшим врагом наших народов. Вернейшим защитником наших национальных интересов был и есть Советский Союз. Это проявилось уже в марте 1939 г., когда Советское правительство, в своей ноте заявило о том, что оно не признает «включение Чехии в Германскую империю — и в той или иной форме и Словакии — правомочным и отвечающим общепризнанным принципам международного права и справедливости, или принципу самоопределения наций». Для укрепления позиции Чехословакии на международной арене большое значение имело провозглашение Советским правительством на межсоюзнической конференции в Лондоне в сентябре 1941 г. права народов, подпавших под ярмо гитлеризма, на самоопределение, а затем договор Чехословакии с Советским Союзом от 18 июля 1941 г., согласно которому Чехословакия была признана воюющим государством. По этому договору Чехословацкая заграничная армия рассматривалась как регулярная армия, по отношению к которой имели силу все международные принципы ведения войны между двумя государствами.

Поддержка Советского Союза сыграла важную роль в ликвидации происков империалистических сил, пытавшихся заключить польско-чехословацкий договор с польским эмигрантским правительством, которое после 1939 г. находилось в состоянии войны с Советским Союзом. Это была попытка расстроить союз между народами Чехословакии и Советского Союза в их борьбе против общего врага. Твердая позиция Советского правительства, его борьба против всяких попыток раскола антигитлеровской коалиции заставила чехословацкую буржуазию прервать переговоры с польским эмигрантским правительством. Важное место в укреплении идеи восстановления Чехословацкой республики в ее прежних границах занимает чехословацко-советский договор от 12 декабря 1943 г., который не оставлял ни у кого сомнения в том, что Чехословакия будет восстановлена.

Группа Осуцкого-Годжи пыталась расстроить чехословацкое государственное единство. Она выступила с концепцией «Дунайской федерации», в которую в качестве одного из федеральных государств была бы включена и Словакия. Эту точку зрения разделяли и некоторые буржуазные политики так называемого Словацкого государства. Посланный Кишбаум, бывший генеральный секретарь глинковской словацкой народной партии, в газете «Нейе Цюрихе цейтунг» писал, что он считает возможным такое решение этого вопроса. Но под нажимом гитлеровской дипломатии братиславские правители вынуждены были отречься от Кишбаума. Это тем не менее остается фактом. Идею создания «Дунайской федерации» поддерживали польские реакционные журналы «Дзенник Польски» и «Фрай Европ», издававшиеся в Лондоне.

Чехословацкое государственное единство необходимо было также отстоять и в борьбе против теории «единого чехословацкого народа», развиваемой Бенешом. Эта теория, выражавшая империалистические реакционные тенденции чехословацкой буржуазии, лила воду на мельницу словацких сепаратистов и весьма затрудняла борьбу Коммунистической партии Словакии против буржуазных националистов. Опасность

ее состояла в том, что она вела к подрыву единства сил сопротивления наших народов. Корни этой теории крылись в отрицании ответственности чехской финансовой олигархии за Мюнхен и капитуляцию. Как уже отмечалось, Бенеш более чем другие буржуазные политики был заинтересован в том, чтобы скрыть ту роль, которую он играл в сентябре 1938 г. Поэтому он стремился подменить практическое решение этого вопроса теоретическими рассуждениями. Еще в 1943 г. в беседе с представителями Коммунистической партии Чехословакии он отверг принцип отношения чехов и словаков как двух равноправных народов. Он отказался признать этот принцип и продолжал отстаивать свою позицию. Об этом свидетельствует отправленная во время восстания из Банской Быстрицы в Лондон радиogramма Дртина, в которой он сообщал, что «мысль о едином чехословацком народе, как она записана в Конституции, вероятно; придется оставить, так как даже такой чехословак, как Шробар, в приветственной речи к правительственной делегации употребил термин «словацкий народ»¹.

Коммунистическая партия Чехословакии с самого начала прокламировала демократический принцип объединения чехов и словаков в одном государстве как равноправных народов. Этот принцип вытекал из главной задачи национально-освободительной борьбы, борьбы за разгром немецкого фашизма. Обязанностью каждого патриота, гражданина поработенной нации, было максимально способствовать делу победы демократии над фашизмом. Принцип «равного с равным» был принят громадным большинством словацкого народа, в результате чего фронт участников антифашистского сопротивления расширился, и словацкий народ принял максимальное участие в разгроме фашизма. Любое другое решение препятствовало установлению антифашистского национального единства, раздробляло силы и играло на руку международному империализму, заинтересованному в ослаблении и изоляции Советского Союза. Таким образом, принцип «равного с равным» в условиях борьбы против немецко-фашистских захватчиков означал равную обязанность участвовать в разгроме фашизма и в восстановлении Чехословацкой республики. Борьба за восстановление Чехословацкой республики позволила создать в этой части Центральной Европы единый фронт трудящихся двух братских народов, который служил прогрессу и демократии. Этот фронт двух братских народов стал предпосылкой победы социализма в этой части Европы, так как его гегемоном был рабочий класс. Поэтому идея чехословацкой государственности по принципу «равного с равным» была единственно правильной и прогрессивной идеей в национально-освободительной борьбе чехов и словаков.

Далее, чехословацкое государственное единство должно было победить в борьбе против сепаратизма людаков, являвшегося одной из разновидностей буржуазного национализма. Сепаратизм людаков принес громадный вред словацкому народу. Словацкая экономика была беззастенчиво разграблена немецкими концернами. Сепаратизм людаков вел к упразднению всяких демократических прав и унификации общественной жизни. Определенная часть населения, особенно средние, мелкобуржуазные слои, была деморализована расистскими взглядами.

Коммунистическая партия Словакии вела упорную борьбу с сепаратизмом людаков. Она разоблачила сущность фашистского режима в Словакии, показала, что этот режим является орудием подчинения Словакии

¹ AUD KSS. Radiogramy. Banská Bystrica—Londýn.

германскому фашизму. В Словацком народном восстании словацкий народ отверг сепаратизм как политическое направление и стал на сторону чешского народа в борьбе за восстановление Чехословацкой республики.

Борьба словацкого народа за восстановление Чехословацкой республики была объективно связана с борьбой за ликвидацию финансовой олигархии, политика которой являлась одной из причин раздела республики. Таким образом, это была революционная борьба за национальное и социальное освобождение.

Зд. Вирт

ОБЩАЯ РОДИНА ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ¹

Чехословацкая народно-демократическая республика является государством добровольного и прочного союза двух славянских народов — чехов и словаков, объединенных общим социально-экономическим и политическим строем, культурным развитием и единой волей к миру, а также несокрушимой решимостью защищать неприкосновенность своих государственных границ против любого врага.

Этот союз имеет глубокие исторические корни. Нынешняя чехословацкая государственная территория находится в самом центре Средней Европы. Характер рельефа нашей родины определяется двумя горными системами — Чешской возвышенностью и горным массивом Карпат, составляющим словацкую пограничную полосу, прорезанную глубокими перевалами. Моравия и опавская Силезия создают естественный переход между ними, примыкая на западе к чешскому массиву, а на востоке переходя в область моравских и словацких Карпат. Системы Эльбы и Дуная определяют общее течение притоков в Чехии и Моравии. В Словакии имеется несколько не соединенных между собой водных артерий, впадающих в Дунай.

Этот богатый по рельефу край поднимается к вершинам пограничных гор Шумавы, Крушногогорья и Крконош, расположенных вокруг Чехии и северной Моравии, а в Словакии постепенно возвышается от словацкого Красногорья через Низкие Татры к могучему горному хребту Высоких Татр. Реки каньонами врезаются здесь в горы, переходя в долинах в широкие русла, окаймленные лугами и прибрежными лесами. Дремучие леса прежде обрамляли подножия и долины пограничных гор, проникая далеко вглубь нынешней чешской земли.

Край, ставший нашей совместной родиной, заселяли славянские племена, пришедшие сюда с севера и востока. Первоначально они не имели прочной государственной организации. Первой попыткой создания такой организации было государство Само в VII в. При князе Святоплуке была предпринята новая попытка создания государства. Великая Моравия охватывала большую часть нынешней территории чехов и словаков. Однако после смерти Святоплука этот непрочный государственный союз начал распадаться. Его падение было ускорено нашествием венгров. По мнению археологов, в частности академика Эйзнера, основанном на результатах последних раскопок, Словакии и Моравии принадлежало в тогдашней Средней Европе (до конца IX в.) первенство в области развития ремесла, особенно в изготовлении ювелирных изделий и железных

¹ Публикуется сокращенный доклад, сделанный на заседании Ученого совета Института славяноведения 18 мая 1955.

полуфабрикатов. Моравское производство оказало большое влияние на экономическое развитие северной части нынешней Чехии и Словакии.

Возможно, что еще в IX в. чешские и словацкие племена составляли одно этническое целое. Их общим языком был старославянский церковный язык. Однако после падения Великой Моравии чехи и словаки стали развиваться самостоятельно под влиянием разных исторических условий, на тысячу лет была нарушена связь территорий, населенных этими народами. В результате разни́ца между ними постепенно увеличивалась, создавались две отдельные народности в двух различных государственных центрах — в государстве Чешском и Венгерском.

В X в. на территории Чехии существовало два политических центра — государство Пржемыслов вокруг Праги и государство Славниковцев вокруг Либиц. В 995 г., после гибели Славниковцев, все чешские земли были объединены в одно государство. В результате укрепления феодальных отношений и образования единого чешского государства (приблизительно с X в.) мы можем говорить о существовании чешской народности. Эта народность имела общую территорию, общий язык, из которого впоследствии развился литературный язык, имела черты общей культуры и до некоторой степени общность экономической жизни.

Несмотря на то, что в результате захватов правители Чехии временно расширяли территорию государства за счет Польши, Венгрии или Альпийских земель, несмотря на то, что Чешское государство подчинило себе в рамках Люксембургской империи Лужицу и Бранденбург, а в период после гуситских войн политическое влияние Чехии распространилось и на часть Словакии, — национальная территория чешского народа вплоть до начала XIX в. и даже в период централизма в Габсбургской империи оставалась фактически неизменной.

Чешская народность в период феодализма сохраняла и развивала чувство национального единства и любви к родной земле. В гуситский период мы встречаемся с изречением, что «патриот горячо борется за доброе имя чешского языка и успехи всей нашей родины и Чешского королевства». Начиная с XVI в. появляются первые исторические очерки о чешской земле, сперва лишь переводы, как, например Космография Мюнстера (1554 г.), а затем и оригинальные произведения *Respublica Bohemiae* эмигранта Павла Странского (1634 г.). Подлинная связь с народом проявляется впервые в научных сочинениях Яна Амоса Коменского. Он любил язык своего народа, его традиции, обычаи и пословицы. В более позднее время развернулась научная деятельность иезуита Богуслава Бальбини с его *Miscellanea*. В период просвещения делаются первые действительно научные попытки познать национальное прошлое чешского народа, изучаются вопросы топографии, археологии, генеалогии и нумизматики. Эта деятельность достигает своего апогея в сравнительно критическом научном методе Йозефа Добровского.

По-иному сложилась судьба словацкого народа. В XI в. он был включен в состав Венгерского королевства. Словацкая народность развивалась медленнее чешской, что отчасти объясняется пестрым этническим составом населения Словакии в период феодализма, значительно более пестрым, чем Чехии, где в XVIII в. жили только чехи и немцы.

Говоря о Словакии, следует отметить, помимо немецкой колонизации, переселение с севера поляков, а после гуситских войн и в период после Белогорского сражения — чехов. Во время турецких войн в Словакии находили убежище выходцы из южнославянских стран. С XVI в. с Балканского полуострова проникают в Словакию и в Моравию валахи, которые заимствуют у славян язык, но сохраняют свой примитивный пасту-

шеский образ жизни. Словацкие евреи в большинстве случаев происходили из Галиции. В стране было много кочевых и оседлых цыган.

Замедление процесса развития словацкой народности в XVII в. было вызвано германизацией, венгерскими влияниями и оторванностью от народа значительной части словацкой интеллигенции. Вплоть до XIX в. словаки не имели своего основного политического и культурного центра. Первые попытки создания исторических очерков в Словакии относятся лишь к XVIII в. Мы имеем в виду сочинение словака Матвея Бела *Notitia Hungariae novae* (1735—1742 гг.).

В начале XIX в., в период национального возрождения, завершается формирование чешской нации. Затем образовалась и словацкая нация.

Теперь, после длительного обособления, рождается, пусть сперва и несмело, стремление двух наций к организации совместной политической жизни. Несмотря на то, что некоторые деятели чешского национального движения начала XIX в., не понимавшие настоящего смысла чехословацкого единства, выступали против создания собственного словацкого литературного языка, взаимная связь между чехами и словаками возрастала, особенно после провозглашения турчанско-мартинского манифеста 1861 г. о политических и национальных правах словаков. Еще до провозглашения австро-венгерского дуализма и начала шовинистического наступления венгерской буржуазии словаки основали в 1867 г. собственную Матицу, гимназии и общества, а их политические лидеры стали во главе жуп. Возобновились традиционные народные процессии в Кривань. Чешский народ проявлял и проявляет горячие симпатии к братьям-словакам. Песня «Там под Криванем» и девиз «От Шумавы к Татрам» являются уже как бы символом совместной родины, общей чехословацкой государственности. По случаю торжественного основания Национального театра 16 мая 1868 г. в Праге присутствовало около 60 тренчанских ремесленников. Официальную делегацию из Словакии в Прагу послать было невозможно. Ярким проявлением чешско-словацких связей было путешествие Иосифа Манеса в Словакию в 1854 г., запечатленное в прекрасных пейзажах и иллюстрациях к народным песням, и поэтическая деятельность Божены Немцовой. В 1895 г. в Праге была открыта Чехословацкая этнографическая выставка, на которой публика торжественно приветствовала словацких представителей. Объединение чехов и словаков в едином государстве смогло осуществиться лишь после поражения и распада Австро-Венгерской монархии в конце первой мировой войны. К сожалению, первый период жизни двух народов в едином государстве был осквернен национальным угнетением чешской буржуазией словацкого народа. В период фашистской оккупации наши народы были поработены. Они поднялись на революционную борьбу с врагом, и с помощью братской Советской Армии опять возродилась наша общая родина. В настоящее время народно-демократический строй нашего государства зиждется на подлинно братском равноправии обоих наших народов, на твердом политическом единстве всего населения страны. И мечты стали былью: социалистическая индустриализация Словакии уже дает свои плоды, проявляющиеся в ликвидации безработицы, росте материальной и духовной культуры прежде отсталых областей. Возникают новые поселения рабочих и крестьян, новые промышленные центры, копи и металлургические комбинаты, новые водные системы и энергетические центры, новые железные и шоссейные дороги. Совершенно иной стала и культурная жизнь нашего народа. Великое будущее открывается перед нашей литературой и искусством. Забота государства о всестороннем развитии народа проявляется в создании

новых школ, новых библиотек, музеев, концертных залов, театров. Наши архитекторы и строители всегда учитывали в своем творчестве особенности родного пейзажа. Это касается как монументальных произведений архитектуры — обширных замков и дворцов, крепостей, монастырей и храмов, так и прекрасных произведений народных мастеров, будь то деревенская изба или небольшие часовенки, украшенные национальным орнаментом и резьбой. Чешские и словацкие города, органически сливающиеся с окружающей природой, характерны красотой своих древних памятников, своеобразием планировки. Чешское архитектурное искусство отличалось всегда широким использованием национальных традиций и творческим переосмыслением достижений других народов. Патриоты нашей новой, социалистической родины не только сохраняют богатые памятники прошлого своей страны, но сделают ее в будущем еще прекраснее.

Б. Лесьнодорский

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ТЕЧЕНИЕ В ВОССТАНИИ 1794 г.

(Польские „якобинцы“)¹

В ходе национально-освободительной борьбы польского народа неоднократно проявлялась связь национально-освободительных идей и стремлений с левым, народным течением в восстании Костюшки 1794 г. Она проявилась в ноябрьском восстании 1830 г., между прочим, в переиздании некоторых якобинских брошюр, как, например, П. Айгнера «Краткое учение о пиках и косах». Спор о сути восстания Костюшки и его традиции продолжался как в стране, так и в среде польской эмиграции XIX в. Первым историком, который специально обратил внимание на роль народных масс в восстании 1794 г. и значение крестьянского вопроса, был Иоахим Лелевель. Дрину под знаменательным названием «Две Польши» о Якубе Ясиньском и левом течении восстания дважды собирался писать Адам Мицкевич, противопоставляя представителей левого течения и народного движения всей массе шляхты. Юлиуш Словацкий ввел в свою драму «Горштыньский» виленских заговорщиков-радикалов. «Красные» в восстании 1863 г. также обращались к традициям левых восстаний 1794 г. Председатель Национального правительства Кароль Маевский, характеризуя идеологию «красных», а точнее — их левого крыла, заявил царской военно-следственной комиссии, что начало идейной, непрерывной борьбы за независимость Польши восходит к концу XVIII в.

Позднее традицию восстания стремились использовать в своих антиреволюционных целях польская буржуазия и буржуазная историография, усиленно замазывая столкновения левого и правого течений восстаний и значение народных масс. Так, в 1894 г., в столетнюю годовщину восстания, появилась крайне идеалистическая монография Тадеуша Корзона о Костюшке, а в 1917 г., в столетие со дня смерти Костюшки, появилась масса популярных книг и статей, посвященных Костюшке. Антиисторически отождествляя два различных явления — буржуазную идею межклассовой солидарности эпохи империализма с позицией Костюшки в конкретных условиях XVIII в., — буржуазные историки пытались использовать пример Костюшки для борьбы против революционного движения. Одновременно буржуазная историография шла еще дальше. Шимон Аскенази, известный представитель буржуазно-либеральной историографии, провозглашая культ героев-одиночек, не затрагивал еще непосредственно авторитета Костюшки, но противопоставлял ему князя Юзефа Понятовского, вознес последнего на пьедестал героя. Вместе с тем он резко отрицательно характеризовал польских якобинцев 1794 г., тенденциозно идеализировал правые буржуазные течения фран-

¹ Доклад, сделанный на заседании Ученого совета Института славяноведения 16 февраля 1955 г.

цузской революции и осуждал как парижских якобинцев, так и русские революции 1905 и 1917 гг. Крайний националист Адам Скалковский, один из учеников Аскенази, поставил перед собой цель не только очертить как польских якобинцев, так и крестьян, принимавших участие в восстании, но и развенчать авторитет самого Костюшки, которому он противопоставил Яна Генриха Домбровского.

Другой эндецкий историк, Владислав Конопчиньский, тенденциозно хвалил Костюшку за отказ от якобы скомпрометированных французских лозунгов; в то же время он старался противопоставить восстанию 1794 г. идеализированную реакционную шляхетскую барскую конфедерацию.

Народное течение в восстании 1794 г. начал изучать Вацлав Токаж, что является его заслугой. Однако при освещении его Токаж не вышел за рамки регистрации ряда фактов и не скрывал своей неприязни к этому течению и его роли в дальнейших событиях после освобождения Варшавы. Адам Прухник в работе «Костюшковская демократия», рассматривая якобинское течение, ограничился общими фразами, причем дал идеализированное описание, проникнутое элементами национализма. Дальнейшие шаги в изучении этого вопроса сделали некоторые ученики Токажа, особенно Генрих Яблоньский (впоследствии исследователь-марксист), в ценном труде о военном уголовном суде восстания 1794 г.¹

В общем, до сих пор знали и писали о народном и якобинском течении в восстании Костюшки не очень много. Напомнили о нем и правильно оценили его значение исследователи-марксисты, особенно в тот период, когда в Советском Союзе создавалась первая дивизия Войска Польского имени Тадеуша Костюшки², и во время празднования 150-летия восстания, отмечавшегося уже в народной Польше³. Значение и смысл этой традиции необходимо, однако, еще глубже изучить, широко привлекая разнообразные источники. Заслужкой историков литературы является то, что они первые в народной Польше обратились к богатым архивным материалам — сотням и тысячам рукописных копий, боевой и очень интересной, чаще всего анонимной революционной поэзии и песням того времени⁴. Эти материалы являются ярким документом эпохи.

Я хотел бы здесь вкратце рассказать о первых, еще не полных результатах изысканий в области изучения идеологии левого крыла повстанческого лагеря, так называемых польских якобинцев.

Кроме упомянутого литературного материала, источником являются брошюры и журналы, к сожалению, сохранившиеся лишь частично,

¹ H. J a b ł o ń s k i. Sąd kryminalny wojskowy w roku 1794. Warszawa, 1935. См. также критическую вступительную статью Г. Яблоньского в книге W. T o k a r z. Insurekcja warszawska, II wyd. 1950.

² R. W e r f e l. Tadeusz Kościuszko. M., 1943. Е го ж е. Siła i słabość T. Kościuszki. — «Kuznica», 1946, nr. 18; A. L a m p e. O nową Polskę. Wyd. nowe, Książka i Wiedza, 1954; H. J a b ł o ń s k i. Kościuszkowski Bohater-Lud Warszawy. — «Wiedza i Życie», 1946, № 1.

³ Pisma T. Kościuszki. Wyd. H. Mościcki. (Wstęp). Warszawa, 1947. В последнее время попытки нового освещения ряда вопросов восстания содержатся в работах: B. L e ś n o d o r s k i. Rzeczpospolita w drugiej połowie XVIII wieku. — В сб. «Kołataj i wiek Oświecenia», Warszawa, 1951, str. 129 и сл.; W. B a r t e l - i t o w. Elementy burżuazyjno-demokratyczne w ustroju powstania Kościuszki. — В сб. «Zagadnienia prawne konstytucji Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej», Warszawa, 1954, t. II, str. 419 и сл.

⁴ J. K o t t. Trwałe wartości literatury polskiego Oświecenia. Warszawa, 1951. Е го ж е. Poezja polskich jakobinów. — «Nowa Kultura», 1951, nr. 26—28; R. K a l e t a. Poezja antytargowicka i jakobińska. — «Pamiętnik Literacki», 1950, nr. 3—4; Z. L i b e r a. Jakub Jasiński — poeta jakobin. Там же; J. K e l e r a. Poezja Jakuba Jasińskiego. Zarys monograficzny. Wrocław: Ряд произведений собрал J. N o w a k - D ł u ż e w s k i. Poezja insurekcji kościuszkowskiej. Kielce, 1946.

проекты реформ, листовки, дневники и письма. Интересны донесения из Варшавы саксонского поверенного в делах в Польше Патца, австрийского посланника в Варшаве Канэ (Caché) и австрийских властей из Галиции¹. Несомненно, ценные материалы, не использованные еще целиком, имеются также в архивах Советского Союза².

От периода, предшествовавшего началу восстания, сохранились, как известно, проекты Костюшки и некоторых его соратников, добивавшихся в Париже помощи французского правительства, проекты, которые говорят об идеях равенства, об освободительных и республиканских планах³. Провозглашение восстания в Кракове 24 марта 1794 г. стало, однако, явным свидетельством заметного уже в самом этом акте столкновения и компромисса левого и правого крыла повстанческого лагеря. Этот компромисс объединял связанные между собой, правда, сильнее, чем в период четырехлетнего сейма, часть шляхты, принимавшей участие в восстании, и горожан. Краковская буржуазия (глава города Лихоцкий и др.) выражала, однако, серьезные опасения и неприязнь по отношению к плебсу, к краковским «санкюлотам»⁴. Председатель образованной Восводской комиссии, владелец мануфактуры, шляхтич Себастьян Дембовский, а также другие деятели правого крыла восстания, в специально изданной брошюре решительно протестовали против проекта включения в повстанческие лозунги лозунга — «равенство»⁵. Краковская комиссия пыталась парализовать даже скромные, ограниченные крестьянские реформы, которые предполагали провести руководители восстания. Представители шляхты и руководства восстания в действительности не желали революционных преобразований. В беседе с королем член правительства Игнаций Потоцкий говорил ему, что до известного времени придется потакать крестьянам и горожанам, так как они сыграли большую роль в восстании. Позже можно будет лишить их того, что им дано сверх меры⁶. Эту позицию подтверждают и другие документы.

Более острые столкновения между левым и правым крылом восстания произошли в Варшаве, а также в Вильнюсе, где, например, упомянутый лозунг «свободы, равенства и осуждения всяких предрассудков» был включен в универсалы революционного магистрата⁷. Эти два направления наметились в Варшаве уже во время подготовки восстания. Освобождение столицы 17 и 18 апреля было, как известно, в значительной мере делом ремесленников и плебса. Ценным документом о роли этих сил, а также объединившейся с этими силами в антифеодальной борьбе многочисленной группы деятелей польского просвещения — ученых, литераторов, артистов, издателей и печатников — является подписанный более чем 2500 жителями Варшавы акт о начале восстания. Здесь были представители разных национальностей: поляки, евреи, немцы, итальянцы,

¹ Sächsisches Landeshauptarchiv, Dresden, Haus- Hof- und Staatsarchiv, Kriegsarchiv, Allgemeines Verwaltungsarchiv, Wien.

² Большой материал по этому вопросу в последнее время использовал в своей книге И. Б э л а. История польской музыкальной культуры, т. I. М., 1954, стр. 271 и сл.

³ Pisma Tadeusza Kościuszki, str. 71 и сл.

⁴ F. L i c h o c k i. Pamiętnik... prezydenta miasta Krakowa z roku 1794. Poznań, 1862 (przedr. w II wyd. Kraków, 1891).

⁵ Hasła Kościuszki, 1794; List warszawianina do parafianina z powodu hasła narodowego «wolność, całość, niepodległość», 1794. Фрагменты этих документов опубликовал Б. Лесьнодорский в сб. «Kuznica Kołatajowska», Biblioteka Narodowa, I, nr. 130.

⁶ Archiwum Królestwa Polskiego (AGAD, Warszawa) nr. 323, str. 213.

⁷ Zbiór Popielów. Arch. Gł. Akt Dawnych, teka nr. 374.

3 Институт славяноведения, вып. 19

греки, армяне¹. Еврейские плебеи, принявшие в противоположность еврейской буржуазии самоотверженное участие в восстании, выступили с мемориалом так называемого объединения «Убожества старого закона», содержащим лозунг равноправия. Этот мемориал был направлен повстанческим властям².

Начало апрельского восстания в Варшаве, так же как и более поздние выступления варшавского населения в мае и июне, оборона столицы от прусских войск в июле и августе 1794 г. — все это было проявлением великого народного патриотизма. В выступлениях народных масс тесно переплетались антифеодалная классовая борьба с национально-освободительной борьбой. Началу восстания предшествовали стачки и волнения на варшавских мануфактурах. На сукошной мануфактуре Рехана 21 марта произошло волнение рабочих, вызванное тяжелыми условиями жизни и ничтожной оплатой труда. Многочисленные мемуары, как, например, воспоминания царского офицера, пруссака по происхождению, Зойме, свидетельствуют о все более быстром нарастании революционных и патриотических настроений в Варшаве накануне восстания³. Правое крыло повстанцев считало, например, старого подхорунжего гвардии Юзефа Петровского виновным в том, что он, призывая к восстанию, «постоянно называл простой люд — народом»⁴. Как сам этот факт, так и его оценка свидетельствуют о существенных разногласиях среди польского так называемого третьего сословия.

Участие крестьян в восстании было действительно большим, чем считали до сих пор. Однако это имело место только в тех случаях, когда крестьяне действительно могли вступить в армию. Сохранилась, например, чрезвычайно показательная переписка между шляхтой Ломжинской земли и сторонником правых — военачальником в Варшаве, затем Верховным советом. В переписке содержатся жалобы на то, что очень многие крестьяне этой земли убегают от гнета помещиков и под влиянием популярных лозунгов свободы, равенства и независимости стремятся вступить в расположенные поблизости отряды генерала Зелинского⁵. Правое руководство препятствовало этому, а также активно противодействовало антифеодалным выступлениям крестьян против арендаторов или экономов.

Крестьяне, как нам представляется, приняли большое участие в великопольском восстании и участвовали даже в повстанческих органах, потому что здесь велась соответствующая пропаганда⁶. Конечно, положение было иным, когда крестьяне в других условиях считали принудительный набор еще одним тяжелым бременем.

Переходя к рассмотрению идеологии так называемых польских якобинцев, необходимо отметить не только ее связь с официальными целями восстания — вооруженной борьбой за независимость, но и отражение в ней стремлений и требований народных низов. В первые дни после

¹ Akty powstania Kościuszki, 1955, t. III, str. 193 и сл.

² E. Ringelblum. Żydzi w powstaniu Kościuszki. Warszawa, b/d, rozdz. III; J. Szacki. Historia Żydów w Warszawie (w jęz. żyd.), tom I, Nowy Jork, 1943.

³ J. G. Seume. Einige Nachrichten ueber die Vorfälle in Polen im Jahre 1794. Leipzig, 1796. (Перевод «Pamiętnik o wypadkach roku 1794 w Polsce», помещен в журнале «Dziennik Literacki», 1856, II).

⁴ «Gazeta Rządowa», 1794, nr. 26, str. 103.

⁵ Archiwum Królestwa Polskiego (AGAD), nr. 253, str. 189, 192, 194, 297.

⁶ J. Muszyńska-Zygmańska. Wielkopolska w powstaniu kościuszkowskim, 1947; автор ввел в научный оборот некоторые новые материалы, и в этом состоит значение его работы. J. Topolski. Powstanie wielkopolskie 1794 r. — «Nowe Drogi», 1954, nr. 3.

освобождения Варшавы были составлены неизвестными авторами требования варшавских народных масс, обращенные к властям. В них указывается на необходимость беспощадного приговора торговичанам и конфискации их имущества, а также на необходимость мобилизации всех сил на борьбу с внешним и внутренним врагом. Интересно то, что здесь сформулировано также требование обеспечения народным массам Варшавы влияния на законодательство повстанцев и на состав органов власти¹. Одновременно, 21 апреля, в одном из опустевших дворцов на площади, названной теперь именем Ф. Дзержинского, организовался клуб «граждан, оказывающих помощь повстанческим властям». Он объединял на основе выборов людей независимо от их положения и состояния². В статуте клуба говорилось, что задачей его является оказание эффективного влияния на правительство и предоставление ему всевозможной информации. Клуб объявлялся демократической организацией; устанавливалось, между прочим, очередное председательство на заседаниях, в чем обнаруживается известное влияние революционных французских, а также масонских организаций. Позицию польских якобинцев характеризует письмо члена клуба, горожанина, воспитанника Коллонтая, Томаша Марушевского. Написанное в июне 1794 г. перед взрывом народного восстания, письмо отражает рост недовольства народных низов деятельностью повстанческих властей. «Вы погубите нацию, — обращается Марушевский к членам Верховного совета, — если будете дальше так поступать», т. е. вяло и неустойчиво, вести политику компромиссов. «Ваши поступки бессильные и нерешительные, неприличные для людей революции, наполняют таким же духом народ»³. Требования Марушевского, как и подобное выступление генерала Мадалинского⁴, соответствовали указанным выше требованиям народных масс Варшавы.

Однако в деятельности польских якобинцев невозможно усмотреть какой-либо определенной программы. Несмотря на первые, отмеченные выше организационные замыслы, эта группа не была единой и сплоченной в классовом и политическом отношениях. Эти обстоятельства, а также вера во всеиллие разума, с одной стороны, и известное влияние масонских идей — с другой, объясняют колебания и противоречия, обнаруживающиеся в этих воззрениях.

Понятие «польские якобинцы» не соответствует в точности и тому содержанию, которое оно приобрело на французской почве⁵. Различие между ними очевидно. Термин «польские якобинцы», однако, приобрел себе право гражданства. Созданное противниками, тенденциозно представленное в карикатурном виде, например, в пасквильном словаре французской революции, выпущенном центром берлинской антиреволюционной пропаганды⁶, или в польском пасквиле на Коллонтая, написанном представителем правого руководства восстания А. Линовским⁷, название «якобинец» приобрело известный обиходный смысл, отнюдь не имеющий единого значения. Оно появилось в различных стра-

¹ Projekta i prośby ludu warszawskiego do zwierzchności. Ossolineum. Wrocław, nr. 5692.

² «Kuznica Kołtatajowska», Wyd. B. Leśnodorski, str. 223 i сл.

³ Archiwum Królestwa Polskiego (AGAD), nr. 156a, str. III—2.

⁴ Archiwum Królestwa Polskiego (AGAD), nr. 253, str. 260.

⁵ H. R z a d k o w s k a. Stosunek polskiej opinii publicznej do rewolucji francuskiej. Warszawa, 1948, rozdz. VI—VII.

⁶ Wörterbuch der franz. Revolutionssprache, 1799, S. 24—25. См. также «Kuznica Kołtatajowska», str. 51 (вступительная статья).

⁷ List do przyjaciela odkrywający wszystkie czynności Kołtataja w ciągu insurekcji, Kraków, 1795. (Переиздано: Leszno, 1846; Wrocław, 1846).

нах Европы, как в западной и южной Германии, в Австрии, в Венгрии, так и прибалтийских странах, всюду приобретая несколько иной, локальный смысл¹. Среди членов этой группы в Польше мы видим людей из мелкой деклассирующейся шляхты, искавшей средств к жизни в городах, многих известных деятелей культуры и науки польского просвещения, а также варшавских ремесленников, представителей образующейся интеллигенции буржуазного происхождения, небольшую группу низших офицеров и ксендзов-патриотов. Часть этих деятелей была непосредственно связана с движением народных низов или из него выросла, о чем свидетельствует богатая анонимная поэзия, революционная по содержанию. Эта поэзия в художественном отношении часто не имеет литературной ценности, но является действительно народной по своему происхождению. Об этом говорят многочисленные популярные песни, начиная от многих переработок Марсельезы, «*Śa i ga*» или Карманьолы, до песен, возникших на улицах, в парках и трактирах города².

Имеются факты, свидетельствующие о сближении тех или иных польских якобинцев с народом и совместного выступления их с массами, что, как отмечал В. И. Ленин, характеризует французских якобинцев, являлось важным критерием их прогрессивности. Это не было, однако, правилом на польской почве; необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что эти деятели вышли главным образом из шляхетской среды.

Выражая основные стремления народа, польские якобинцы, — и это было их первым общим лозунгом, — всегда призывали к мобилизации всех сил для борьбы с царскими и прусскими захватчиками и особенно для обороны Варшавы.

Другим программным принципом польских якобинцев была беспощадная расправа с внутренним врагом. Идеи борьбы за национальную независимость, борьбы с внутренними врагами нашли яркое выражение в патриотической поэзии: в многочисленных анонимных стихотворениях, в творчестве Якуба Ясильского, солдата и поэта-революционера. Он писал: «Пусть погибнут короли, а мир будет свободным» или «Где народ сказал, что хочет быть свободным, он стал свободным», «Народ! Не время верить обещаниям, в тебе самом залог гибели или освобождения»³. Понятие «патриотизм» якобинцы наполнили революционным содержанием.

Среди повстанческих брошюр есть одна под названием «Что значит быть настоящим патриотом», написанная, как можно предполагать, Гуго Коллонтаем, который хотя и не стал во главе якобинцев, что ему часто приписывают, однако приближался к ним, несмотря на то, что они пошли дальше, чем он⁴. Обрушиваясь как на явных торговцев, так и на разного рода псевдопатриотов, автор в конце этой интересно написанной брошюры перечисляет достоинства настоящих патриотов: солдата, министра, судьи, ремесленника, женщины-патриотки. Автор брошюры далее срывает маску с духовенства, под которой это сословие так много зла совершило на свете.

¹ В последнее время касались этого вопроса E. Valja ves. Politische Strömungen in Deutschland 1750—1815. München. 1950. В приложениях к этой работе имеются документы, относящиеся также к Австрии и Венгрии; S. K a t ó. Ruch jacobiniski na Węgrzech. Пер. в сб. «Kapitoly z uhorských dejin». Slov. Akad. Ved. a Umeni, Bratislava, 1952. Брошюра Като переведена на русский язык, причем имеет более популярный характер. См. также H. Montfort. Wpływ rewolucyjnych idei francuskich w Estonii, Inflantach i Kurlandii w końcu XVIII i na pocz. XIX wieku, «Jantar», 1937, nr. 2.

² R. Kaleta. Указ. соч.

³ J. Kelera. Указ. соч.

⁴ Брошюра издана: W drukarni X. J. Mejera na Starym Mieście w Warszawie, 1794.

Необходимо отметить классовую ограниченность автора этой анти-магнатской, полной патристического воодушевления, брошюры. В ней среди перечисленных автором категорий «патриотов» отсутствует «крестьянин». Очевидно, он для автора не был еще действующим лицом истории.

В издававшемся в Варшаве Юзефом Мейером яacobинском журнале «Дзеньник повстаня народу», а также в анонимных стихотворениях, раздавались призывы к революционному террору. Иногда эти призывы были облечены в форму похвалы справедливому правосудию в древней Греции или восхваления французской гильотины.

Интересным документом также являются популярно-литературные четверостишия, псевдоэпитафии повешенным в мае и июне сановникам-аристократам, в которых якобы последние сознаются в своих преступлениях и констатируют победу народа.

В августе 1794 г. многие яacobинцы были включены в состав уголовного военного суда, которым Костюшко, подчинившийся влиянию реакции, заменил первый Верховный суд. Яacobинцы стремились утвердить в нем свои революционные принципы, что проявилось в первом большом процессе и вынесении смертного приговора торговчанину, епископу Скаржевскому. Под влиянием окружения, а особенно панского пунция Литты, Костюшко, однако, помиловал этого епископа, который в XIX в. занимал должность варшавского архиепископа.

Следующей целью польских яacobинцев было проведение крестьянской реформы, полное освобождение крестьян от крепостной зависимости и обеспечение им права на землю. В этом, а также в стремлении к демократизации власти наиболее конкретно проявились буржуазно-демократические элементы этой идеологии. Польские яacobинцы прежде всего добивались проведения в жизнь постановлений повстанческих властей, полапецкого универсала, особенно мер по борьбе с саботажем шляхты и значительной части духовенства.

Во время восстания прежде всего шла борьба с крайней реакцией, но попытки проведения крестьянской реформы встречали сопротивление и со стороны части руководителей восстания. В некоторых случаях местные власти толковали полапецкий универсал в духе декларации Костюшко и Верховного совета об уважении шляхетской собственности. Так, Люблинская воеводская комиссия, предлагая огласить универсал, призывала одновременно духовенство разъяснить крестьянам, что они должны быть благодарны за частичное сокращение их повинностей и лучше работать на панском фольварке; земля же, находящаяся в пользовании крестьян, навсегда останется собственностью шляхты.

Из яacobинских кругов был выдвинут первый в Польше конкретный проект освобождения крестьян, установления буржуазной собственности. Этот проект в июле 1794 г. был предложен А. Орховским Верховному совету¹. Проект признавал за крестьянами, участвовавшими в восстании, право собственности на обрабатываемую ими для себя землю и вознаграждение шляхты из средств государства. Кроме того, А. Орховский требовал конфискации имущества торговчан и бежавших из страны лиц, против которых также резко выступала яacobинская публицистика². Необходимо отметить, что Верховный совет предпринял некоторые шаги в этой области. В самом конце восстания он издал соответствующее поста-

¹ «Gazeta Rządowa», 1794, nr. 20.

² «Dziennik Powstania Narodu», nr. 4. Ныне уникальное издание, находится в библиотеке «Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Płocku».

новление. Однако комиссия, созданная для рассмотрения проекта, по сообщению А. Орховского, долго и безрезультатно его обсуждала ¹.

Более определенно и последовательно проявились антифеодальные тенденции в организованном Фр. Гожковским заговоре крестьян в Галиции в 1797 г. уже после третьего раздела Речи Посполитой ².

Польские якобинцы, как уже указывалось, выдвинули лозунг обеспечения широким массам возможности оказывать влияние на повстанческое правительство. В одной из статей делались упреки по адресу тех, которые под предлогом нейтралитета устранились от участия в общественных делах и в работе политических клубов. Часто это были скрытые враги.

В то время происходила острая борьба между членами клубов и их явными или скрытыми противниками, причем центром реакционных сил был королевский замок, где находился и сам король Ст. А. Понятовский. Благодаря его бумагам (записям, заметкам) мы теперь знаем довольно много о позиции польских якобинцев.

Якобинская публицистика одобрила учреждение института так называемых интендантов — «дозорцев», на которых впервые возлагалось выполнение определенных функций государственной администрации и суда в деревне; на эту должность, согласно закону, должны были назначаться люди, заслуживающие доверия, независимо от их сословной принадлежности и общественного положения. Якобинцы писали об этом учреждении, как о «колыбели рождающейся вольности», требовали назначения на эту должность крестьян ³. Автор брошюры «Голос за крестьян» хотел их видеть также в воеводских комиссиях, в судах и даже в Верховном совете. Он указывал, что от этого зависит осуществление крестьянской реформы и участие крестьян в борьбе за независимость.

Классовая и политическая неоднородность польских якобинцев, слабость их классовой базы были причиной того, что они не ставили перед собой задачу установления своей власти. Они не взяли власти в свои руки во время и после восстания в Варшаве.

Позднее польские якобинцы ограничивались воззваниями и мемориалами. Некоторые из них — Мейер, Ян Дембовский, Конопка — «юноша, дышащий кровью и заговорами», как писал о нем один из деятелей правого крыла, — объединились с движением народных низов, однако, не стали руководящей силой его. В результате этого народное движение не наложило существенного отпечатка на восстание. Радикальные и умеренные деятели восстания обращались к Костюшке, которого, например, Якуб Ясиньский призывал еще во время своего пребывания в Вильносе принять неограниченную диктаторскую власть над войсками в целях революции ⁴. Левое и правое крыло повстанческого лагеря старалось перетянуть Костюшку на свою сторону и использовать его политический и моральный авторитет в своих целях. Это особенно видно в июне-августе, когда Костюшко склонялся вначале на сторону правого крыла и вместе с редактором «Газеты Жондовой» Дмоховским ⁵ осуждал движение народ-

¹ O włościanach w Polsce. — «Kronika emigracji polskiej», Paryż, 1837, tom V, str. 257.

² Cz. Wysech. Spisek Franciszka Gorzkowskiego na tle ruchów społecznych w końcu XVIII wieku. Warszawa, 1951. Новый ценный материал в последнее время опубликован И. С. Миллером в сб. «Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей». М., 1955, т. I, стр. 510—I и в сб. «Из истории социально-политических идей. К семидесятилетию академика В. П. Волгина». М., 1955, стр. 365—375.

³ «Dziennik Powstania Narodu», nr. 3, str. 27 и сл.

⁴ Henryk Mościcki. Generał Jasiński i powstanie kościuszkowskie. Warszawa, 1917, str. 246.

⁵ Archiwum Królestwa Polskiego (AGAD), nr. 270, str. 45 и след. 53 nn, 68—9.

ных низов и якобинцев, а позже передал дело тех же якобинцев в полевой суд. В последний трагический период восстания якобинцы не решились на захват власти, несмотря на растущий в этом направлении нажим плебса Варшавы. В это время Коллонтай, которого считали руководителем плебса, хотя в действительности он им не был, борясь с Зайончком, не выступил против передачи поста главнокомандующего после поражения у Мацейовиц в руки типичного представителя правого крыла Томаша Вавжецкого. В своих показаниях после поражения восстания Вавжецкий подчеркивал, что был вынужден взять власть в свои руки, чтобы не допустить нового восстания народных масс в Варшаве¹.

Особо следует отметить еще два момента. Первый из них касается вопросов мировоззрения. В то время не было условий для написания специальных философских трактатов, но тем не менее и в этой области происходило развитие и углубление идей польского просвещения. Публицистика и поэзия Якуба Ясиньского, а также анонимная поэзия и публицистика, продолжая страстное обличение папства, епископов и орденов, содержали также элементы материализма и атеизма. В этих произведениях содержатся, с одной стороны, идеи деизма, а с другой, — антифеодальной борьбы, которую не должен поддерживать фидеизм.

Большую роль сыграли в этом отношении переводы с французского языка, публиковавшиеся в то время, особенно дважды изданные «Заметки о революциях» Рабо² и книга Вольнея, рассматривающая причины революции. Издание книги Вольнея, первый том которой являлся по своему полиграфическому оформлению одним из шедевров печати эпохи польского просвещения, встретило резкий, но на этот раз безрезультатный, протест панского нунция Литвы³. В произведении Рабо (оно было переиздано в третий раз во время ноябрьского восстания) некоторые мысли автора облечены еще в идеалистическо-мистическую форму. Например, о заповеди евангелия автор говорит, что это, собственно, декларация прав человека, но извращенная и искаженная церковью. В одной из статей польских якобинцев имелось подобного рода утверждение, а именно, что Иисус Христос был настоящим демократом. Вольней в своей книге уже открыто говорил о реакционной роли фидеистического мировоззрения, религии и духовенства в истории.

Следует, наконец, отметить, что представители польской якобинской мысли выдвинули идею братства народов в их совместной борьбе с деспотизмом, за свободу.

В своей дипломатической переписке прусский король Фридрих Вильгельм II выражал большую радость по случаю подавления восстания в Польше. Он считал это особенно важным фактом в деле обеспечения спокойствия и безопасности феодалов в Пруссии и в польских западных землях, прежде всего в Силезии, где, как известно из других источников, имели место живые отклики на восстание. Прусский король подчеркивал также, что война в Польше — это «часть и немаловажная той войны, которую старые державы ведут против революционной Франции»⁴.

¹ Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1867, т. I, стр. 15, 60, 76 и сл.

² Орывки из книги Рабо в последнее время опубликованы в сборнике источников «Kuznica Kółtajowska», стр. 233 и сл.

³ Rozwalciny czyli uwagi nad rewolucjami narodów, 1794. Sp. Ossolineum, Wrocław, nr. 3052, II, str. 123—4.

⁴ Прусский Гос. секретн. архив. Центр. Архив в Мерзебурге. Rep., 176, t. 1, стр. 122. Это дополнительно подтверждает правильность известной оценки роли восстания 1794 г., данной Марксом и Энгельсом. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 16.

Фридрих Вильгельм II указывал на необходимость уничтожения в Польше якобинства.

Добавим, что во время осады Варшавы возник прусский проект переименования этого города в Луизбург в честь жены прусского короля — в целях уничтожения даже памяти о польской столице¹.

В борьбе с царским и прусским деспотизмом польские якобинцы обращались в ряде воззваний и листовок к народам Европы. Видя принципиальную разницу между аристократическо-феодальным командованием царских войск и русским народом, они обращались с воззванием на польском и русском языках, в котором говорилось: «Русские солдаты, мы считаем вас близкими братьями»². Впервые братские связи между польскими повстанцами и русскими солдатами установились еще в самом начале восстания, когда во главе с капитаном Дашковым русские солдаты освободили польских патриотов, заключенных в здании русского посольства в Варшаве.

Польские якобинцы обращались к немцам — гражданам Прусского государства с воззванием:

«Прусские братья, сбросьте позорящее вас ярмо бранденбургского маркграфа, наберитесь раз отваги стать свободными»³.

В это горячее время польские якобинцы проявляли также интерес и к событиям на других континентах: к созданию Северо-Американских Соединенных Штатов и борьбе против рабства негров в колониях⁴.

В проповеди ксендза Фл. Ельского звучит совсем не присущая слугителю культа похвала идеям свободы, которые из Парижа через Варшаву летят до далекой Камчатки⁵.

В мемориале, написанном в сражающейся Варшаве на польском и французском языках («Réflexions d'un ami de l'humanité») звучит призыв: «Народы Европы поднимите свой голос и ваши руки; нам нужно восстание человечества и братство, а не ненависть, ... ярость и резня...». В нем проводится мысль о созыве мирного европейского конгресса⁶.

Изучением вот этих-то традиций занялась теперь польская историческая наука, т. е. подлинных традиций народа и прогрессивного человечества. Однако здесь еще много работы, как в отношении выявления материала и источников, так и правильного методологического освещения.

¹ J. Nowak-Dłużejowski. Poezja insurekcji Kościuszkowskiej, str. 81—2.

² Odezwa J. Jasińskiego. Современное издание на польском и русском языках в собрании «Muzeum Narodowego w Krakowie». Ср. Henryk Mościcki. Stosunek Kościuszki do ludu rosyjskiego. — «Trybuna Ludu», 1952, nr. 6.

³ Ossolineum, Wrocław, nr. 6621, II, str. 290—2. Другие подобные листовки: Archiwum Królestwa Polskiego, nr. 323, str. 446, Zbiór Popielów, teka 374.

⁴ R. Kaleta. Указ. соч.; J. Nowak-Dłużejowski. Указ. соч.

⁵ Kazanie obywatelskie przy okopach warszawskich. O dwójstej straży miasta tego. Современное издание.

⁶ Arch. Kr. Pol., № 323, str. 234 и сл. Современное издание. Перевод на польский язык, рукопись в Ягеллонской библиотеке в Кракове (№ 3349).

Ст. Арнольд

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА БАРЩИННОГО ФОЛЬВАРКА В ПОЛЬШЕ¹

Проблема генезиса барщинного фольварка в Польше очень сложна. Поэтому я остановлюсь лишь на некоторых, самых важных вопросах.

Как известно, проблемой происхождения фольварка много занимались дворянские и буржуазные историки XIX и XX вв. В их работах содержится довольно значительный материал, однако далеко не все вопросы были освещены ими с научных позиций. Не только потому, что разрабатываемые ими материалы были главным образом юридического характера, но и потому, что они пользовались идеалистической методологией исследования.

Занимающаяся проблемой происхождения фольварка группа историков в народно-демократической Польше прежде всего поставила своей задачей расширение источниковедческой базы исследования.

Надо сказать, что до последнего времени наши архивные источники были еще очень мало исследованы. Приходилось опираться зачастую на совершенно неудовлетворительные публикации. Сейчас, однако, мы уже имеем возможность пользоваться огромным, раньше практически не привлекавшимся к исследованию архивным материалом. Речь идет о так называемых городских и земских книгах XV—XVI вв., которые в очень большом количестве (около 10 тыс., причем некоторые книги содержат несколько сотен страниц) хранятся в наших архивах.

Наше Архивное управление три с половиной года назад начало огромную работу по составлению каталога этих книг и документов. Инвентаризация была построена таким образом, что учитывала около тридцати проблем, по которым группировался материал, например, проблема классовой борьбы крестьянства, форм ренты, проблема земельной собственности и т. д. Пользуясь составленными картотеками, исследователь сравнительно быстро может найти необходимый ему материал. Молодые польские историки широко пользуются этими картотеками.

Кроме того, мы подготавливаем публикации источников, посвященных истории классовой борьбы польского крестьянства в XV—XVI вв., развитию в Польше барщинной системы и др.

Ставя вопрос о развитии барщинного фольварка, польские историки исходят из того, что анализ этого явления должен идти параллельно с исследованием экономического развития Польши в целом. Прежде всего совершенно невозможно рассматривать вопросы аграрного развития без учета социально-экономических и политических изменений, происходивших в городе. В настоящее время имеются все основания утверждать, что в конце XV—начале XVI в. в Польше сравнительно быстро разви-

¹ Доклад, сделанный на заседании Ученого совета Института славяноведения. 6 февраля 1955 г.

вались производительные силы. В некоторых отраслях производства, например, в горнорудной промышленности, основанной в рассматриваемое время на ремесле, возникают, хотя и в небольшом еще масштабе, элементы капиталистического производства. Эти элементы ускоряли развитие производительных сил страны. Необходимо отметить некоторые явления в области механизации производства, особенно в суконно-шерстяной и льняной промышленности, которые в XVI в. быстро развиваются в ряде польских городов. Характерно, что именно в этих отраслях промышленности зарождается рассеянная мануфактура.

Ремесленные мастера, например, в Бече, покупают в окрестностях города у крестьян льняную продукцию, кладут на нее свое клеймо и продают как свои изделия в другие города Польши.

Появление централизованной мануфактуры в Польше связано с горнорудной промышленностью, а также с другими предприятиями, которых раньше не было в Польше, например, с производством бумаги. В бумажном производстве применяется уже и механическая сила — водяное колесо. Кстати говоря, применение водяного колеса распространяется во многих отраслях промышленности.

Черты капиталистических мануфактур имеют также первые типографские заведения в Польше.

Что касается мануфактуры в области горнорудной промышленности, то интересный пример дает нам начало XVI в. Мануфактуру организовал один из краковских горожан, член городского совета, некий Кауфман. В 1524 г. он получил право монополии на производство проволоки и жести, основанное уже на механической силе, получаемой от мельницы. Интересно отметить, что такой метод работы впервые был применен в Нюрнберге, кажется, в конце XV в., а в начале XVI в. он уже появляется в Польше. Это объясняется тем, что Краков имел тесные связи с Нюрнбергом.

Развитие производительных сил и изменения в организации производства вызывали расслоение мещанства и сказывались на социальном облике патрициата. Появляется новый социальный тип предпринимателя — капиталиста.

Обстоятельство это приводит к обострению классовой борьбы в городе, все более частыми становятся выступления плебса, подвергнувшегося жестокой эксплуатации. Плебс в городах быстро рос за счет притока крестьян. Только некоторая часть из них, главным образом молодые крестьяне, попадала в ряды ремесленников. Остальные жили в нищете и бедности.

Говоря о развитии производительных сил и о некоторых переменах в производственных отношениях в Польше, я бы хотел подчеркнуть, что нельзя никоим образом преувеличивать масштаб этих явлений, особенно в сравнении с Западной Европой. Польская промышленность по сравнению с промышленностью передовых западноевропейских стран несомненно отставала. Тем не менее развитие производительных сил повлияло на развитие как польского города, так и польской деревни. В стране развивалось товарно-денежное хозяйство. Во второй половине XV в. в некоторых районах Польши натуральная рента заменяется довольно часто денежной рентой. Нам кажется (хотя явление это еще недостаточно изучено), что такие изменения происходили главным образом в районах больших городов (например, в районе Кракова), где переход к денежной ренте охватывал большое число деревень. Интересно, что в отличие от предшествующего периода, когда денежная рента была обычно одинакова для целого района, теперь размеры ее сильно отли-

чаются в каждой деревне. Если в одних случаях денежная рента достигала, например, 48 тогдашних грошей, то в других могла подниматься до 100—108 и более грошей.

Такая разница в размере денежной ренты была связана с тем, что крестьяне в рассматриваемое время вели довольно интенсивную торговлю с городом, принимали участие во внутреннем рынке.

Разумеется, указанные явления были далеко в неравной степени характерны для всей территории Польши. Отчетливо выступили они лишь в некоторых районах страны.

Наряду с переходом к денежной ренте необходимо отметить и факты, свидетельствующие о росте крестьянских хозяйств. Мы имеем в виду аренду некоторыми крестьянами опустевших наделов, так называемых «пустков». За эти опустевшие наделы арендная плата вносилась деньгами. Переход к денежной ренте и развитие крестьянского хозяйства улучшали материальное положение крестьянства. Из среды крестьянства выделялись отдельные лица, которые уходили в город для обучения ремеслу. В XV и начале XVI в. большое количество выходцев из крестьян училось в Краковском университете. По некоторым источникам свыше 60% студентов в начале XVI в. были представителями крестьянства и мещанства, только 40% были представителями шляхты.

Крестьяне уходили в города и в торговых целях; они становились купцами.

Развитие денежной ренты в Польше в XV в., особенно во второй его половине, интересно и потому, что некоторые польские историки считали, что денежная рента не могла удержаться долго в стране в связи с порчей денег. Порча денег, говорили они, принуждала феодалов к переходу на другие формы ренты, в первую очередь на отработочную ренту.

Надо сказать, однако, что в действительности порча денег с 1450 г. и до конца XV в. фактически не приводила к изменению в ценах на основные продукты в стране. Видимо, имел место только рост цен на хлеб, что для крестьян было, конечно, выгодным. Соответствующие статистические данные, доказывающие это, в настоящее время только еще подбираются. Положение, на мой взгляд, радикально меняется только в первой половине XVI в., когда порча денег действительно повлекла за собой изменение цен в Польше.

Переходя к вопросу о возникновении барщинного фольварка в Польше, важно подчеркнуть, что фольварк появляется уже в середине XV в. прежде всего в церковных владениях, особенно во владениях монастырей.

Мы имеем интересные сведения об этом в работе Длугоша «*Liber beneficiorum dioecesis cracoviensis*».

По данным этого источника, в некоторых монастырских деревнях барщина иногда занимала три-четыре дня в неделю в среднем, в других она доходила до пяти дней в неделю.

Помимо барщинного фольварка в XV в. существовала другая форма фольварка, которую я бы назвал «вольнонаемным фольварком». Она характерна для деревень на так называемом немецком праве. Здесь очень рано возникают фольварки, которые находятся в руках солтысов. В таком фольварке, конечно, не было барщины, потому что солтыс не имел своих крепостных. Он использовал труд наемных работников и так называемых «загородников», которые получали от него небольшие участки земли и должны были за это отрабатывать в течение года.

О шляхетских фольварках XV в. имеются очень скудные сведения. Это были небольшие фольварки, располагавшие одним-двумя ланами

земли (16—32 га). Нам ничего неизвестно о том, какова была их внутренняя организация. Некоторые польские ученые считали эти фольварки барщинными. На мой взгляд, они совершенно не были связаны с барщиной. Это были «вольнонаемные» фольварки.

Развитие шляхетских фольварков не происходило прямолинейно. Так, например, есть сведения о том, что в XV в. на территории Мазовии вблизи Вислы при покупке деревни новый собственник ликвидировал существовавший фольварк. В то же время есть данные, что в другой деревне ее собственник организовал фольварк, при этом крестьяне были согнаны с земли, часть которой была передана заградникам, обязанным за это выполнять отработки. Данный пример, по моему мнению, ярко показывает влияние фольварков солтысов на развитие шляхетских фольварков.

Разумеется, шляхетские фольварки возникли отнюдь не путем захвата шляхтой фольварков солтысов, хотя так иногда и было. Главное значение фольварков солтысов заключалось в том, что они явились образцами для организации шляхетских фольварков.

Необходимо отметить, что солтыские и шляхетские фольварки развивались в связи с ростом товарно-денежного хозяйства, с ростом внутреннего рынка.

В нашем распоряжении есть данные о барщине, которые относятся к XV в. В 1421 г., например, в Мазовии было постановлено, чтобы во всех имениях — церковных, княжеских, шляхетских — была введена барщина в размере одного дня в неделю. В судебных книгах имеются протесты крестьян против попыток феодалов установить для крестьян барщину больше, чем в один день в неделю. В таких случаях суд разрешал крестьянину оставить феодала и перейти в другую деревню. Во второй половине XV в., однако, таких сведений уже не встречается. Зато в церковных владениях барщина в это время определенно увеличивается. В шляхетских имениях преобладает наемная рабочая сила и «заградники».

Только с конца XV в. в связи с недостатком дешевой наемной силы становится очевидным стремление шляхты в порядке конституционных постановлений ввести барщину в размере одного дня в неделю. Это характерно прежде всего для Куявии и Мазовии, для Холмской земли, вступившей в тесные торговые связи с Гданьском.

Положение в имениях шляхты резко меняется в течение XVI в. В 1520 г. было издано постановление об установлении одного дня барщины в неделю для всех имений — королевских, шляхетских и церковных, а в конце XVI в. даже без вмешательства сеймов барщина повышается во многих случаях до пяти и шести дней в неделю. Этот рост барщины был связан с расширением существовавших и с появлением новых фольварков в различных частях Польши, хотя и не во всех польских землях в это время развивались барщинные фольварки.

В связи с ростом фольварков сокращались наделы крестьян. Крестьянские земли включались в шляхетский фольварк.

Рост барщины и развитие барщинного фольварка начинается уже с 30-х годов XVI в.

По моему мнению, это объясняется тем, что именно с этого времени уже не внутренний, а внешний рынок (в связи с экспортом зерна в западноевропейские страны) начинает оказывать решающее влияние на развитие польской деревни. По этому вопросу имеется важное указание К. Маркса, относящееся к дунайским княжествам, о влиянии экспорта на развитие барщины. Барщинный фольварк или барщинно-фольвароч-

ная система развивается не везде одинаково к востоку от Лабы. Эта система в XV—XVI вв. была распространена в Чехии, Саксонии, Померании, Мекленбурге, Тюрингии и т. д. Оказывается, барщина развивалась в больших размерах там, где быстрее рос экспорт зерновой продукции. В Мекленбурге в XVI и в начале XVII в. наблюдался очень быстрый рост барщины, доходившей до семи дней в неделю.

Аналогично развивались события и в Польше, где увеличение зернового экспорта вызвало бурный рост цен на хлеб. В первой половине XVI в. в Польше цены на зерно повысились в пять раз. Переход к барщинной системе был обусловлен тем, что в Польше элементы капитализма были очень слабо развиты, а слабые польские города не смогли повлиять на развитие отношений в деревне.

Рост крепостничества и крестьянского гнета в Польше имел своим следствием прекращение развития польского рынка, упадок городов.

На наш взгляд, совершенно верно характеризуют результаты перехода к фольварочно-барщинной системе в Польше следующие слова I тома «Истории Польши», изданной Институтом славяноведения: «в зависимости от конкретных исторических обстоятельств, в которых развивался в разных странах этот сходный в общих чертах процесс, различались социально-экономические и политические его последствия. История Польши являет собой пример наиболее катастрофических последствий развития барщинно-крепостнической системы и сопутствовавших ей политических учреждений»¹.

¹ «История Польши», т. I, М., 1954, стр. 152

Ю. Бардах

О КЛАССОВОЙ БОРЬБЕ ПОЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ТОВАРНОГО ХОЗЯЙСТВА

(XII — половина XIV в.)¹

В период углубленного развития феодальных отношений закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил реализовался в ходе классовой борьбы основной массы непосредственных производителей материальных благ — феодально-зависимого крестьянства против гнета и эксплуатации феодалов. В тот период, когда господствующие феодальные отношения в целом соответствовали существовавшему уровню развития производительных сил, более того, создавали условия для их дальнейшего развития, классовая борьба крестьян не имела и не могла иметь своей целью ликвидацию существующего способа производства. Крестьяне стремились к тому, чтобы в рамках существующей феодальной системы добиться уменьшения феодальных повинностей, улучшить свое юридическое положение, укрепить свои позиции самостоятельных производителей — владельцев своих хозяйств. Острые их борьбы было направлено, в первую очередь, против наиболее грубых форм личной зависимости (невольничество, прикрепление к земле) и наиболее тяжелых форм феодальной ренты.

Для рассматриваемого нами периода, когда феодальные отношения уже утвердились, главной, типичной формой классовой борьбы крестьянства являлось бегство. Это была повсеместно распространенная и многовековая форма классовой борьбы крестьянства против феодальной эксплуатации. Бегство имело коллективный и индивидуальный характер. Одновременно с бегством существовали и другие формы крестьянского сопротивления: жалобы на феодалов в суд монарха, участие в «еретических» движениях, отказ от десятины в пользу церкви, наконец, поджоги помещичьих имений и убийства феодалов. Правда, эти формы борьбы не были так часты и не имели такого широкого распространения, как бегство. Тем не менее они сыграли в польской деревне XII—XIV вв. известную, хотя и вспомогательную, роль в процессе нарастания классовой борьбы. Стихийная борьба крестьянских масс являлась серьезной силой в деле прогрессивных социально-экономических перемен. Перемены эти нашли свое выражение во временном ослаблении феодального гнета, в ускорении формирования и развития товарного хозяйства. Перемены эти нашли свое выражение прежде всего в так называемой колонизации на польском праве (точнее: колонизации по обычаю вольных го-

¹ Доклад, сделанный на заседании Ученого совета Института славяноведения 16 февраля 1955 г.

стей), а позднее в распространении в польских деревнях организационных принципов деревни на немецком праве.

На факты крестьянского бегства в начальный период развития внутренней колонизации обратила внимание буржуазная литература второй половины XIX в. Ф. Пекосиньский отметил многочисленные случаи ухода крестьян в конце XII и первой половине XIII в. из церковных имений обратно в княжеские, объясняя это усилением эксплуатации в имениях, пожалованных князьями церкви¹. Одновременно на бегство крестьян из церковных имений обратил внимание и Ст. Смолька².

М. Бобжинский рассматривал бегство как массовое явление, имевшее важное социальное значение. В частности, он указал на то, что беглые, добываясь личной свободы, уходили в города и в деревни на немецком праве³. К. Потканьский⁴, Фр. Буяк⁵ подчеркивали, что бегство играло важную роль в ходе внутренней колонизации, а последний отметил также и множество случаев бегства крестьян за границы. Р. Гродецкий указал на связь, существующую между бегством и изменениями в положении крестьянского населения, вызванными иммунитетом⁶. Он отметил также, что беглые составили значительную часть новых поселенцев в рыцарских и церковных имениях⁷. Ст. Инглот обратил внимание на то, что зависимое население и невольники в условиях внутренней колонизации бежали от своих господ и поселялись в других местах на положении «гостей». В целях прекращения бегства землевладельцы вынуждены были улучшать положение зависимого населения⁸. Я. Рутковский заметил, что бегство было вызвано ростом повинностей. Беглые устремлялись главным образом на восток, что сыграло известную роль в истории внутренней колонизации страны⁹. На рост бегства в связи с развитием колонизации и переходом на чинш обратил внимание М. Фридберг¹⁰.

Переход огромного большинства польских историков на позиции исторического материализма резко повысил их интерес к истории борьбы народных масс с феодальным гнетом и эксплуатацией. Специальную монографию посвятил этому вопросу Ст. Сренеvский¹¹, который, однако, совершенно обошел проблему бегства крестьян в ранние периоды эпохи феодализма, ограничившись изучением явлений XVI—XVIII вв. На это обстоятельство ему указала критика, отметившая примеры бегства в XII—XIV столетиях¹². На связь, существовавшую между побегам крестьян

¹ F. Piekosiński. O powstaniu społeczeństwa polskiego w wiekach średnich i jego pierwotnym ustroju. Rozprawy Akademii Umiejętności, XIV, 1881, str. 242.

² St. Smółka. Mieszko Stary i jego wiek. Warszawa, 1881, str. 49—50.

³ M. Bobrzyński. Dzieje Polski w zarysie, wyd. IV, t. I, str. 189—190.

⁴ K. Potkański. O pochodzeniu wsi polskiej. — «Pisma pośmiertne», t. II, Kraków, 1924, str. 376—377.

⁵ Fr. Bujał. Studia nad osadnictwem Małopolski. «Rozp. Ak. Um.», t. XLVII, Kraków, 1905, str. 211—213 и др.

⁶ R. Grodecki. Początki immunitetu w Polsce. Lwów, 1930, str. 10—11, 14—15.

⁷ R. Grodecki. Włość książęca trzebnicka na tle organizacji majątków książęcych w Polsce. — «Kwartalnik Historyczny», t. XXVI—XXVII, 1912—1913, str. 42—43.

⁸ St. Ingłot. Problem kolonizacji flamandzko-holenderskiej w Niemczech i w Polsce. — «Kwartalnik Historyczny», t. XLIII, 1929, str. 509.

⁹ J. Rutkowski. Historia gospodarcza Polski, t. I, wyd. III. Poznań, 1947, str. 60.

¹⁰ M. Friedberg. Kultura polska a niemiecka, t. I. Poznań, 1946, str. 190.

¹¹ St. Śreniewski. Zbiegostwo chłopów w dawnej Polsce jako zagadnienie ustroju społecznego. Warszawa, 1948.

¹² «Nowe Drogi», 1949, nr. 4, str. 269—270; St. Szczotka. Uwagi o zbiegostwie chłopów w dawnej Polsce. — «Roczniki Dziejów Społecznych i Gospodarczych», t. XI, 1949, str. 129.

и внутренней колонизацией, процессом эволюции феодальной ренты и, особенно, распространением очиншевания, указал Ю. Бардах¹, а связь между бегством и процессом внутренней колонизации и развитием денежной ренты в Силезии проследил К. Малечиньский². В то же время была сформулирована общая проблематика исследований классовой борьбы крестьян в эпоху феодализма. При этом было справедливо подчеркнуто, что исследования должны охватить все формы этой борьбы³.

Из старых польских работ, посвященных классовой борьбе крестьянства, необходимо отметить ценную работу К. Добровольского о первых сектах в Польше, выступавших против католической церкви⁴. В последнее время интересную разработку вопроса о крестьянских волнениях во владениях одного из великопольских монастырей дал Г. Лабуда⁵.

Большую помощь в деле правильного понимания проблемы классовой борьбы крестьянских масс в эпоху феодализма оказала польским историкам дискуссия, начатая в советской исторической науке Б. Ф. Поршневым, особенно статья Е. А. Косминского, а также установление Ф. Я. Полянским связи между проблематикой классовой борьбы крестьянских масс и развитием феодальной экономики. Примером конкретно-исторической разработки вопроса является статья Л. В. Черепнина о формах классовой борьбы в северо-восточной Руси в период формирования централизованного государства⁶.

Много внимания классовой борьбе крестьянских масс в ранние периоды феодальной эпохи, особенно вопросам побегов крестьян, уделено в I томе «Истории Польши». Здесь указывается на массовый характер бегства, на участие в бегстве как крестьян, так и челяди невольной⁷.

До сих пор, однако, вопросы классовой борьбы крестьян в период формирования столь характерного для эпохи раннего феодализма простого товарного хозяйства не были предметом исчерпывающего и всестороннего рассмотрения. Попыткой восполнить этот пробел и является настоящее сообщение.

* * *

Прежде всего необходимо остановиться на основной в то время форме классовой борьбы крестьянства — побеге, выяснить их размеры, изучить условия, в которых они происходили. XII—половина XIV вв. были временем развития феодальной экономики. Развитие это проявилось в общем для европейских стран того периода процессе внутренней колонизации. Внутренняя колонизация была результатом роста производительных сил. Развитие техники земледелия (распространение плуга с железным лемехом, более широкое употребление лошадей для пахоты

¹ В «Czasopismie Prawno-Historycznym», t. III, str. 403 и в «Historii Polski» (do 1466), wyd. II, Warszawa, 1954, str. 95—96.

² К. Малечиньский. Z dziejów wsi polskiej przed kolonizacją na prawie niemieckim. Szkice z dziejów Śląska. Warszawa, 1953, str. 91—93.

³ Ст. Шреніовский. Problematyka historii chłopów w Polsce przedrozbirowej. — «Przegląd nauk historycznych i społecznych», t. I, 1950, str. 131.

⁴ К. Добровольский. Pierwsze sekty religijne w Polsce. «Reformacja w Polsce», t. III, 1924.

⁵ Г. Лабуда. Zapiski o zaburzeniach chłopskich w dobrach klasztoru przemęckiego w r. 1309. — «Roczniki Historyczne», t. XX, 1955, str. 120—137.

⁶ Л. В. Черепнин. Формы классовой борьбы в северо-восточной Руси в XIV—XV вв. — «Вестник Московского университета, серия общественных наук», 1952, 4, стр. 112—124.

⁷ «История Польши», т. I, под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера и П. Н. Третьякова, М., 1954, стр. 58, 61, 82.

и других хозяйственных работ, которые раньше производились волами и быками) облегчало возделывание большей, чем ранее, земельной площади. Рост населения также создавал возможность расширения запашки, главным образом за счет расчистки леса.

В увеличении землепользования были заинтересованы и феодалы. Известно, как это установлено еще Марксом, что могущество феодала определялось в первую очередь количеством его подданных, а, следовательно, в конечном итоге, числом самостоятельных крестьянских хозяйств. Феодалы стремились прикрепить к земле проживавшее в вотчине зависимое население, увеличить его численность за счет припельцев, среди которых большой контингент составляли беглые крестьяне. Таким образом, позиция феодалов была внутренне противоречивой: с одной стороны, они боролись против ухода своих крестьян, с другой — охотно приветствовали приход чужих крестьян в свои поместья. Для реализации своей первой задачи феодалы старались укрепить феодальную зависимость подчиненного им населения посредством иммунитетов. Иммунитет, как заметил в свое время Гродецкий, «отдавая полностью крестьянское население. . . на милость землевладельца, увеличивал его эксплуатацию и гнет и приводил к ухудшению его экономического положения»¹. В частности, судебный иммунитет, отдавая в руки феодала более или менее широкую юрисдикцию над подвластным ему населением, имел целью закрепить это население целиком за феодальной вотчиной. Именно такую цель преследовали феодалы, когда в основном успешно добивались от князя права суда не только над «аскриптициями», т. е. над приписанным к земле населением, но также и над той группой крестьянского населения, которая выступает в польских источниках под именем «либеров», т. е. лично свободных людей. Повидимому, так назывались крестьяне, проживавшие на землях, верховное право собственности на которые принадлежало князю. Они, как мы увидим ниже, часто переходили в частные вотчины и там попадали в зависимость от феодалов.

Закрепляя за собой феодально-зависимых людей уже в качестве подданных, феодалы в то же время решали вторую задачу — старались привлечь в свои имения новых непосредственных производителей. Их называли обычно «гостями», потому что они приходили извне и оседали большей частью с правом ухода (так называемые «свободные гости») при условии выполнения всех повинностей.

Особенно стремились к привлечению новых крестьян те феодалы, которые обладали большими земельными угодьями, но не могли в надлежащей мере их использовать из-за нехватки рабочих рук. В частности, новые монастыри всячески старались заполучить рабочую силу. Стремясь заручиться новыми подданными, феодалы не только охотно принимали беглых крестьян, но и сами нередко выступали как организаторы побегов. Они переманивали в свои вотчины чужих крестьян, высылая для этой цели специальных слуг-вербовщиков. Случаи переманивания крестьян участились, стали массовыми в период роста феодальной раздробленности и начали серьезно угрожать в некоторых удельных княжествах интересам наиболее влиятельных групп феодалов и самим князьям. Об этом свидетельствует тот факт, что иногда князь, давая феодалу полный судебный иммунитет, резервировал для княжьего суда три преступления: приглашение в страну врага, сдачу замка врагу (или покушение на князя) и вывод людей из княжества².

¹ R. Grodecki. Początki immunitetu w Polsce. Lwów, 1930, str. 10—11.

² Codex dipl. Maioris Poloniae, t. I, nr. 203, 302.

4 Институт славяноведения, вып. 19

Бегство крестьян в то время имело массовый характер. Так, например, в начале XIII в. силезский князь Генрих Бородатый упоминает в своем документе о деревне Хинино, принадлежащей рыцарю по имени Радак, в которой нет вообще крестьян, потому что все сбежали¹. Этот же князь, жалуя иммунитет владению одного женского монастыря, добавляет, что он распространяется на всех тех, которые захотят и смогут поселиться здесь. Это добавление очень знаменательно; князь подчеркивает этим, что новыми поселенцами должны быть люди лично свободные, а не беглые, которые не могут выбрать себе местожительство².

Крестьяне бежали часто во время голода, но затем их старались отыскать и вернуть обратно на старые земли. Известна жалованная грамота от 1228 г. воеводе опольскому на деревню Челядь с правом отыскания крестьян, которые заселяли эту деревню, но ушли оттуда во время голода³.

Крестьяне бежали не только от голода, но также и от притеснения князей и княжеских урядников. Так, их заставляли сторожить бобровые гоны и соколиные гнезда (соколиная охота была любимым развлечением княжеского двора), а в случае пропажи бобра или сокола накладывали на них самое высокое наказание — 70 гривен (выше, чем за голову убитого именитого рыцаря). Спасаясь от этих притеснений, крестьяне бежали к пруссам и на Русь. Эти факты настолько участились, что стали серьезно беспокоить католическую иерархию в Польше, которая обратилась за содействием к папе. Последний специальной буллой от 1233 г. предостерегал князей от такого рода поведения, в результате которого «бедные люди... бегут к нечестивым русским и пруссам, покидая свое сожительство с благочестивыми», т. е. католиками⁴. Однако побег за границу продолжались. В 1254 г. краковский князь Болеслав Стыдливый даровал монастырю в Станинотках землю, которая запустела, так как сидевший на ней крестьянин-осадник бежал в чужие края⁵.

О том, что побег крестьян (в частности, за пределы княжества) были массовым явлением, свидетельствуют неоднократные договоры международного характера, предусматривающие взаимную выдачу беглых. Таков, в частности, договор, заключенный в 1237 г. между князем Конрадом Мазовецким и орденом «Рыцарей Христовых» (так называемых «Добжинцев»), сидевших в то время в Дрогичине над Бугом. Согласно договору, обе стороны обязались «простых своих людей как свободного, так и невольного состояния ни самим, ни через других к себе не зазывать, а если сами перейдут в их землю, не задерживать»⁶. Худшими для мазовецкого, куявского и ленчицкого князей были условия договора, заключенного ими в 1242 г. с Тевтонским Орденом⁷. И тут, правда, предусматривалась взаимная выдача «сервов», но если человек лично свободный перешел в земли Ордена, то он не подлежал сыску. Постановления о взаимной выдаче «сервов» имеются также в мирном договоре, заключенном между князем Святополком Поморским и Тевтонским Орденом в 1248 г.⁸

¹ Haessler. Urkundensammlung z. Geschichte des Fürstentums Oels, nr. 9.

² Там же, nr. 10. Cp. R. Grodecki. Włość książęca trzebnicka, «Kwartalnik Historyczny», XXVI, 1912, str. 457.

³ Cod. dipl. Poloniae, t. III, nr. 11.

⁴ Cod. dipl. Maioris Poloniae, t. I, nr. 143; Turgenev. Historica Russiae Monumenta, t. I, nr. 35.

⁵ Cod. dipl. Poloniae, t. III, nr. 28.

⁶ Preussisches Urkundenbuch, t. I, nr. 126.

⁷ Там же, nr. 139.

⁸ M. Perlbach. Pommerellisches Urkundenbuch, nr. 96, 111.

В соглашении от 1252 г.¹ и последующем договоре, заключенном между Орден и князем ленчицко-куявским Казимиром в 1254 г.², была предусмотрена не только выдача беглых, но и процедура представления доказательств, что требуемый действительно является беглым «сервом» или «аскриптицием». Уточнение процедуры выдачи связано было с тем фактом, что Орден, проводя широкую колонизацию завоеванных прусских земель, был сильно заинтересован в увеличении населения. Поэтому он старался, во-первых, ограничить выдачу беглых крестьян, оговаривая, что лично свободные не подлежат выдаче; во-вторых, установить точную процедуру выдачи беглых, в частности, ограничить возможность возврата лично свободных крестьян (так называемых «либеров») под предлогом, что они сервы. В договоре от 1254 г. польский князь обязывался или предъявлять письменное требование о выдаче, если беглый известен как «серв», или, если в отношении его личного статуса будет существовать какое-нибудь сомнение, представлять шесть свидетелей (соприсяжных), которые подтвердят его правовое положение. Тогда беглый должен был возвращен с женой, детьми и всем имуществом (повидимому, в первую очередь со скотом и другим рабочим инвентарем).

Свод обычного права XIII в. (так называемая «Польская Правда») посвятил отдельную статью (28-ю) порядку сыска беглых подданных («собственных людей») в другой земле (уделе). Он предусматривал выдачу беглых посланцу князя, уполномоченному документом или известному в другой земле. Рядовой феодал, если он разыскивал беглого в другой земле, должен был доказать свое право на него, выступая вместе с шестью свидетелями. Если ему не удалось доказать своего права на беглого ввиду отсутствия необходимого количества свидетелей, — обвинитель платил высокий денежный штраф (50 гривен), свидетели тоже подвергались штрафу (по 6 гривен), а тот, на кого был предъявлен иск, оставался лично свободным. Штрафу в 50 гривен подвергался и тот, кто силой старался захватить беглого в чужой земле³.

Эти указания «Польской Правды» являлись выражением компромисса между принципом возврата беглых их прежним владельцам и тенденцией ограждения новых поселенцев от переманивания или захвата их силой теми феодалами, которые претендовали на них, часто не имея для этого юридических оснований (так было, например, в случаях с «либерами»). Таким образом, статья 28-я отражала и интересы феодалов, заинтересованных в развитии внутренней колонизации.

Между удельными княжествами выдача беглых регулировалась, как мы видели выше, обычным правом. Установление лиц, подлежащих выдаче, происходило, повидимому, на феодальном вече, где князья вместе с можновладцами вершили суд.

Побегι облегчались во время феодальных войн, когда зависимые крестьяне и «сервы» бежали в землю противника, считая себя там безопасными от выдачи. Но и тогда, после заключения мира между князьями, иногда специально предусматривалась выдача беглых. Так, в 1218 г. в мирном договоре, заключенном между силезским князем Генрихом I и Владиславом Лясконогим — князем Великой Польши, последний вместе со своими феодалами обещал возвратить людей, которые бежали в их.

¹ Preussisches Urkundenbuch, t. I, nr. 260.

² Там же, nr. 303.

³ Helcel. Starodawne prawa polskiego pomniki, t. II, str. 32—33; cp. M. W i n a w e r. Najdawniejsze prawo zwyczajowe polskie. Warszawa, 1900, str. 66, 74—75, 91, 129.

владения после веча в Судовли¹, где, повидимому, в последний раз до войны рассматривались вопросы возврата беглых.

Во время феодальных войн — и вообще в условиях феодальной анархии — часто стиралась граница между побегами и уводом крестьян враждующими сторонами. Поэтому естественным дополнением к договорам и постановлениям о выдаче беглых было существующее в Польше периода феодальной раздробленности право, что воюющие стороны не должны уводить (а также и убивать) крестьян, а могут только грабить их имущество². Таким образом, феодалы гарантировали себя взаимно от потери рабочей силы, а крестьяне теряли возможность защищаться против обвинения в побеге тем, что были уведены насильно во время феодальной усобицы.

Сказанное выше позволяет сделать выводы: во-первых, о массовых размерах побегов крестьян в XII—XIII вв.; во-вторых, о противоречивом отношении к побегам крестьян со стороны феодалов, которые в собственных интересах способствовали побегам в свои владения. Но когда беги стали принимать массовый характер, феодалы как польские, так и немецкие объединялись между собой против этой основной в тот период формы классовой борьбы крестьянства, заключая соглашения о совместной борьбе с крестьянскими побегам. Соглашения эти были настолько частыми и прочными, что вошли в состав обычного права. Это, конечно, не исключало того факта, что их часто нарушали.

* * *

Крестьяне, убегая от своих господ, шли на земли, куда не простиралась еще власть феодалов, или в те поместья, где им обещали лучшие условия. В том и в другом случае эти беги способствовали ускорению внутренней колонизации страны и улучшению условий жизни самого крестьянства, в первую очередь, благодаря смягчению феодальной эксплуатации на новом месте.

Польская буржуазная наука, занимаясь вопросом внутренней колонизации, видела ее основную организующую и руководящую силу в феодалах. Она замалчивала роль трудового люда, в частности, почти полностью отрицая роль крестьянских побегов в появлении и развитии новых поселений на необжитых еще территориях.

В свете доступных нам исторических источников значение крестьянских побегов для внутренней колонизации представляется весьма важным. Духовные феодалы и рыцари, зазывая к себе крестьян, среди которых беглые составляли немалую часть, давали им на время все необходимое для расчистки земли из-под леса и укрепления хозяйства, освобождали от феодальной ренты, а церковь — от десятины. Поэтому ряд таких поселений назывался «Волями» или «Льготами». Автор посвященного данному вопросу исследования Р. Гродецкий³ относит эти названия к периоду, предшествующему колонизации на немецком праве. Такое же положение существовало и в Чехии, где встречается много местностей под названием «Льгота»⁴.

¹ Codex dipl. Maioris Poloniae, t. I, nr. 95.

² Летопись по пиатскому списку, Петербург, 1871, стр. 582: «Законъ же бѣахъ в Лѣяхохъ таковъ: челяди не имати, ни бити, но лупяхуть» (1281 год).

³ R. Grodecki. Wole i Lgoty. Studia z historii społecznej i gospodarczej poświęcone Fr. Bujakowi. Lwów, 1931.

⁴ A. Profous. Místní jména v Čechách. Praha, 1949, str. 516.

Кроме льгот, крестьяне вместо многочисленных необозначенных точно повинностей, даней и поборов облагались в этих деревнях точно определенным чиншем, главным образом в натуре, но начал появляться уже и денежный чинш. Это и составляло существо так называемой колонизации на польском праве, или, выражаясь словами источников, колонизации «по обычаю свободных гостей».

Лучшие условия, предоставляемые в частновладельческих рыцарских и церковных имениях, приводили к тому, что крестьянское население, непосредственно подчиненное княжеской администрации, так называемые «либеры», массами переходило во владения феодалов и постепенно закрепощалось ими. Переход «либеров» в частные владения запрещался княжеской властью, рассматривался ею как преступление, так как приводил непосредственно к уменьшению княжеских доходов и ограничивал возможности внутренней колонизации княжеского домена. Поэтому княжеская власть от времени до времени выступала против самовольного перехода «либеров» в частные владения. Эти нелегальные с точки зрения княжеской власти переходы следует рассматривать как побег. Они были формой борьбы княжеских крестьян против нетерпимых условий, какие создавались в княжеском домене и землях, на которые простиралось непосредственно княжеское верховное право земельной собственности, в результате неопределенной означенности ренты и бесчисленных поборов со стороны многочисленных княжеских урядников и слуг.

Польский хронист Кадлубек, писавший в первой четверти XIII в., рассказывал, как верховный князь Мешко III Старый, пытаясь восстановить в 70-х годах XII в. сильную княжескую власть, запрещал феодалам принимать пришельцев в свои владения и сурово их карал за прием как беглых невольных, так и лично свободных княжеских людей¹, которые оседали в имениях феодалов.

В половине XIII в. ленчицко-куявский князь Казимир выступил против духовных феодалов. Он издал специальный указ (известный из решения позднейшего [1267] третейского суда папского легата кардинала Гентилиса между князем и епископом), чтобы все «либеры», проживающие во владениях церкви, немедленно покинули имения духовных лиц под угрозой конфискации имущества и вечной неволи². Важно отметить, что князь уже не в силах был сам покарать духовных феодалов и угрозу репрессии обращал исключительно против крестьян. В конце концов, князю пришлось уступить и разрешить переход «либеров» в духовные имения. Это было в интересах церковных феодалов, но в то же время и крестьян, которые на новом месте получали на первых порах лучшие, чем ранее, условия держания крестьянского хозяйства.

Еще в 20-х годах XIV в. король Владислав Локеток, защищая интересы свои и шляхты, издал статут, запрещавший лично свободному населению из королевских и шляхетских имений переходить в церковные поместья, куда их, повидимому, переманивали льготными условиями. На этот закон со стороны церкви последовала быстрая реакция. Синодальный статут, опубликованный архиепископом Яниславом в 1326 г., формулировал принцип, что «кто мешает людям, переходящим в церковные имения из имений рыцарства (шляхты), отлучается тем самым от церкви»³. Очевидно интересы церкви были сильно задеты, если на королевский указ последовала такая резкая отповедь.

¹ Monumenta Poloniae Historica, t. II, str. 380—381.

² B. U l a n o w s k i: Dokumenty kujawskie i mazowieckie, nr. 36, s. 240.

³ Codex dipl. Maioris Poloniae, t. II, nr. 1061.

* * *

Как явствует из предшествующего изложения, в период внутренней колонизации страны в ходе борьбы за рабочие руки отчетливо выявились противоречия интересов князя, светских и духовных феодалов в вопросе о праве на эксплуатацию лично свободного крестьянства (в особенности «либеров»). Острая борьба между отдельными группами господствующего класса облегчала «либерам» переход (или бегство) в имения феодалов. Результатом этого процесса было, во-первых, усиление хода внутренней колонизации, во-вторых, увеличение численности феодально-зависимого населения в частных владениях и, в-третьих, поселение части крестьянского населения в имениях феодалов «по обычаю вольных гостей», что в свою очередь повлияло на улучшение положения давно сидевших в этих имениях невольников и «аскриптицев».

Борьба за крестьян, которая, несмотря на заключаемые соглашения, велась между феодалами, облегчала также возможность побегов невольного и феодально-зависимого населения. Невольники на новом месте переходили в категорию зависимых крестьян, их общественно-правовое и имущественное положение заметно улучшилось. То же самое относится к таким группам зависимого населения, как закушы или «аскриптиции», которые по своему положению, вследствие прикрепления к земле, приближались к невольникам. Побег невольников были особенно частыми в XII и в начале XIII в. В документах, сообщающих о побеге, выступают десятники, т. е. невольное население, организованное в десятки и сотни княжеской администрацией. О таких восьми десятниках, принадлежащих великопольскому городу Гечу и оказавшихся в результате побега в церковной деревне Гродешовице под Олавой, сообщает папская булла 1155 г. В ней говорится, что князь Великой Польши Мешко III, узнав об их местопребывании и доказав на них свои права, хотел увести их обратно, но в конце концов по желанию и просьбе брата своего силезского князя Болеслава возвратил их церкви¹. Другой документ (под 1193 г.) сообщает о некоем Болете, который в первой половине XII в. был передан князем за долги в вечную неволю церкви. Его сын Зеновид вместе с четырьмя товарищами (или родственниками) бежал от тяжелого монастырского гнета. Они били челом князю, повидимому, представляя себя как людей, имеющих права выхода, и до приговора, согласно обычаю, искали убежища во вроцлавском кафедральном соборе. Когда князь присудил их монастырю, монахи, повидимому родом из Франции, на что указывают их имена, вывели Зеновида с товарищами силой из собора и водворили обратно в монастырской вотчине².

В первой половине XII в. монастырь в Червинске получил от Болеслава Кривоустого Радоста с сыновьями в качестве «аскриптицев». Один из них, Милошка, два раза бежал в княжеский домен, но оба раза аббат разыскивал его и, доказав свои права на него, возвращал в монастырское имение³.

В начале XIII в. крестьяне Белеевичи, приписанные к городу Вольбож, принадлежащему вроцлавскому епископству, «не будучи, — как красочно описывает документ, — в силах перенести гнет и всякого рода притеснения, не имея никакой льготы и никакой надежды на лучшую долю, бе-

¹ K. Małeczynski. Codex dipl. Silesiae, t. I, 1, nr. 35: «quos omnes, cum dux Mesico convictos decimos Gedchenses vellet abducere, cum voluntate et assensu fratris eius Bolizelavi ducis coram nobilibus totius Poloniae eidem ecclesie restituit».

² K. Małeczynski. Codex dipl. Silesiae, t. I, 1, nr. 68.

³ Koczanowski. Codex dipl. Masoviae, nr. 212.

жали из вольбожской каштелянии за Пилицу» и поступили на княжескую службу ловчими. Однако епископ разыскал и добился в 1232 г. их возвращения¹.

Иногда документ, упоминая о борьбе крестьян против порабощения, не поясняет точно, в каких формах протекала эта борьба. Наряду с побегами и в тесной связи с ними выступало часто, как мы говорили выше, стремление найти защиту в княжеском суде. Документ от 1217 г. сообщает о судебном споре между аббатом Сулейовского монастыря и крестьянами — «аскриптициями», которые тщетно хотели освободиться от подданства, так как князь закрепил их навеки за монастырем². В следующем году (1218) князь Конрад Мазовецкий подтвердил Мартину Грабику, племяннику Гугона Букр, службу людей, пожалованных последнему дедом правящего князя. Этих людей, которые старались освободиться от тягостной зависимости, суд приговорил к выполнению «древней повинности» феодалу³. Далее, в 1230 г. сандомирский князь Болеслав присудил епископу куявскому человека «Хырна с братьей, которых обратил в давнюю неволю»⁴. На активное стремление к освобождению от подданства и происходящую при этом борьбу указывает документ от 1222 г., в который князь Конрад мазовецкий занес имена всех «аскриптициев» Червинского монастыря, чтобы по истечении времени они не предъявляли претензий на свободу⁵.

Указанные выше примеры свидетельствуют об упорной борьбе, которую вели невольники и «аскриптиции» против порабощения, за улучшение своего общественно-правового положения. Крестьяне пытались использовать и княжеский суд для установления более мягких форм феодальной зависимости. Те документы, которыми мы располагаем, свидетельствуют, однако, о том, что государственный аппарат во главе с князем защищал интересы феодалов, всемерно помогая им удерживать старые формы эксплуатации и угнетения трудящегося населения.

Гораздо более эффективной формой борьбы, чем судебные жалобы в княжеский суд, были побег. В условиях феодальной раздробленности побег часто бывал удачным для крестьян. Об этом свидетельствует их массовый характер. Можно с полным основанием предположить, что побег невольной части населения ускоряли процесс ликвидации неволи, вызванный всем ходом экономического и общественного развития. Об этой тенденции свидетельствуют факты перевода феодалами невольников в состав феодально-зависимого населения. Это происходило иногда в форме акта так называемого освобождения, но чаще совершалось путем перевода невольников на оброк, что приравнивало их в отношении выплачиваемой феодальной ренты с феодально-зависимым населением. Классическим примером является жалованная грамота 1166 г. рыцарскому ордену гроба господнего в Загостье, где часть невольников была переведена на оброк. Грамота указывает, что обязанности переведенных на оброк невольников должны быть такие, как «гостей», с той разницей, что они никогда не смогут уйти из волости, передаваемой ордену⁶. Фео-

¹ Codex dipl. Maioris Poloniae, t. II, nr. 403; cp. St. Zakrzewski. Naderania na rzecz Chrystiana biskupa pruskiego. — Rozprawy Akad. Um., t. XLII, 1902, str. 295—296.

² J. Mitkowski. Początki klasztoru cystersów w Sulejowie. Poznań, 1949, dodatek 3, str. 316—317; «qui de servitute ascripticia liberari satagebant».

³ Codex dipl. Poloniae, t. II, nr. 37: «homines quosdam iudicio vinctos in antiquum seduxit servitium, quod dicitur spundovnici».

⁴ Codex dipl. Poloniae, t. II, nr. 3.

⁵ Codex dipl. Poloniae, t. I, nr. 16.

⁶ Codex dipl. Poloniae, t. III, nr. 4.

дали переводили невольников на положение феодально-зависимых не только в целях повышения их заинтересованности в работе, но и под прямой угрозой побегов в случае сохранения старого режима. То же самое относится и к «аскриптициям», как свидетельствует об этом поздний (1470), но интересный документ, относящийся к положению «аскриптицев» деревни Ольшаница, принадлежащей эвезжинскому монастырю. Эта деревня не была переведена на немецкое право и в ней сохранились старинные формы ренты и личной зависимости крестьян. Однако и здесь монастырь вынужден был пойти на соглашение с крестьянами и сделать некоторые уступки им, мотивируя это тем, «чтобы наши имения не запустели»¹.

Итак, невольники и «аскриптиции» в отличие от «либеров» бежали из владений отдельных феодалов в княжеские деревни. Прямым следствием этого было улучшение социального и правового положения беглых. С другой стороны, угроза побегов заставляла феодалов идти на улучшение положения остающихся в их имениях невольников и «аскриптицев». Так, в соответствии со всем ходом социально-экономического развития, шел процесс ликвидации неволи и наиболее тяжелых форм крестьянской зависимости.

* * *

Классовая борьба польских крестьянских масс продолжалась в течение XIII в., когда все большее распространение получала организация деревень на так называемом немецком праве.

Известно, что немецкие буржуазно-националистические историки старались доказать, что колонизация на немецком праве тождественна с немецкой колонизацией. Это утверждение давно опровергнуто наукой. Уже Бальцер², а за ним и Тыменецкий³ убедительно выяснили, что следует строго разграничивать немецкую колонизацию от колонизации польской деревни на немецком праве. Вопрос о роли немецкого права в Польше, в литовско-русских землях и в других славянских странах интересовал многих старых русских и советских историков и историков права. Этому вопросу посвятил одну из своих ранних работ Владимирский-Буданов, занимались им также В. И. Пичета и Б. Д. Греков.

В исторической науке народной Польши вопросом о существовании немецкого права занимались З. Качмарчик и М. Счанецкий⁴, которые показали связь между рецепцией немецкого права и движением феодальной ренты, рассматривая его как юридическую форму чиншевой системы, при которой чинш уплачивается частично в натуре, частично деньгами. Рецепция немецкого права в польской деревне представляется нам применением к процессу внутренней колонизации и чиншевания развитых организационных и юридических форм, соответствующих уже развитым товарным отношениям и господствующей денежной ренте. Введение такой развитой надстройки должно было ускорить эти процессы. Организация польских деревень на немецком праве, являющемся по сути не каким-либо особым немецким правом, а типичным для всей Западной Европы чиншевым

¹ Fr. B u j a k. Z dziejów wsi polskiej. Studia historyczne ku czci Wincentego Zakrzewskiego. Krakow, 1908, str. 330—331: «ne bona nostra desertarunt».

² O. B a l z e r. Niemcy w Polsce. — «Kwartalnik Historyczny», t. XXV, 1911.

³ K. T y m i e n i e c k i. Lenna chłopskie czy prawo niemieckie. «Roczniki Historyczne», t. XX, 1955, s. 62; там же, см. указание на другие работы автора на эту тему.

⁴ Z. K a c z m a r c z y k i M. S c z a n i e c k i. Kolonizacja na prawie niemieckim w Polsce a rozwój renty feudalnej. — «Czasopismo Prawno — Historyczne», t. III, 1951, str. 59—83.

правом (в качестве примера можно указать, что в Силезии, кроме немецкого права, существовало фламандское право, причем разница между немецким и фламандским правом весьма незначительна), была продолжением двух тесно связанных, взаимно обусловленных процессов: внутренней колонизации и движения форм феодальной ренты.

Новый правовой порядок обозначал введение постоянных точных норм феодальной ренты. Давал он также крестьянам, правда ограниченное, право выхода и укреплял их права на землю. В деревнях на немецком праве крестьяне пользовались правом наследования земли, могли ее продавать, закладывать, а феодалы, если хотели забрать крестьянское хозяйство, должны были его выкупить. Все это в определенном отношении улучшало положение крестьянина — владельца чиншевого хозяйства.

Хотя феодалы сами были заинтересованы в получении денег, что могло произойти только посредством чинша и привлечения новых колонистов, но вместе с тем они не везде вводили добровольно новую организацию. Зачастую пробовали они посадить на чиншевое право пришельцев, а со старого населения взыскивать по давнему обычаю, благо что их собственное хозяйство оставалось в значительной степени натуральным.

Однако сами крестьяне добивались перевода их деревень на немецкое право или уравнивания их повинностей с повинностями крестьян-колонистов, сидевших в деревнях на немецком праве. Пример положения соседних деревень был заразительным. Как показали исследования, на немецкое право было переведено в Познанском уезде примерно до половины XV в. свыше одной трети всех деревень. В то же время повинности и положение крестьян, которые оставались на польском праве, видоизменялись, приближаясь к положению колонистов на немецком. То же происходило и в Мазовии, где немецкое право было формально принято лишь в относительно небольшой части деревень. Но почти всюду происходила нивелировка обязанностей и правового положения крестьян. Это имел в виду Тыменецкий, когда писал: «Хотя на хемлинском праве оказалась только часть крестьянского населения, но его влияние было почти 100%».

Так в процессе развития товарно-денежных отношений, с одной стороны, происходило распространение так называемого немецкого права в польской деревне, с другой, — в деревнях, которые остались на польском праве, происходило становление денежно-натуральной ренты в форме чинша и предоставление личной свободы основной массе крестьянства. Эти процессы определялись основными законами развития феодального способа производства. Их размеры и темпы были обусловлены в частности ходом классовой борьбы крестьянства, активно борющегося за переход к новым, более прогрессивным формам ренты, за улучшение прав на землю.

Раньше всего они затронули районы, где разрастались городские центры, где развитие товарно-денежных отношений шло быстрее. Развитие городов непосредственно вело также к улучшению положения части крестьянского населения, которая уходила в города, освобождаясь от феодального гнета.

Там, где поблизости не было городов, где городская жизнь была еще слаба, дольше удерживались (еще и в XIV в.) старинные формы феодальной зависимости. Но, как правило, именно в этих районах разгоралась классовая борьба за ликвидацию старых форм ренты, укрепление прав крестьянина на землю, за право выхода.

Одним из таких районов была Мазовия, где города развились позднее (XV в.) и где расположены были крупные владения духовных феодалов. Церковники, стремясь выжать из трудового населения все соки, основывая новые деревни на немецком праве, одновременно всячески препятствовали переходу невольников и исстари феодально-зависимых крестьян на новые формы ренты и организацию деревенской жизни. Это нашло яркое отражение в договоре, заключенном в 1359 г. между мазовецким князем Тройденом и крупнейшим духовным феодалом, гнезненским архиепископом Ярославом. В нем князь оговорил, что «если наш подданный убежит от нас в деревню архиепископа, разрешается нам. ... возвратить его в состояние давнишней неволи»¹. То же самое право представлялось архиепископу по отношению к его подданным, бежавшим в Мазовию.

Одновременно согласно договору лично свободные (т. е. пользующиеся правом выхода) крестьяне могли без препятствий переходить из Мазовии во владения архиепископа и обратно.

Однако стремление удержать разделение крестьян на лично свободных и не имеющих права выхода («аскриптицев» и «невольников») в условиях развития внутренней колонизации, нехватки рабочих рук и погони за новыми колонистами, особенно со стороны организаторов новых деревень — солтысов, встречало большие трудности. Государственная власть безуспешно старалась сохранить *status quo ante* при помощи запретов перехода подданных крестьян в деревни, основанные на немецком праве.

Характерны в этом отношении малопольские документы конца XIII — начала XIV в. Первый — это жалованная грамота 1288 г. краковского князя Лешка Черного женскому монастырю норбертанок в Звежинце. Разрешая монастырю локацию двух деревень на немецком праве, князь заявляет, что колонисты могут быть всякой нации «за исключением поляков из деревень на польском праве наших и ваших рыцарей»². Ясно, что князь стремился воспрепятствовать побегам крестьян, сидящих на старом праве, в эти деревни. В следующих документах княгиня — вдова Грыфина, владеющая Сандецкой землей, разрешала (в 1293 г.) крупному феодалу Николаю Пончек перевести существующую уже польскую деревню на немецкое право, оговаривая, однако, чтобы он не принимал и не приглашал в качестве колонистов подданных Сандецкого женского монастыря ордена св. Клары³. Такое же постановление мы встречаем и в жалованной грамоте Яну Богатому, который получил от княгини в 1299 г. сто ланов леса для организации деревни «на сыром корне»⁴. Даже когда сам монастырь, стремясь к увеличению доходов, решился основать в своих землях деревню на немецком праве, княгиня, утверждая в 1296 г. договор между организаторами новой деревни — солтысами Яном и Якубом и монастырем, добавила такую же оговорку⁵.

Однако запреты эти были мало эффективными, о чем свидетельствует сама по себе их многочисленность. В условиях обостряющихся классовых антагонизмов феодалы пробовали противодействовать массовым побегам крестьян-«аскриптицев» усилением репрессий. В этом отношении очень занимателен фальсификат, состряпанный в начале XIV в. монахами Лендского монастыря (этот монастырь был, по словам буржуазного исто-

¹ Codex dipl. Maioris Poloniae, t. III, nr. 1402.

² Codex dipl. Poloniae, t. III, nr. 66.

³ Codex dipl. Poloniae Minoris, t. II, nr. 523.

⁴ Codex dipl. Poloniae Minoris, t. I, nr. 132: «excepimus eciam quod de villis claustralibus obnoxios homines nec invitabit nec recipiet residere in dictam hereditatem».

⁵ Codex dipl. Poloniae Minoris, t. II, nr. 532.

рика Ст. Кентшинского, «кузницей фальсификатов») и датированный 1291 г. Этот подложный документ был призван оправдать жестокие репрессии, которые монахи обрушивали на крестьян, стремящихся к улучшению своего материального и правового положения, чтобы устранили их и удержать в неприкосновенности старую систему эксплуатации. Он гласит, что князь дает аббату Лендского монастыря право всех «аскриптициев», бежавших из его владений, задерживать в любом месте, подвергать заточению и обращать в вечную неволю¹.

Несмотря на это, крестьяне — «аскриптиции» Лендского монастыря не прекращали борьбы; ища помощи у королевской власти. Крестьяне принадлежащей монастырю деревни Доляны обращались к королю Владиславу Локетку в 1322 и в 1325 гг. с жалобами на притеснения и тяжелые поборы, которыми вопреки обычаю их облагали монахи. Чувство горечи у них должно было быть особенно велико, потому что рядом с ними монастырь основал деревню на немецком праве и к тому же передал ей часть их земель. Разница в положении усиливала их сопротивление феодалам. Король оба раза стал всецело на сторону монастыря. Приговор запрещал крестьянам впредь вносить жалобы на монастырь, которому король их передал в вечное подданство².

В тех случаях, когда побег пресекался жестокими карами, когда гнет становился все более нетерпимым, крестьяне прибегали к более острым формам классовой борьбы. Найденная недавно рукописная записка, опубликованная Г. Лабудой, сообщает, что в 1309 г. в деревне Мохы — владении цистерцианского монастыря в Пшементе (Великая Польша) — крестьяне сожгли спавших в монастырском дворе аббата и четырех монахов³.

Подводя итоги, необходимо отметить, что пример деревень, основанных на немецком праве, обострял классовую борьбу крестьян, прикрепленных к земле и подвергавшихся тяжелой эксплуатации. Активные выступления крестьян ускоряли обусловленную общим историческим развитием нивелировку повинностей отдельных групп и категорий феодально-зависимого крестьянства и невольного населения. Перемены в положении крестьянства находили свое выражение в локационных документах и уступках, на которые вынуждены были практически идти феодалы в деревнях, остающихся на польском праве. Все это вместе взятое способствовало оформлению в Польше в течение XIV в. относительно однородного крестьянского сословия — основного слагаемого сложно-организованного сословного общества.

Особую проблему составляет вопрос о роли беглых в формировании мещанства как отдельного сословия. Здесь польские источники дают значительно меньше материала, чем западноевропейские. Однако мы можем извлечь из них некоторые данные, свидетельствующие о том, что беглые крестьяне составляли значительный процент городского населения. Издавая в 1257 г. локационную грамоту для Кракова, князь предварительно потребовал от войтов заверения (оно помещено в документе), что «они не сделают своими согражданами никого из наших, или церкви, или кого-либо другого приписанных, а также никого из свободных поляков прежде живущих в деревне, чтобы из-за этого не запустошились наши, епископов, каноников или чьи-нибудь другие имения»⁴.

¹ Codex dipl. Maioris Poloniae, t. II, nr. 673.

² Codex dipl. Maioris Poloniae, t. II, nr. 1027; nr. 1055.

³ «Roczniki Historyczne», t. XX, str. 127.

⁴ Codex dipl. civ. Cracoviensis, t. I, nr. 1.

Аналогичная оговорка содержится в локационном документе от 1286 г. для Сандомира, изданном краковско-сандомирским князем Лешком Черным¹.

Эта оговорка имела целью ликвидировать принцип «городской воздух делает человека свободным», известный в то время почти во всей Европе. Она была вызвана — как это с полной очевидностью следует из текста локационного документа для Кракова — стремлением феодалов не допустить бегство зависимых крестьян в города. С другой стороны, однако, уже само помещение в локационных грамотах таких оговорок свидетельствует о том, что наплыв сельского элемента в города был значительным и в долокационный период, если этот вопрос так прямо встал перед князем и его можновладельческим окружением в момент локации города. Необходимость таких оговорок в локационных грамотах объясняется тем, что в ином случае городские власти, после получения городом самоуправления, могли бы вести в этих вопросах политику, находящуюся в прямом противоречии с интересами крупных землевладельцев².

Такого рода запрещения, по свидетельству известного знатока истории городов Пtasъника, «не удержали однако крестьян от бегства из деревни, а города от укрывания беглых за своими стенами»³.

Таким образом, мы можем установить в Польше наличие того процесса непрерывного бегства крепостных крестьян в города, на который обратили внимание Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии»⁴. В развитии городов беглые крестьяне сыграли важную роль, пополняя собой прежде всего низшие слои городского населения — поспольство и плебс.

* * *

Борьба крестьян против феодального гнета и эксплуатации проявлялась также и в оппозиции официальной идеологии католической церкви, которая была в средние века, как писал Энгельс, «наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя»⁵. Идеологическая оппозиция в Польше нашла свое выражение в появлении с 60-х годов XIII в. религиозных «ересей». Прежде всего необходимо упомянуть секту бичующихся, появившуюся около 1261 г. (вторично в 1340 г.). С начала XIV в. главной «еретической» сектой становятся вальденсы, которые сохранились в Польше, несмотря на преследования, в течение всего XIV в. Важно подчеркнуть, вслед за К. Добровольским, народный характер этих «ересей».

В движении бичующихся в 1261 г. принимали активное участие крестьяне Великой Польши. Немало крестьян было и среди вальденсов, основную массу которых составляли мещане. Папская булла от 1318 г. отмечала «ересь» не только в Кракове, но и во всей Краковской диоцезии, подчеркивала ее широкое распространение. Проповедники «еретических» учений имели своих последователей и заступников во многих местах диоцезии⁶. Это позволяет думать, что они пользовались поддержкой

¹ Codex dipl. Poloniae, t. III, nr. 63: «et convocandi ad eandem (urbem) homines quarumlibet nacionum et undecumque, libere tamen condicionis».

² J. Krzyżanowski. Polityka miejska Bolesława Wstydlwego. Studia historyczne ku czci St. Kuźrzeby, t. II. Kraków, 1938, str. 412—413.

³ J. Ptasъnik. Miasta i mieszczaństwo w dawnej Polsce. Kraków, 1934, str. 293—294.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 41.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

⁶ A. Theiner. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. I, nr. 220: «hereticos, credentes, fautores, defensores, et receptores eorum».

и крестьянства. Против вальденсов вела борьбу учрежденная в это время в Польше инквизиция. Между прочим, на активное участие крестьян из Польши в движении вальденсов указывает документ инквизиции в Западном Поморье. В нем среди двенадцати руководителей вальденсов на первых местах названы «Миколай из Польши, а также Ян из Польши, сын какого-то крестьянина»¹. Далее упоминаются ремесленники и крестьяне из разных областей Германии и Венгрии.

Необходимо специально отметить и тот факт, что в рядах сторонников «ереси» объединялись немцы, поляки, чехи, венгры. Проповедуя свое учение, отправлялись они целыми группами (особенно бичующиеся) в соседние страны, принимая в свои ряды новых последователей. Французскую «ересь» вальденсов распространяли в Польше немецкие мещане. Она нашла своих сторонников и проповедников также в Чехии и Венгрии. Угнетаемые феодалами народные массы разных стран объединялись для общей борьбы против социальной несправедливости, олицетворением которой была официальная церковь. Упорная живучесть «ересей», несмотря на кровавые преследования и участие в них крестьянства, является тоже свидетельством того, что в условиях развития чиншевого хозяйства антагонизм между господствующим классом и массами крестьянства продолжал существовать, хотя некоторые буржуазные историки описывали этот период чуть ли не как идиллию, когда крестьянин был якобы совершенно свободным, а феодал добровольно ограничивал свои доходы, довольствуясь умеренным чиншем.

В борьбе крестьян против церкви надо отметить их упорное требование отмены тяжелых форм церковной десятины, введенной церковью в начале XIII в. в форме десятого снопа. Крестьяне не могли свезти урожай с поля, пока уполномоченный по сбору десятины не выбрал себе лучших снопов. Крестьяне требовали замены десятого снопа на десятину в зерне или денежную, которая не препятствовала им в хозяйственных работах и была в среднем ниже, чем «десятый сноп». Известно, что против десятины в форме десятого снопа выступали также солтысы и шляхта, что было обусловлено борьбой за дележ феодальной ренты.

В царствование Казимира III эта борьба крестьян находила отражение в источниках в форме отказов от взноса десятины — «десятого снопа»². Решения церковных синодов пестрят постановлениями об отлучении от церкви за отказ от внесения десятины. В конце концов королевской власти удалось добиться при поддержке всего населения некоторых уступок от церкви для деревень на немецком праве. Как указывает исследователь этого вопроса, реальное уменьшение десятины было вызвано стремлением привлечь новых поселенцев, которые неохотно поселялись на землях (в частности, королевского домена), где требовали с них полную десятину³. Надо добавить, что бремя этой десятины способствовало уходу и побегам крестьян. Поэтому выступление короля за замену «десятого снопа» менее обременительными формами десятины следует рассматривать не только как стремление к созданию лучших условий для развития хозяйства в королевском домене и в шляхетских имениях, но и в связи с сопротивлением крестьянских масс эксплуатации церкви.

¹ Цит. по K. Dobrowolski, Pierwsze sekty. «Reformacja w Polsce», t. III, 1924, str. 186.

² Z. Kaczmarszyk, Kazimierz Wielki (1353—1370). Warszawa, 1948, str. 299.

³ M. Wyszynski. Ze studiów nad historią dziesięciny w Polsce średniowiecznej. Lwów, 1929, str. 75.

* * *

Классовая борьба польского крестьянства оказала влияние и на изменения в политической надстройке. В своей работе об образовании единого Польского государства на рубеже XIII и XIV в. Башкевич указал, что активные выступления крестьянских масс усилили центростремительные тенденции среди феодалов¹. Временное улучшение положения крестьянства, в особенности регламентация повинностей на основе локационных грамот или устных договоров, а также существование права выхода, затрудняли для отдельных феодалов возможность усиления эксплуатации крестьян. Феодалам необходим был сильный государственный аппарат, который можно было бы использовать для утверждения и усиления позиций господствующего класса. Как мы видели выше, феодалы не обманулись в своих расчетах на государственный аппарат королевства. Достаточно указать на упомянутое выше решение Локетка по делу крестьян из владений монастыря в Ленде², а также на активное участие Локетка в борьбе с «ересью», отмеченное похвалой папы римского³.

Чтобы увеличить феодальную эксплуатацию, надо было укрепить власть феодалов над крестьянами. Этого можно было достигнуть путем ограничения права выхода. В этом направлении прежде всего концентрировали свои усилия феодалы. Известные постановления малопольского статута Казимира III, ограничивавшие право выхода до одного — двух крестьян из деревни в год, были бесспорной победой феодалов. Статут четко сформулировал причины, вызвавшие эти постановления: «Так как из-за ухода подданных имения господ часто пустуют. ... наши бароны считали нужным, не теряя времени, принять меры против этой опасности»⁴. Историко-правовая литература правильно подчеркивает, что эти постановления означали уже «зарю нового процесса и вторичного прикрепления крестьянства к земле»⁵.

Таким образом, частичное преодоление феодальной раздробленности и образование единого Польского королевства следует рассматривать с учетом реакции господствующего класса на растущее сопротивление крестьянских масс. «... Классовая борьба, — писал В. И. Ленин, — борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований»⁶.

С другой стороны, экономическое развитие Польского королевства и рост его политического значения в XIV—XV вв. были обусловлены прогрессивными переменами в экономике и общественных отношениях, что в серьезной мере было результатом упорной борьбы крестьянских масс за улучшение своего положения в рамках феодального строя.

Подводя некоторые итоги, надо сказать, что источники дают сравнительно богатый материал, показывающий, что польские крестьяне активно использовали возможности, которые открывало им развитие товарно-денежных отношений для борьбы за улучшение своего положения.

¹ J. B a s z k i e w i c z. Powstanie zjednoczonego państwa polskiego na przełomie XIII i XIV wieku. Warszawa, 1954, str. 288—289.

² См. примеч. 2 на стр. 58.

³ T h e i n e r. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae, t. I, nr. 381.

⁴ Archiwum Komisji Prawniczej, t. II, str. 170.

⁵ Z. W o j c i e c h o w s k i. Państwo Polskie w wiekach średnich, dzieje ustroju, wyd. II. Poznań, 1948, str. 226.

⁶ В. И. Л е н и н. Соч., т. 8, стр. 178.

Результатом развития производительных сил и производственных отношений, происходившего в связи с классовой борьбой крестьянства, были новые формы организации польской деревни, в частности, улучшение прав на землю, точное определение повинностей крестьян, рост денежной ренты, которая в XIV в. приобрела в большей части страны определенный перевес над другими сосуществующими формами ренты, а также свобода выхода (хотя и ограниченная). Все эти уступки были вырваны трудящимся населением у феодалов. Крестьянство использовало заинтересованность землевладельцев в увеличении числа крестьянских хозяйств в своих имениях, в увеличении ренты, использовало их взаимные споры и столкновения.

Вопреки утверждениям буржуазной науки, которая смотрела на вопрос внутренней колонизации как на процесс, организованный исключительно феодалами, в котором массе непосредственных производителей отводилась лишь роль орудия, выполнявшего замыслы феодалов, можно с большой обоснованностью сказать, что серьезным фактором реализации прогрессивных для того времени преобразований, были феодально-зависимые крестьяне и невольное население.

Польскому крестьянству в процессе внутренней колонизации удалось добиться упорной борьбой некоторого временного смягчения феодальной эксплуатации, что определило быстрое развитие польской общественной, политической и культурной жизни в XIV—XV вв. и отчасти наложило свой отпечаток на начало периода возрождения в Польше.

И. Д. Иванов

ДОКУМЕНТЫ О РУССКО-СЕРБСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЯХ 80-х ГОДОВ XIX в.

Связи сербского революционного движения с русским революционным движением, существовавшие в 60—70-х годах XIX в., более или менее обстоятельно освещены в исторической литературе¹.

Что касается русско-сербских революционных связей 80-х годов XIX в., то они у нас не изучены. Публикуемые ниже документы содержат новые, до сих пор неизвестные факты о русско-сербских революционных связях в эти годы. Эти документы являются заключениями прокурора Московской судебной палаты по делам сербов Ефрема Кочовича и Марко Николича, обвиняемых в государственном преступлении. Кочович Ефрем, по национальности — серб, приехал в Москву в 1878 г. и поступил в Московский университет на медицинский факультет. С самого начала пребывания в Москве он принимал активное участие в революционном движении. О революционной деятельности Е. Кочовича и его товарищей в одном документе говорится, что, по полученным о них сведениям, они «... занимают весьма видное место в среде преступного сообщества, так как лицу, желающему узнать местопребывание исполнительного комитета², эмигранты советовали обратиться за этим именно к Кочовичу»³. Е. Кочович принадлежал к революционному сербскому студенческому обществу в Москве⁴. Кроме того, он поддерживал широкие связи с русскими и сербскими революционерами, а также участвовал в революционном движении студенческой молодежи. Е. Кочович являлся корреспондентом русских и сербских социалистических газет⁵. За свою революционную деятельность он был арестован в 1881 г. и в начале 1882 г. выслан из России в Сербию⁶. О его жизни после высылки из России известно лишь то, что он в 1885 г. приехал в Париж, где встретился с Л. Тихомировым⁷.

¹ См. Јован Скерлић. Светозар Марковић. Његов живот, рад и идеје. Београд, 1910; К. А. Пушкаревич. Светозар Маркович в Петербурге (материалы к биографии). — Труды Института славяноведения АН СССР, т. I, Л., 1932.

Б. П. Козмин. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929.

Е. Н. Кушева. Из русско-сербских революционных связей 1870-х годов. — Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. I, М., 1949.

С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века. — Ученые записки Института славяноведения АН СССР, т. VI, М., 1952.

² Имеется в виду Исполнительный комитет партии «Народная воля» (И. И.).

³ ЦГИАМ, ф. 63, оп. 1, 1881, д. 604.

⁴ ЦГИАМ, ф. 1167, оп. 3, д. 2810.

⁵ Там же.

⁶ ЦГИАМ, ф. 1405, оп. 80, 1881—1883, д. 8663.

⁷ См. Л. Тихомиров. Воспоминания. М.—Л., 1927, стр. 187, 480.

Николич Марко, окончив белградскую гимназию, приехал в 1878 г. в Москву, где поступил учиться в Петровскую лесную и земледельческую академию. Был стипендиатом Славянского благотворительного общества. В начале 80-х годов начал заниматься революционной деятельностью. Окончив в 1885 г. Академию, он уехал в Сербию, но затем в том же году возвратился в Россию с целью продолжения революционной деятельности. В конце 1886 г. он был арестован и осужден на год тюремного заключения, а в 1887 г. выслан из России «за участие в революционной деятельности». В Сербии М. Николич основал радикальное общество имени Св. Марковича («Друштво Св. Марковић») ¹. В 90-х годах М. Николич вместе с Глушевичем и другими занимался организацией связей сербских и русских революционеров ².

В публикуемых документах говорится также о революционной деятельности сербов Михайла Илича, И. Поповича, об участии их в русском революционном движении.

Эти документы свидетельствуют о связях сербской молодежи с русским революционным движением, а также об их активном участии в партии «Народная воля». Они показывают нам широкий круг связей сербских революционеров с известными революционерами России того времени, в числе которых мы встречаем имена таких видных членов партии «Народная воля» 80-х гг. XIX в., как Ю. Н. Богданович, П. Л. Лавров, Л. А. Тихомиров и др. Речь, как видно, здесь идет не только о личных отношениях, но и о связях с организацией.

У арестованных — Ефрема Кочовича и в особенности Марка Николича — найдено огромное количество нелегальной литературы. Этот факт наглядно свидетельствует о знакомстве сербских революционеров с народно-вольческой и марксистской литературой того времени. Необходимо при этом отметить, что многое из этой литературы переводилось на сербский язык, а часть попадала в оригинале в Сербию.

Документы позволяют сделать некоторые выводы. Основной из них тот, что в 80-х годах XIX в. между русскими и сербскими революционерами существовали тесные связи, являвшиеся по существу продолжением революционных связей 70-х годов. Таким образом, в период господства реакции в России и в Сербии развивалась и укреплялась дружба и революционное содружество сербского народа с великим русским народом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПО ДЕЛУ О СТУДЕНТЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ЕФРЕМЕ КОЧОВИЧЕ, ОБВИНЯЕМОМ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ *

24 сентября 1881 года, согласно отношения Департамента государственной полиции от 19-го того же сентября за № 158, был произведен полицией обыск в квартире студента Московского университета Ефрема Кочовича, живущего в доме Московского кредитного общества, 3 участка, Тверской части.

При обыске найдено: «брошюра П. Лаврова «18 марта 1871 года», изданная в 1880 году в Женеве ¹, письмо на имя Кочовича от Гринберга из Белгорода (имеется в виду Белград. — И. И.), свидетельство, выдан-

¹ Марко Николић. Радикални покрет у Србији. Белград, 1890.

² См. «Обзор важнейших дознаний по делам государственных преступников 1890 г.», т. XVI, стр. 14—16.

* Все следующие сноски см. в комментариях.

5 Институт славяноведения, вып. 19

ное от Инспектора 1-й Московской прогимназии на имя титулярного советника Покровского, письма на сербском и русском языке, визитные карточки и несколько экземпляров сербских газет». Относительно брошюры Лаврова Кочович объяснил, что он получил ее от бывшего слушателя: Московского университета серба Поповича², живущего ныне на родине, а все остальное, найденное при обыске, принадлежит ему, Кочовичу, и квартирующему вместе с ним студенту Московского университета сербскому подданному Милошу Жикичу³.

Формальным дознанием обнаружено следующее:

Вся переписка, газеты и документы на сербском языке были подвергнуты рассмотрению через переводчиков профессора Дювернуа⁴ и г. Майкова⁵, причем обнаружено, что переписка Кочовича со своими родственниками касается исключительно семейных и личных дел; переписка же его с друзьями относится до современной политики сербского княжества и до железнодорожной конвенции, выданной г. Бонту⁶; вырезки из сербских газет имеют соотношение к этому вопросу. По сообщению г. Майкова в семейных письмах не последнее место занимает религиозность и твердость семейных начал.

Из всей переписки резко выделяется одно письмо, помеченное: «Петровка 2. VII. 1880 год», адресованное Кочовичу в Белгород, без подписи (вещественные доказательства № 3, № 9), в котором говорится о новостях из Швейцарии и России, о листке, в котором помещены два сообщения от исполнительного общества, о газете «Черный передел»⁷, «Набат»⁸ и др., об опасности провозить из-за границы русские издания; относительно этого письма г. Майков замечает, что так как сербы в России тесно связаны между собою одинаковостью занятия и возрастом, то иногда из Сербии присылается одно письмо к нескольким лицам, потому из письма этого, по мнению г. Майкова, нельзя вывести заключения о нравственной связи между автором письма и Кочовичем, только случайность нахождения Кочовича в Белгороде и подала повод к означенному письму.

Допрошенный в качестве обвиняемого студент Московского университета, серб Ефрем Афанасьев Кочович, 20 лет (по настоящему делу заключен под стражу, л. д. 7) объяснил (л. д. 5, 6, 21, 22 и 25), что отобранная у него при обыске брошюра Лаврова «18 марта 1871 года», а также и рукопись на почтовой бумаге (перевод этой брошюры) принадлежат бывшему вольному слушателю Московского университета Ивану Поповичу, живущему в настоящее время в Сербии. О книге Лаврова Попович говорил ему, что она есть простой очерк из французской истории. Он, Кочович, переписал ему несколько листов перевода этой книги за денежное вознаграждение. Письмо от 2 августа 1880 года (вещественное доказательство № 3 л. д.) прислано ему в Белгород от Филипповича⁹, взглядов которого он, Кочович, не разделяет.

Свидетель студент Московского университета, серб Милош Жикич (л. д. 8) объяснил, что брошюра Лаврова и рукописный перевод с нее действительно принадлежат Поповичу, который просил его и Кочовича переписать копию перевода, что они и исполнили за 10 рублей.

Рассмотрев обстоятельство настоящего дела и приняв во внимание, что студент Московского университета, серб Ефрем Кочович изобличается в преступлении, предусмотренном 252 ст. улож. о нак., я полагал бы обратить дело к производству предварительного следствия.

За прокурора судебной палаты
товарищ прокурор (подпись неразборчива).

ЦГИАЛ, ф. 1405, 1881—1883 гг., оп. 80, д. 8663, лл. 1—2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРОКУРОРА МОСКОВСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ
О ДАЛЬНЕЙШЕМ НАПРАВЛЕНИИ ДОЗНАНИЯ
ПО ОБВИНЕНИЮ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
СЕРБСКОГО ПОДДАННОГО МАРКО НИКОЛИЧА
И ДОЧЕРИ ШТАБС-КАПИТАНА ЛЮДМИЛЫ ЕРМИЛОВОЙ ¹⁰

Московский обер-полицмейстер 11 августа 1886 года препроводил к начальнику Московского губернского жандармского управления найденную в лесу вблизи Петровской земледельческой и лесной Академии жестяную коробку с находящимися в ней революционными изданиями, причем уведомил, что по агентурным сведениям есть некоторое основание предполагать, что помянутые издания принадлежат сербскому подданному Марку Николочу, 25 июля выехавшему из Москвы в Петербург.

Революционные издания, находившиеся в означенной коробке, оказались следующими:

1. Прокламация «Исполнительного комитета» ¹¹ по поводу убийства императора Александра II.

2. «Слово на великий пятак пресвященного Тихона Задонского, епископа Воронежского» ¹².

3. Два экземпляра брошюры «Чего нам ждать от революции» Л. Тихомирова.

4. 11 экземпляров «Сказки о четырех братьях» ¹³.

5. 40 страниц № 1 «Вестника Народной воли» ¹⁴.

6. 3 экземпляра журнала «Рабочий» № 2 ¹⁵.

7. 3 экземпляра № 10 журнала «Народная воля» ¹⁶.

8. Журнал «Народная воля» № 11—12.

9. Ключок почтовой бумаги с надписью: «Запас».

10. Литографированная статья «Нашим порицателям».

11. Две гектографированные брошюры «Студенчество» ¹⁷.

12. Гектографированная брошюра «Политический террор».

13. Сказки для детей изрядного возраста Щедрина.

14. Гектографированная брошюра «Белорусское социально-революционное обозрение» ¹⁸.

15. Гектографированная «Библиография вольной прессы».

16. Отчет Московского общества в помощь существованию политическим ссыльным и заключенным за март, апрель и май 1884 г.

17. Литографированная брошюра на польском языке.

18. Сборник статей систематического чтения.

19. Литографированная брошюра «Финансовый кризис».

20. «Устав рабочей группы» ¹⁹.

21. Литографированная брошюра «Вяленая вобла» ²⁰.

22. Литографированная брошюра «Банкротство буржуазной науки» ²¹.

23. Литографированная брошюра «Каторга и пытка» ²².

Из помянутых агентурных сведений усматривается, что бывший студент Петровской Академии Марк Николоч находился в сношениях с известными революционными деятелями, как например, Богдановичем ²³ и Львом Тихомировым ²⁴, принадлежа к партии «Народной воли» ²⁵ и являясь деятельным ее сотрудником, выдав себя за представителя означенной партии в Москве, он сосредоточил у себя значительный запас революционной литературы, которую хранил в лесу близ Петровской Академии, остатки ее были найдены в жестяном ящике 21 июля 1886 г., и, хотя полицейским дознанием не было обнаружено лиц, коим издания

эти принадлежат, но есть некоторое основание предполагать, что они принадлежат именно Николичу.

За время пребывания в Москве Николич находился в сношениях со следующими лицами: Семеном Васюковым²⁶, высланным в 1879 г. из Москвы за сочувствие социальному движению, акушеркой Хаей Райз (сестрой арестованной Ольги Райз), семейством московских мещан Гусевых, из коих Иван Гусев²⁷ выслан из Москвы за участие в студенческих беспорядках, и Авдотья Гусева известна своей политической неблагонадежностью, студентами Петровской Академии Кангером²⁸, Лебедем²⁹ и другими лицами, большинство которых известно отделению по охранению порядка по общественной безопасности в Москве своей революционной деятельностью (л. 10—12).

19 августа 1886 г. дворянка Евдокия Ивановна Давыдова представила в охранное отделение данные ей на хранение Николичем революционные издания:

1. Брошюра «Союз»³⁰.
2. «Борьбу обществ. сил в России»³¹.
3. «Черный передел».
4. Номера «Народной воли».
5. Листок «Из письма политической ссыльной».
6. Листок с печатью общества помощи политическим ссыльным и заключенным для сбора в пользу карийских каторжан³².

Из заявления и показания упомянутой Давыдовой видно, что последняя в апреле или мае прошлого года познакомилась через Елизавету Каменскую³³ с Марком Николичем, который вскоре стал развивать перед нею революционные идеи, заявляя при этом, что он состоит агентом партии «Народной воли»; не ограничиваясь устной проповедью, он давал ей революционные издания, а также листок для сбора в пользу карийских «каторжан», по которому, по его словам, собирала вместе с другими курсантками Лубянских курсов Людмила Ермилова; сам он говорил, что революционные издания он хранил сначала в лесу близ Петровской Академии, а потом под террасой дачи Микини, где он в то время жил; перед отъездом в Петербург Николич передал Давыдовой сверток с революционными брошюрами, которые и представлены были ею при изложенном заявлении.

Ввиду вышеизложенного у Марка Николича во время проживания его в Петербурге на квартире студента Георгиевича³⁴ был произведен обыск, коим обнаружено следующее:

1. Литографированное «Письмо Карла Маркса»³⁵ со штемпелем «Книжной агентуры Народной воли».

2. Гектографированная тетрадь, начинающаяся словами: «В мире есть царь — этот царь беспощаден» и оканчивающаяся: «всех 100 человек сократится»³⁶.

3. Визитные карточки Васюкова, Фортунатова, который по сведениям охранного отделения был посвящен во все революционные дела Николича, Советова и Зиновьева, заведывавшего в 70-х годах паспортной частью революционной партии, но впоследствии поддерживающего сношения с партией лишь против воли; на карточках этих имеются различные надписи.

4. Адреса, в числе коих находятся адреса Товстолеса, состоящего с 1881 г. под надзором полиции, ввиду сомнения в политической его благонадежности, а ныне неперемennого члена Борзенского уездного по крестьянским делам присутствия (№ 33), Анастасьевича.

5. «Письмо, начинающееся словами «Милостивый Государь Марко Николич» за подписью «Пироговский»; в письме этом говорится о высылке Николичем Пироговскому русских и иностранных книг, причем Пироговский замечает, что слишком частая пересылка книг может обратить на себя внимание и повести за собой неприятность.

6. Сербский паспорт на имя Адама Адамовича.

Спрошенный в качестве обвиняемого по 2 ч. 250 ст. улож. о наказ. сербский подданный Марко Миличев Николич (32 л., правосл., грамотный, холост, содержится под стражей, № 27), не признавая себя виновным в приписываемом ему преступлении, объяснил, что найденные у него при обыске литографированное «письмо Карла Маркса» к г. Михайловскому и гектографированную тетрадь он получил от своего знакомого, студента Московского университета Стойкова, выехавшего в июле в Болгарию, визитные карточки принадлежат его знакомым; с Фортунатовым, ныне преподавателем сельскохозяйственной статистики, он знаком еще со времени пребывания своего в Петровской Академии; надпись на этой карточке заключает просьбу к некой Марье Платоновне осмотреть больного Николича; адрес, написанный на карточке неизвестного ему Петрова, относится к Васюкову, давнишнему его знакомому; Зиновьев — кандидат сельского хозяйства, живущий теперь в Пскове; надпись на его карточке относится к Марье Васильевне Игнатьевой³⁷, которая живет в Москве, но у которой он, Николич, не был; Советов — прежний знакомый Николича по Академии, адрес Товстолеса, бывшего студента Петровской Академии, записан им с целью попросить его приискать ему занятие; с Анастасьевичем он познакомился у митрополита сербского Михайла³⁸ и хотел просить его доставить бесплатный билет на случай выезда его, Николича, на родину. Паспорт на имя Адама Адамовича передан был ему в день обыска товарищем Владимиром Георгиевичем с тем, чтобы он отдал его Михаилу Георгиевичу, который должен был ехать в Полтаву, где в то время находился Адам Адамович.

С Пироговским он лично незнаком, вступил же с ним в переписку вследствие письма из Сербии зятя Пироговского, Глушевчевича³⁹, который просил его Николича, выслать Пироговскому необходимые ему книги; фраза «частой получкой книг можно обратить внимание . . .» и т. д. объясняется боязнью Пироговского, чтобы местные власти не сделали у него, безо всякой причины обыска, заподозрив его в политической неблагонадежности. С Каменской он познакомился, насколько помнит, через Васюкова; никаких изданий на хранение Давыдовой не давал и жестяную коробку с революционными изданиями видит в первый раз (л. 26, 23, 33—35, 128—130).

Допрошенный в качестве свидетеля Павел Пироговский, подтверждая объяснения Николича по поводу своих с ним отношений, показал, что книг, которые нужны ему были для поступления в Технологический институт, он от Николича не получал; в письме же своем выражает опасение, чтобы частая присылка книг не обратила на себя внимание помещика Корниловича, у которого он, свидетель, жил на уроки и который ко всему относился крайне подозрительно.

Свидетель Товстолес показал, что отношение его с Николичем были обыкновенные товарищеские, не отличавшиеся близостью, и каким образом его адрес попал к Николичу ему совершенно неизвестно.

Свидетель Зиновьев, отрицая какую бы то ни было близость свою к Николичу, объяснил, что записку к Игнатьевой дал ему по его же, Николича, просьбе, когда тот уезжал из Петербурга и просил указать в Москве каких-нибудь знакомых, причем сам напомнил курсистку

Игнатьеву; насколько ему, свидетелю, известно, Николич в бытность свою в Академии не находился ни в каких отношениях со студентами политически неблагонадежными (л. 79—81).

Свидетель Владимир Георгиевич вполне подтвердил объяснение Николича относительно паспорта, на имя Адама Адамовича, добавив, что паспорт этот случайно остался у него, свидетеля, в чемодане, когда он ехал в Полтаву вместе с двумя своими братьями и 12-летним Адамовичем (л. 104).

Свидетель Васюков объяснил, что никакой особой близости между ним и его товарищем по Академии Николичем не было; в Москве он, свидетель, только раз посетил Николича в меблированных комнатах Оленьиной, где тот жил вместе с молодым сербом Паробичем⁴⁰, которого готовил в коммерческое училище; из разговоров с Николичем можно было заметить, что принадлежит к крайним, так называемым западным социалистам, но он, свидетель, не думал, чтоб он хотел проводить свои взгляды в России, тем более, что он собирался уехать в Сербию или Париж.

Допрошенный в качестве свидетеля сербский подданный Паробич показал, что знает Николича с детства и жил с ним вместе с января 1886 г.; политические взгляды Николича считает радикальными, но не думает, чтобы он проводил их в России; «Капитал» Маркса и «Черный передел» он, свидетель, у Николича видел, припоминает так же, что в бытность их в Петровском-Разумовском Николич однажды лазил под террасу дачи и жаловался, что не нашел там каких-то вещей.

Из числа лиц, адреса коих найдены у Николича при обыске, по сведениям, сообщенным начальником Петербургского губернского жандармского управления жена дворянина Лампе⁴¹, Леонид Оболенский⁴² и Георгий Сазонов привлекались к дознаниям о государственных преступлениях*.

Сербские же подданные, студенты Георгиевич, Попович и Илич⁴³ известны своей политической неблагонадежностью.

При сличении найденной у Николича рукописи, представляющей статью об экономическом состоянии Сербии, со статьей «Сербия до 1880 г.»⁴⁴, помещенной в № 4, Вестника Народной воли, оказалось, что они не только имеют один и тот же характер, но и представляют много фраз и выражений или совершенно тождественных между собою, или только слегка измененных (л. 150, 151).

Ввиду того, что, как явствует из показания свидетельницы Давыдовой, дочь штабс-капитана Людмила Ефграфов[на] Ермолова производила по поручению Марка Николича денежные сборы в пользу находящихся в Кайрийских рудниках политических преступников, у нее 24 октября 1886 г. был произведен обыск, причем найдено:

1. Печатный сборник различных стихотворений противоправительственного содержания.

2. Написанные на листах бумаги запрещенные стихотворения «Русский император», «Город страдания», «Гражданин» и др.

3. Восемь писем одного почерка; некоторые за подписью «Аня», другие — «А. П.» и одно письмо подписано «Твой песик»; в письмах этих

* Оболенский привлекался в конце шестидесятых годов к дознанию о покушении на освобождение госуд[арственного] преступника Чернышевского и был отдан под гласный надзор полиции на два года с запрещением жительства в столицах. Сазонов привлекался в 1883 г. к административн[ому] дознанию и был подчинен гласному надзору полиции на два года.

Александра Лампе привлекалась к дознанию по делу Марцелия Янчевского и была подчинена гласному надзору полиции на один год.

обращают на себя внимание следующие отрывки: «Только мысль о народе и поддерживает меня, она конечно должна служить путеводной звездой для нас обоих» (письмо 14 февраля); «Ты обращаешь Львову совершенно правильно, желаю тебе в этом успеха, отраднее думать, что прибавим лишнего хорошего человека к делу служения народу» (там же); «У нас кажется затевается кружок. . . я там буду действующим лицом и все подробно тебе доносить буду» (письмо 7 октября), «Это понятие (о божестве) также выдуманно, как и многое другое, что уже мы сочли за ненужное и отбросили, почему бы с этим нам не поступить так же, раз мы его считаем лишним» (там же).

«Хочу привести, в крещеную веру одну курсистку и вообще иметь влияние на многих из курса» (там же), «Русская молодежь бунтует, а мы с тобой сидим и зубрим». . . (там же).

4. Тетрадь, исписанная почерком Ермиловой и заключающая в себе выписки из книги и собственные заметки Ермиловой в роде дневника, в которой наиболее характерными являются следующие места: «Н. показывал место, где убит Иванов ⁴⁵ и рассказывал подробно всю историю. Говорим вообще не мало. От него много можно позаимствоваться. . . Говорили о книгах, как запрещены, перечисляли и т. д. (стр. 48). . . Хотелось бы сойтись с рабочими, почитать им что-нибудь. Акулине прочла две книжки и подарила одну, нарочно чтобы она дала рабочим. . .» (стр. 57). «Когда сего дня К. говорил, я готова была на все, пойти куда бы то ни было» (стр. 84). На 86 стр. Ермилова, описывая свое посещение одной знакомой, говорит между прочим: «Я изложила ей то, что говорил мне Н. о движении и возникновении. . . подарила девочке фабричной книгу. . . и дать как следует не сумела, старалась, чтобы никто не знал, а вышло, что как-то старик служащий на фабрике видел и, как мне показалось, не очень дружелюбно посмотрел на меня. Ну что это за время, когда подаешь книгу невинного содержания, а сам смотришь не подсматривает ли кто из-за угла. . .»

Сегодня узнала об аресте Н. . . . Несчастный! И за что? Не я ли отчасти виной в аресте Н.? Я его выспрашивала, перед этой тварью он много сказал, о чем промолчал бы, если бы я его не вызвала на разговор. Как бы мне хотелось с ним поговорить, увидеть его! . . . Лучшие люди уходят».

Кроме того при обыске, произведенном у привлеченной к дознанию по обвинению в государственном преступлении Софьи Головицкой ⁴⁶, была найдена записка Ермиловой, следующего содержания: «Желаю давно с вами познакомиться, и не дождавшись пока соберется к вам брат, приехала одна, хотя, к сожалению, не удачно» (л. 110).

Привлеченная к дознанию в качестве обвиняемой по 2 ч. 250 ст. улож. о наказ. дочь штабс-капитала Людмила Евграфова Ермилова (20 лет; православная, грамотная, девица, 25 октября заключена под стражу; 24-го декабря освобождена на поруки с денежной ответственностью в 2000 руб.), не признавая себя виновной в принадлежности к революционному сообществу, на предложенные ей вопросы объясняла следующее: с Николичем она познакомилась у Давыдовой, жившей одно время вместе со старинной ее* Ермиловой, знакомой Каменской; политические убеждения Николича ей неизвестны, и она никогда не получала от него никаких книг и литографированных изданий; листки для сбора в пользу кавказских каторжан и «Из письма политической ссыльной» видит в первый раз; действительно однажды она предлагала своему знакомому Балтамову дать сколько-нибудь денег в пользу одной бедной курсистки и показывала

* Так в тексте. Повидимому, пропущено слово «подруга».

ему письмо, где говорилось о ее бедственном положении; это же письмо показала она тоже еще кому-то и таким образом набрала несколько рублей, которые и отдала одной знакомой, фамилии которой не помнит; стихотворения «Русский император» и др. получила от какой-то воспитательницы еще в институте, книжка же со стихами ей не принадлежит, и она не знает каким образом таковая у нее оказалась; письма, взятые у нее при обыске, писаны дальней ее родственницей, курсисткой Бестужевских курсов в Петербурге, Анной Сергеевной Потехиной; фраза в письме от 14 февраля — только мысль о народе поддерживает меня и т. д., означает желание Потехиной служить народу в качестве сельской учительницы; Львова, об «обращении» которой говорится в том письме — товарка ее, Ермиловой, по институту, с которой вместе она читала книги, о каком кружке упоминает Потехина в письме от 7 октября ей неизвестно, также не знает она и ту курсистку, которую Потехина хочет «приводить в крещеную веру», фраза о божестве ей непонятна, что же касается до того места, где Потехина говорит: «Русская молодежь бунтует и т. д.», то ее надо понимать в смысле осуждения молодежи, которая бунтует, тогда как надо прежде всего самой доучиться, а не бунтовать; имен, встречаемых в ее дневнике, она называть не желает; на стр. 48 означенного дневника рассказывается о свиданиях с Николичем в Петровском-Разумовском; по какому поводу рассказывал он об истории Иванова не помнит, разговор же о запрещенных книгах вызван был удивлением Ермиловой по поводу запрещения книги Решетникова⁴⁷ «Где лучше»; а в том же месте она выразила мнение, что от Николича много можно позаимствоваться, так как сочла его за человека очень начитанного и развитого; желание сойтись с рабочими и почитать им вызвано было стремлением самой познакомиться с простым народом и узнать, понятны ли ему те книжки издания фирмы «Посредник»⁴⁸, которых так много выходило в последнее время; Акулине, жившей в услужении у ее сестры, она прочла, насколько помнит, «Два старика» и «Бог правду видит, да не скоро скажет» графа Толстого; фраза на стр. 84: «Когда сегодня Н. говорил, я готова была на все пойти куда бы то ни было» вызвана была разговором с Николичем, после которого она почувствовала желание продолжить свое образование, решаясь на все материальные лишения, которые ей пришлось бы испытать за время нахождения на курсах; на стр. 86 она рассказывает о том, как передала одной знакомой, имени которой сказать не желает, все что говорил ей Николич о литературе, начиная с 20-х годов («о движении и возникновении»); на стр. 124 и 125 говорится о том, как она дала фабричной девочке сказку «Два старика» графа Толстого, желая, чтобы никто, т. е. ни зять, ни сестра не видели этого и не посмеялись бы над ней; старик же, служащий на фабрике, потому, как ей показалось, недружелюбно посмотрел на нее, что на фабрике есть школа и служащим вероятно неприятно, когда посторонние вмешиваются в дело фабричного учителя; строки на стр. 161—163 были вызваны тяжелым впечатлением, произведенным на нее арестом знакомого ей Николича, тем более, что она не понимала за что его взяли; перебирая в своей голове все поводы, которые могли послужить к его аресту, она остановилась на рассказах его об убийстве Иванова, который слышала Давыдова; называла ее последнюю тварью, так как считала ее человеком совершенно безнравственным; фраза: «лучшие люди уходят» относится не к Николичу, а вообще к тем людям, которые, окончив свое образование, уходят в учителя, доктора и т. п. С Криворыловым она знакома, студентов же Панова и Дмитриева⁴⁹ вовсе не знает; с Головецкой желала познакомиться, так как в это время собиралась заниматься серьезно педагогической деятельностью, а Голо-

вещка по слухам была хорошая учительница, знаком ли с Головецкой ее, Ермиловой брат ⁵⁰; ей неизвестно (стр. 96, 97, 105, 106, 112, 113, 115, 121, 124, 125, 157).

Свидетельница Давыдова показала, что беседы с ними Николитча в Петровском-Разумовском носили революционный характер и чрезвычайно увлекали Ермолу; но во время одного из таких разговоров Николитч вынимал из-под террасы дачи Микини противоправительственные издания; Ермилова знала студента Дмитриева и считала его пропагандистом в народе (л. д. 147, 148).

Обвиняемый Николитч объяснил, что во время знакомства своего с Ермиловой он вел с нею разговоры самого обыкновенного характера, книг ей никаких не давал, никогда не рассказывал ей об убийстве Иванова и не перечислял книг, запрещенных цензурой (л. 129).

Свидетельница Потехина показала, что все письма ее к Ермиловой касаются школьного дела, к которому она, свидетельница, в то время с увлечением готовилась; кружок, упоминаемый в письме от 7 октября, устраивался с целью выписывать на общие средства журналы; слова: «хочу приводить в крещеную веру одну курсистку» означают, что они имели намерение заставить эту курсистку серьезно заниматься наукой.

Свидетельница Каменская на предложенные ей вопросы объяснила, что с Ермиловой она знакома еще с того времени, когда та находилась в институте, с Николитчем же познакомилась в 1886 г. через Васюкова, причем его убеждения остались для нее совершенно неизвестными; Ермилову она, свидетельница считала человеком с неустановившимися взглядами, и поэтому никогда не справлялась о ее убеждениях.

Свидетельница Яковлева показала, что в августе 1886 г. они вместе с Ермиловой жили в Петровско-Разумовском в номерах Березинского, где жила и Давыдова; во время их общих бесед Ермилова и Давыдова иногда позволяли себе поболтать о политических делах, но болтовне этой нельзя было придавать никакого значения; о Николитче она, свидетельница, слышала от Ермиловой, которая однажды передавала ей рассказ Николитча о социалистическом движении.

Свидетель Балталон подтвердил объяснение Ермиловой о том, что она просила у него пожертвовать в пользу какой-то бедной курсистки.

Свидетель Криворылов показал, что считает Ермилову личностью неустановившеюся, которую весьма легко в чем угодно убедить; однажды Ермилова просила его дать сколько-нибудь денег в пользу одной бедной курсистки, и при этом показала письмо, которое он, свидетель, не читал, но помнит, что по внешнему виду оно совершенно не похоже на предъявленный ему листок «Из писем политической ссыльной» (л. 143—144).

Допрошенная в качестве свидетельницы, привлеченная к дознанию о тайной типографии Софья Головацкая объяснила, что записка Ермиловой была ею получена на квартире дня за два или более до обыска, и познакомиться с нею она не успела; брата же Ермиловой, Владимира, она знает года четыре (л. 111).

Свидетель Дмитриев показал, что Ермиловой он не знает вовсе, брата же ее видел в Лепешкинском общежитии, хотя знаком с ним не был (л. 169).

Свидетель Панов, в опровержение заявления Ермиловой о том, что она его вовсе не знает, объяснил, что познакомился с нею в начале 1886 г. через своего товарища по гимназии Смирнова, от которого из Петербурга она привезла к нему письмо (л. 167).

На основании вышеизложенного, принимая во внимание, 1) что принадлежность революционных изданий, найденных близ Петровской Академии, сербскому подданному Марку Николичу вполне доказана;

2) что он, как выяснено дознанием, поддерживал сношения с революционными деятелями и занимался пропагандой революционных идей, являясь вместе с тем сотрудником революционного издания;

3) что Людмила Ермилова, как видно из взятого у нее при обыске дневника, сочувствовала революционной деятельности вообще, а идеям распространяемым Николичем, в частности, причем по показанию одной свидетельницы она производила денежные сборы в пользу карийских каторжан, я полагаю бы настоящее дознание разрешить согласно ст. 1035 Уст. уг. судопр. в административном порядке с тем, чтобы 1) сербского подданного Марка Николича как иностранца выслать из пределов Российской империи с воспрещением ему впредь в нее возвращаться, и 2) дочь штабс-капитана Людмилу Евграфовну Ермилову подчинить особому надзору полиции, сроком на два года в месте, избранном ею для жительства, с отменой принятых против обвиняемых мер обеспечения личности.

Прокурор судебной палаты — Муравьев

ЦГИАЛ, ф. 1405, 1886—1887 гг., оп. 87, д. 10248, л. л. 20—33.

КОММЕНТАРИЙ

К ДОКУМЕНТУ № 1

¹ Эта книга написана П. Л. Лавровым в 1879 г. за границей и посвящена Парижской Коммуне, в которой Лавров принимал участие.

² А. М. Понович — серб, студент университета. В 1881 г. привлекался к дознанию по делу о государственном преступлении за участие в революционной партии «Народная воля».

³ М. Жикич — окончил Медицинский факультет Московского университета, в 1888 г. вернулся в Сербию, где работал врачом. О его политической деятельности в Сербии мало что известно.

⁴ Дювернуа А. Л. (1840—1886) — русский славист, филолог.

⁵ Майков Апполон Александрович (1826—1902) — славист. Автор многих трудов о Сербии, между которыми «История сербского языка по памятникам, писанным Кирилицей, в связи с историей народа» (М., 1857), «О земельной собственности в древней Сербии» и многие другие.

⁶ В 1880 г. концессия на постройку железных дорог в Сербии была отдана французскому акционерному обществу «Юнион Женераль» («L'Union Générale»), за которым скрывалось Австро-Венгерское общество «Länderbank». Концессию подписали от имени Сербского правительства министр финансов и строительства Чедо Миятович и от имени общества «Юнион Женераль» его председатель А. Бонт. Но уже в 1882 г. это общество обанкротилось, что принесло Сербии огромные убытки и вызвало большое возмущение сербской общественности.

⁷ «Черный передел» — орган революционной народнической организации того же имени. Выходил с 1880 по конец 1881 г. В первоначальную редакцию входили Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, а в числе сотрудников был П. Л. Лавров.

⁸ «Набат» — орган русских бланкистов. Издавался в конце 1875—1881 гг. Основателем и главным редактором был П. Н. Ткаченко.

⁹ Филиппович — серб, также бывший студент Московского университета.

КОММЕНТАРИЙ

К ДОКУМЕНТУ № 2

¹⁰ Ермилова Людмила Евграфовна — сестра Владимира Евграфовича Ермилова, привлеченного за революционную деятельность. На нее вместе с другими было возложено распространение народовольческих изданий. В 1886 г. привлечена к дознанию

при Московском жандармском управлении по делу Марко Николича. По поручению М. Николича собирала средства в пользу карийских каторжников, что на дознании не признала.

¹¹ Имеется в виду Исполком организации «Народной воли». Прокламацию написал Л. Тихомиров. Напечатана в сборнике «Литература партии Народная воля».

¹² Брошюра: «Слово на велики пятак пресвященного Тихона Задонского, епископа Воронежского» написал Кравчинский (литературный псевдоним Степняк) Сергей Михайлович (1852—1895), видный народник 70-х годов, публицист и беллетрист, редактор журнала «Народная воля».

¹³ «Сказка о четырех братьях» («Правда и Кривда») под видом путешествия четырех братьев — на восток, запад, север и юг — в поисках правды описывает в ряде эпизодов и встреч тяжелое положение народа. Написана Л. Тихомировым и издана за границей, затем несколько раз переиздавалась.

¹⁴ «Вестник Народной воли» — орган народнической тайной организации «Народная воля», издавался в Женеве в 1883—1886 гг. под редакцией П. Л. Лаврова, Л. А. Тихомирова, Н. С. Русанова.

¹⁵ Речь идет о первой русской социал-демократической газете, издававшейся нелегально в 1885 г. в Петербурге «Партией русских социал-демократов» (группа Благовова). В ней сотрудничали Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. Г. Харитонов и др.

¹⁶ Имеется в виду журнал «Народная воля», — орган партии «Народная воля». Выходил с 1879 по декабрь 1885 г.

¹⁷ «Студенчество» — журнал, издавался в С.-Петербурге в 1882—1883 гг.

¹⁸ Речь идет о журнале «Гомон» — белорусском социально-революционном обозрении. В 1884 г. вышел всего один номер.

¹⁹ Устав московской группы рабочей партии «Народная воля».

²⁰ «Вяленая вобла» — рассказ, написанный М. Е. Салтыковым-Щедриным.

²¹ Автором брошюры «Банкротство буржуазной науки» был Русанов, один из редакторов народнического журнала «Вестник Народной воли». Издана в 1884 г.

²² Брошюра «Каторга и пытка» вышла в Петербурге в 1883 г. под заголовком «Письмо из Петропавловской крепости». Напечатана в летучей типографии партии «Народная воля».

²³ Богданович (Кобзов) Юрий Николаевич (1850—1888) — видный деятель партии «Народной воли».

²⁴ Тихомиров Лев Александрович (1852—1921) — участник народнического движения, был членом исполнительного комитета организации «Народная воля». В 1882 г. эмигрировал в Париж. Став ренегатом, издал в 1885 г. брошюру «Почему я перестал быть революционером».

²⁵ «Народная воля» — партия русских народников. Организована из «Земля и воля» после съезда в 1879 г. в Воронеже, когда «Земля и Воля» раскололась на «Черный передел» и «Народная воля».

²⁶ Васюков Семен Иванович (1854—1908) — народник. В Петербурге входил в состав кружка Филатова, а в Москве — Варецкого. В 1872 г. арестован по делу о тайной переписке. В последующие годы несколько раз был арестован и, наконец, в 1879 г. выслан из Москвы в Вятскую губ.

²⁷ Гусев Иван Филиппович (1862—1908) — народник. Будучи студентом Московского университета, он был членом студенческой народнической организации. Многократно преследовался. В 1884 г. выслан, а в 1886 г. был вновь арестован и сидел в Петербурге в Доме предварительного заключения по делу Г. Р. Демьянко и С. А. Иванова.

²⁸ Имеется в виду очевидно Сергей Кангер — революционер, бывший студент Петровской земледельческой и лесной академии. С января 1885 г. проживал в Париже в среде эмигрантов «воронежцев». Главная задача кружка была революционная пропаганда среди рабочих. В этот кружок входили А. Боробзич, К. Матусович.

²⁹ Иван Лебед — студент Петровской земледельческой и лесной академии, входил в кружок С. Кангера.

³⁰ «Союз» — печатный орган группы московских студентов, близких к народникам. Единственный номер вышел в 1884 г.

³¹ Автором брошюры «Борьба общественных сил в России» был известный революционер-журналист В. Г. Богораз. В литературе известен под фамилией Н. Тан.

³² Карийская каторга существовала в XIX в. в Забайкалье на реке Каре, где были обнаружены золотые прииски и весь район был объявлен собственностью царской фамилии.

Ввиду того, что стало известно о массовых убийствах политических заключенных в Карийской тюрьме, царское правительство было вынуждено в 1890 г. закрыть ее.

³³ Каменская Бетти Абрамовна входила в 1873 г. в Цюрихе в кружок русской учащейся молодежи. В этот кружок входили сестры Субботины (Евгения, Мария и Надежда), привлекавшиеся позже за революционную деятельность, сестры Любатович (Ольга и Вера), Фигнер (сестры), Бардина и т. д.

³⁴ Георгиевич — серб, вольнослушатель Военно-Медицинской Академии в С.-Петербурге. О его политической неблагонадежности свидетельствует найденная у него в квартире революционная литература.

³⁵ «Письмо Карла Маркса» — речь идет о письме К. Маркса в редакцию «Отечественных записок» в ноябре 1877 г. Письмо Маркса опубликовано впервые в «Вестнике Народная воля», № 5, 1886 г. Женева, а затем в «Юридическом Вестнике», кн. 10, 1888 г. (Москва).

³⁶ Брошюра «В мире есть царь — этот царь беспощаден: «Голод — название ему». Автор брошюры и место ее издания неизвестны; 45 страниц.

³⁷ Игнатовы Мария Васильевна и Лидия Васильевна. В 1870-х годах приехали в Москву из Белева и принимали участие в революционных кружках.

³⁸ Михаил — митрополит сербский (1826—1893), политический и общественный деятель, близкий к либералам. Ориентировался на Россию. В 1881 г. покинул Сербию и жил в России по 1889 г.

³⁹ Имеется в виду Глушечич Окица — серб, бывший студент С.-Петербургского университета, высланный из России в 1884 г.

⁴⁰ Поробич (Паробич) Михаил — серб. Из России эмигрировал в Швейцарию, в Цюрих. В 1889—1893 гг. Поробича разсыскивало С.-Петербургское губернское жандармское управление.

⁴¹ Иван Лампе — бывший слушатель Петровской земледельческой и лесной академии. В Вильнюсе входил в революционный кружок. Арестован еще в 1882 г. в связи с раскрытием подпольной типографии, а также по делу Марцеля Янцевского.

⁴² Оболенский Л. Е. известный по попытке в 60-х годах освободить Чернышевского, вследствие чего был отдан под надзор на два года с запрещением жить в столицах. Был привлечен по делу «193». Позже — редактор журнала «Мысль» (1882).

⁴³ Михайло Илич — известный сербский социал-демократ (1858—1905). Учился в г. Крагуеваце в гимназии, а в Белграде — в Великой школе на философском факультете. Будучи студентом, входил в кружок М. Ценича в Белграде. В 1881 г. сотрудничал в социалистической газете «Радник», а в 1882 г. — в «Борбе». Правительство выслало его из Белграда в 1882 г., якобы за попытку покушения на короля Милана (1882). Уехал в Вену, затем обучался в Петербурге на медицинском факультете. Впоследствии работал фабричным врачом, а также принимал участие в работе русской социал-демократии. В 1902 г. вернулся в Сербию и жил в г. Крагуеваце. Принимал участие в организации социал-демократической партии Сербии. Был редактором органа социал-демократии (крагуевацкой организации) «Радник» (1902—1904). В 1903 г. избран в качестве первого депутата от социал-демократической партии Сербии по Крагуевацкому округу.

⁴⁴ Статья, опубликованная в журнале «Вестник Народная воля», № 4, Женева, за 1885 г. озаглавлена «Исторический очерк политического движения в Сербии в 1881—1883 гг.», подписанная инициалами: «В-Ич» и послесловием от П. Л. [аврова].

⁴⁵ Иванов Иван Иванович — студент Петровской земледельческой и лесной академии, состоял членом «Народной расправы». За неподчинение Нечаеву убит 21 ноября 1869 г. в гротах близ Петровской земледельческой и лесной академии Нечаевым, Успенским, Кузнецовым, Прижовым и Николаевым.

⁴⁶ Головацкая София Яковлевна — учительница городского училища в Москве. В середине 1880-х годов была близка к московской народовольческой группе и работала в местной организации «Красного креста». Обыскана в Москве ввиду получения сведений о ее близости к М. Гоцу. Привлечена к дознанию по делу о тайной народовольческой типографии.

⁴⁷ Решетников Федор Михайлович (1841—1871) — русский писатель-демократ. В 1864 г. напечатал в «Современнике» роман «Подлиповцы», в котором нарисовал страшную картину нищенской жизни уральских крестьян и камских бурлаков. В романах «Горнорабочие», «Глумовы» показывает жизнь и быт уральских рабочих. В повестях «Где лучше» и «Женщины Никольского рынка» изображена тяжелая жизнь городских низов столичной гольтубы.

⁴⁸ «Посредник» — известная издательская фирма в период 80-х годов. Руководил этой фирмой Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков, а затем И. И. Горбунов-Посадов. Фирма выпускала дешевые книги, учитывая потребности широкого деревенского и городского читателя («Библиотека для самообразования»), и распространяла свои издания через земские склады.

⁴⁹ Студент Петровской земледельческой и лесной академии Николай Федорович Дмитриев — входил в кружок известного революционера Михаила Гоца. В квартире Дмитриева находилась тайная типография, в которой печатались публикации партии

«Народная воля» и другая нелегальная литература. Здесь же была организована касса «Петровского отдела Общества вспомоществования политическим ссыльным и заключенным».

Заведывал кассой Феликс Яворский, а членами ее были учительница Софья Головацкая и курсистка Людмила Еримова. Они также распространяли издания подпольной типографии. Дмитриев впоследствии был выслан на 2 года.

⁵⁰ Еримов Владимир Евграфович (1859—1918) — брат Л. Е. Еримовой. Студент Московского университета. За участие в студенческом движении в 1887 г. был исключен из университета и ему было воспрещено жительство в столицах и столичных губерниях. Впоследствии отошел от революционной деятельности.

И. И. Костюшко

ВОЗВЗАНИЯ ПОЛЬСКИХ ДЕМОКРАТОВ К РУССКИМ СОЛДАТАМ

Польские демократы, возглавлявшие антифеодальную и национально-освободительную борьбу польского народа, придавали большое значение делу развития и укрепления дружбы и революционного сотрудничества польского и русского народов. Они развивали идеи дружбы и братства польского и русского народов, сочувствовали освободительной борьбе русского народа, солидаризировались с ней, стремились расширить и упрочить связи и сотрудничество с революционными силами России, организовать совместное выступление польского и русского народов против их общего врага — царизма.

Публикуемые ниже воззвания характеризуют отношение польских демократов к русскому народу и свидетельствуют о том, что польские демократы пытались вести революционную агитацию среди русских солдат, находившихся в Царстве Польском.

Первое из этих воззваний было обнаружено полицией 25 (13) августа 1844 г. в гор. Люблине. Оно было приклеено на одной из построек по улице Краковское предместье. Полицейский патруль снял и представил его своему начальству¹. Это воззвание было написано по-польски и, повидимому, от руки.

Воззвания «Naród polski do wojska rosyjskiego» («Народ польский к русской армии!») и «Do Rosjan» («К русским!») были найдены 12 мая (30 апреля) 1848 г. в гор. Лукове, в садике при доме, в котором проживал начальник Луковской инвалидной команды, штабс-капитан Жолтов. Последний, придя в четыре часа пополудни в садик, нашел в беседке, на траве воззвание и стихи, написанные по-польски, которые затем представил начальнику Луковской жандармской команды².

Эти документы показывают, что польские демократы обращались к русским солдатам с воззваниями, в которых выражались дружественные, братские чувства польского народа к русскому народу. В этих воззваниях польские демократы указывали на тяжелое положение русских солдат и разъясняли им, что врагами их являются царь и начальники, которые их угнетают. Польские демократы призывали русских солдат к восстанию против своих угнетателей, к совместной с польским народом борьбе против врагов польского и русского народов, за свободу и лучшую жизнь, к братской дружбе между народами.

¹ ЦГИАМ, ф. 109, 1844 г., оп. 19, д. 247, ч. 60, лит. А, л. 154.

² ЦГИАМ, ф. 109, 1848 г., оп. 23, д. 216, л. 120. Краткие сообщения об этих воззваниях см. А. Minkowska. Organizacja spiskowa 1848 roku w Królestwie Polskiem. Warszawa. 1923, str. 38; M. Zakrzewska-Dubasowa. Źródła archiwalne do dziejów walk o wyzwolenie narodowe i społeczne.... «Archeion», W-wa, t. XXIV, 1955, str. 216.

Большой интерес представляет первое воззвание, в котором «бедные» — польские и русские народные массы — противопоставляются царю, господам и начальникам и высказывается мысль о совместном выступлении солдат и «мужиков», т. е. крестьян. Содержание этого воззвания, его революционно-демократические идеи указывают на то, что оно вышло из радикальных кругов польской демократии, а возможно и из кругов, связанных с крестьянской организацией П. Сцегиенного, которая в это время развернула значительную деятельность в Люблинской губернии.

Публикуемые ниже воззвания находятся в делах 3-го отделения собственной его императорского величества канцелярии, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве в Москве.

Первое воззвание публикуется по тексту перевода с польского на русский язык. Текст документа печатается по нынешней орфографии, причем частично изменена пунктуация.

Воззвания «Naród polski do wojska rosyjskiego» и «Do Rosjan» публикуются по копиям этих воззваний, заверенным начальником третьего округа корпуса жандармов. Документы печатаются по нынешней орфографии. При издании документов сохранены употреблявшиеся тогда грамматические формы, исправлены некоторые опiski и частично изменена пунктуация.

Перевод с польского

Николай первый, царь всея России, король польский — живодер, шельма, разбойник. Сделаем бунт, русские солдаты, помогите нам! Вы чрез меру несчастны. Восстаньте против ваших начальников и всех тиранов! Да помогут вам мужики! Разве нас, бедных, не больше? Возьмемся дружно, покуда будем так страдать от негодяев и господ, и короля, и начальников в войсках!

ЦГИАМ, ф. 109, 1844 г., оп. 19, д. 247, ч. 60, лит. А, л. 155.

2

NARÓD POLSKI DO WOJSKA ROSYJSKIEGO

Żołnierze rosyjscy! Słuchajcie bratniego Polaków głosu, zastanówcie się — czym jesteście i czego po was żądają.

Jesteście ludźmi na obraz i podobieństwo boga stworzeni. Opatrzność pozwoliła każdemu z was urodzić się w pięknym kraju, każdemu dała ojca i matkę lub krewnych i przyjaciół, z którymi miło wam było żyć. Przypomnijcie sobie pierwsze dni waszej młodości, wasz dom, waszą matkę, zabawy z równikami i wspólną pracę! Przypomnijcie sobie potem, jak jednego dnia przyszli do was do chaty, wydarli płaczącej rodzinie i popędzili w rekruty, bo car wydał ukaz, aby mu (jak to co rok bywa) nowych dostarczono żołnierzy, a panowie musieli słuchać cara. Ile od tego czasu znieśliście głodu, zimna, ile plotki dostali, sami to najlepiej wiecie. Nie dość na tem, poprowadzono was w kraj obcy, pokazano ludzi, równie jak wy uciśnionych, i kazano ich pilnować i nienawidzić, bo to wasze wrogi, a wyście uwierzyli i stali się podobni psom na łańcuchu, co pańskiego pilnują, a sami głodni i nędzni są. W imię boskie upamiętajcie się, Rosjanie! Wasi zwierchnicy widzą, że jeśli poznacie okropność waszego położenia, obrócicie się przeciwko nim. Dla tego rozsiewają między wami fałszywe wieści: mówią, że was Polacy wyrzynać będą, że ludy po-

łączyli się, aby wam religię odebrać, aby was zniszczyć. Nie wiercie, nie wiercie! My, Polacy, przebaczymy wam, jako Chrystus, umęczony na krzyżu, nieprzyjaciołom swoim przebaczył, i modlimy się za was, aby was bóg na dobrą naprowadził drogę. My, Polacy, wyrzynać was nie chcemy, chyba sami nas do tego zmusicie. My chcemy bratnie do was wyciągnąć dłonie i powiedzieć wam: bądźcie wolni, bądźcie szczęśliwi! Wracajcie spokojnie do domów swoich! A ludy Europy, wiecie czego oni chcą dzisiaj? Oni nie chcą ani krwi, ani ziemi waszej; oni chcą, aby na całej ziemi każdy człowiek miał chleb i wolność, aby najbiedniejszemu sprawiedliwość oddawano, aby każdy chwalił boga jak mu się podoba, bo między ludźmi Europy są i katolicy, i lutry, i kalwini, a wszyscy się godzą, i wasza prawosławna religia może mieć miejsce między nimi, nie dajcie się więc oszukiwać tym, co wam fałszywe prawią.

Żołnierze rosyjscy! Przestańcie słuchać tych, co was gnębią; nie mówimy tu o oficerach waszych, ale o cesarzu i o tych, co was prowadzą na waszą zgubę przeciwko ludom Europy; oni to są waszemi wrogami, od nich wasze biedy pochodzą, a z waszych trudów oni korzyści odnoszą.

Żołnierze rosyjscy! Rzućcie broń przed ludem, który was do braterstwa wzywa, bo ten lud dla siebie i dla was chce szczęścia i zbawienia.

Żołnierze rosyjscy! Gdy zechcecie, ta ziemia cudza zmieni się dla was w weselną gospodę i połączmy się wszyscy, kochać się będziemy, a tylko tyrani nasi przepadną.

Żołnierze rosyjscy! Miejcie litość sami nad sobą! Wspomnijcie, że wasze domy, wasze matki, co za wami płaczą, a których nie zobaczycie więcej, jeśli staniecie do boju przeciw ludom, którzy za wolność walczą. Obróćcie broń waszą przeciw tym, co was gnębią, lub ją rzućcie tylko! A jako my wam prawdę mówimy, tak nam panie boże dopomóż w sprawie naszej!

ЦГИАМ, ф. 109, 1848 г., он. 23, д. 216, лл. 121—122.

3

DO ROSJAN

Słuchajcie głosu, Bracia Rosjanie,
Głosu w sprawie Narodu Polskiego,
Miasto zawiści za wieczne nękanie
Wydobywa się do Ludu bratniego.

Przestańmy walczyć z sobą, Rosjanie!
Dwa bliźnie ludy wielkie i szlachetne
Na potomności wieczne uraganie
Wiodą z sobą boje długoletnie.

Narodzie bratni, wszak nie nie pragniemy,
Jak swego szczęścia, twojego nawzajem;
Do szczęścia ludów powszechnie dążemy,
Dla nich z ojczystym rozstajem się krajem.

Lejmy¹ krew swą w różnych krajach² krańcach
I dziś, gdy ludzkość święta ludów sprzeża,
Krwia swą ogłasza na wolności szafkach,
I my na głos ten ostrzemy oręża.

¹ Так в рукописи. Вероятно описка. Должно быть: lejemy.

² Так в рукописи. Вероятно описка. Должно быть: kraju или крајов.

A wy, o hańbo, mężni Rosjanie,
 Mogąc być sławą³ pośród ludów grona,
 Niszczycie sprawę świętej wykonanie
 I bratobójcze wznosicie ramiona.

No, wojownicy, jeśli się swem męstwem
 Chcecie⁴ przed światem w dziejach popisywać,
 Niecne niewinnych⁵ hańbione męczeństwem
 Jak że ci⁶ przyjdzie nudno odczytywać⁷.

Dość tej zalety! Pola Ostrołęki
 Będą pomnikiem naszej męstwa chwały.
 Tam polska ruskiej ujęła się ręki.
 I obie z równą potęgą wytrwały.

O bracia nasi! Mamyż tej dzielności
 Na nasze wspólne używać zniszczenie?
 Raczej się sprzężmy ogniem jedności
 Na wspólne szczęście i ludów zbawienie!

Uściśnijmy się, o Bracia Rosjanie!
 Niech nas po długim i krwawym rozejmie,
 Tem serdeczniejsze ogarnie kochanie,
 Tem trwalsza przyjaźń swe łono obejmie!

Jak to! Nienawiść, lub ukaz szalony
 Ma nowych wieków tamować powstanie!⁸
 Do wiecznej zgody i ludów obrony
 Wyzywamy was, o Bracia Rosjanie!

ЦГИАМ, ф. 109, 1848 г., оп. 23, д. 216, л. 123—124.

Перевод с польского.

НАРОД ПОЛЬСКИЙ К РУССКОЙ АРМИИ!

Русские солдаты! Слушайте братский голос поляков, подумайте: кто вы есть и чего хотят от вас!

Вы — люди, созданные по образу и подобию бога; провидение позволило каждому из вас родиться в прекрасном крае, дало каждому отца и мать или родных и приятелей, с которыми вам было приятно жить. Припомните себе первые дни вашей молодости, ваш дом, вашу мать, игры с ровесниками и совместный труд! Припомните себе затем, как в один день пришли к вам в избу, отняли вас насильно у плачущей семьи и погнали в рекруты, потому что царь издал указ, чтобы ему (как это бывает каждый год) доставили новых солдат, а паны должны были повиноваться царю. Сколько с того времени вы перенесли голода и холода, сколько получили плетей — сами это лучше всего знаете. Но на этом не конец; повели вас в чужой край, показали людей, равно как и вы угнетенных, и велели стеречь и ненавидеть их, потому что это ваши враги, а вы повели и стали подобными псам на цепи, охраняющим господское, а сами —

³ В рукописи — obawa. Вероятно ошибка переписчика.

⁴ Здесь ошибочно повторено się.

⁵ В рукописи — nieszczynnych. Вероятно ошибка переписчика.

⁶ Так в рукописи. Возможно описка.

⁷ Против 3 и 4 строк этой строфы написано другим почерком: «непонятно».

⁸ В рукописи — rowożanie. Повидимому описка.

голодные и нищие. Во имя бога, опомнитесь русские! Ваши начальники видят, что если вы поймете ужас вашего положения, то обратитесь против них; поэтому они распространяют среди вас ложные сведения, говорят, что поляки будут вырезать вас, что народы соединились, чтобы отнять у вас религию, чтобы вас уничтожить. Не верьте, не верьте! Мы, поляки, прощаем вас, как Христос, замученный на кресте, простил своих врагов и молимся за вас, чтобы бог направил вас на добрый путь. Мы, поляки, вырезать вас не хотим, если сами к тому нас не принудите. Мы хотим протянуть к вам братские руки и сказать вам: будьте свободными, будьте счастливыми! Возвращайтесь спокойно в свои дома! А народы Европы, знаете чего они хотят сегодня? Они не хотят ни вашей крови, ни вашей земли; они хотят, чтобы на всей земле каждый человек имел хлеб и свободу, чтобы в отношении к самому бедному была справедливость, чтобы каждый славил бога, как ему нравится, ибо среди людей Европы имеются и католики, и лютеране, и кальвинисты — и все соглашаются; и ваша православная религия может иметь место среди них. Не позволяйте поэтому обманывать себя тем, которые говорят вам ложь!

Русские солдаты! Перестаньте повиноваться тем, которые угнетают вас; мы не говорим здесь о ваших офицерах, а говорим об императоре и о тех, которые ведут вас на вашу гибель, против народов Европы; это они ваши враги, от них происходят ваши беды, и из вашего труда они извлекают пользу.

Русские солдаты! Бросьте оружие перед народом, который призывает вас к братству, ибо этот народ хочет для себя и для вас счастья и спасения.

Русские солдаты! Если пожелаете, то эта чужая земля превратится для вас в свадебный двор, и мы соединимся все, будем любить друг друга, и только наши тираны пропадут.

Русские солдаты! Имейте сами к себе милосердие, вспомните ваши дома, ваших матерей, что плачут о вас и которых вы не увидите больше, если пойдете в бой против народов, борющихся за свободу! Обратите ваше оружие против тех, которые угнетают вас или только бросьте его! И как мы говорим вам правду, так помогите нам господи боже в нашем деле!

К РУССКИМ!

Слушайте, братья русские, голос,
Голос о деле польского народа,
Исходящий к братскому народу
Вместо зависти за вечное преследование!

Русские! Перестанем бороться между собой!
Два близкие, великие и благородные народы
Ведут между собою долголетние бои
На вечное осмеяние потомства.

Братский народ! Ведь мы ничего не желаем,
Кроме счастья своего, взаимно твоего.
К счастью народов везде мы стремимся,
Для них расстанемся мы с краем родным.

Мы льем свою кровь в разных местах края [?]
И сегодня, когда истинная человечность связывает
народы,
Кровью своей заявляет о себе на редутах свободы,
И мы на этот голос острым оружием.

А вы, о позор, храбрые русские,
Можете быть славой [?] в сообществе народов,
Но препятствуете исполнению священного дела
И братоубийственные поднимаете руки.

Но войны, если своей храбростью
Вы хотите в истории перед миром похвалиться,
То как же нудно будет читать [?]
Гнусное, опозоренное мученичеством невинных [?]

Хватит этой доблести! Поля Остроленки
Будут памятником славы нашего мужества.
Там польская рука схватилась с русской
И обе с равной силой выдержали.

О братья наши! Неужто эту деловитость
Мы будем употреблять для нашего общего уничтожения?
Лучше соединимся в единый союз
Для общего счастья и спасения народов!

Обнимемся, о братья русские!
Пусть после долгого и кровавого перемирия
Более сердечная охватит любовь,
Более прочная дружба завяжет свои узы!

Неужели ненависть или безумный указ
Будут препятствовать наступлению новых времен!
К вечному согласию и защите народов
Мы призываем вас, о братья русские!

А. Е. Москаленко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ГОРОДА СПЛИТА В XIII—XIV вв.

(Из истории средневековых городов Далмации)¹

Средневековая история народов, населяющих современную Югославию, представляет большой научный интерес.

Сербы, хорваты, черногорцы, босняки, македонцы, словенцы имеют славное историческое прошлое. Они играли большую роль в международной жизни средневековой Европы и внесли значительный вклад в развитие европейской культуры. Между тем история этих народов изучена у нас крайне недостаточно.

Особенно слабо исследована проблема развития югославского феодального города. Стремясь посылить способствовать заполнению существующего пробела, автор реферируемого исследования обратился к изучению истории городов, расположенных на восточном берегу Адриатического моря. В средние века эти города играли очень важную роль как в истории балканских и придунайских государств, так и в международных отношениях в районе Средиземного моря и Юго-Восточной Европы.

Значительной была роль далматинских городов, среди которых, кроме Дубровника, нужно назвать Задар, Шибеник, Трогир, Сплит и Котор. В течение XII — начала XV в. они представляли собой самоуправляющиеся городские коммуны с широкими хозяйственными, политическими и культурными связями и упорно боролись с Венецией, отстаивая свою независимость от ее агрессивных устремлений.

Предлагаемая работа является опытом частного, локального исследования, имеющего своей задачей изучение социально-экономического и политического строя города Сплита, а также развития классовой борьбы в нем в XIII—XIV вв. Сплит² был одним из крупнейших городов средневековой Далмации, играл важную роль в ее истории, и вместе с тем его внутреннее развитие, а также внешнеполитические судьбы были типичными для большинства прибрежных городов Восточной Адриатики.

Свое исследование автор строил, руководствуясь принципами исторического материализма, а также конкретными указаниями классиков марксизма-ленинизма о развитии феодального строя вообще и феодального города в частности. При этом автор стремился реализовать одно из основных требований, предъявляемых к историкам марксистско-ленин-

¹ Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на Ученом совете историко-филологического факультета Воронежского университета.

² В настоящее время Сплит является главным портом Югославии на Адриатическом море, насчитывающим около 70 тыс. жителей.

ским учением об обществе, а именно: изучать в первую очередь историю трудящихся масс и их классовую борьбу.

В. И. Ленин учил, что марксистская теория классовой борьбы является руководящей нитью, позволяющей разобраться во всех сложных перипетиях исторического развития народов и обществ. «Только изучение совокупности стремлений всех членов данного общества или группы обществ способно привести к научному определению результата этих стремлений. А источником противоречивых стремлений является развитие в положении и условия жизни тех классов, на которые каждое общество распадается»¹.

Наиболее важным источником для изучения истории далматинских городов являются их статуты. В работе использованы в первую очередь статуты и законы города Сплита, а также частично статуты городов Трогира и Скрадина, острова Брача, относящиеся к XIV в., Дубровницкий статут 1272 г., реформации к нему XIV в. и, наконец, Полицкий статут XV—XVII вв.

Анализ содержания статутов показывает, что они отражают общественно-политическую жизнь и классовую борьбу в далматинских городах в течение XIII—XIV вв. С наибольшей полнотой по статутам может быть выяснен политический строй. Историю развития производительных сил и производственных отношений установить по ним труднее, но все же и для выяснения этих проблем они дают значительный материал.

Важнейшим источником является также актовый материал, который издан в Югославии в большом количестве. Особенно важно для характеристики социально-экономического строя городов многотомное издание Т. Смичикласа «Сборник документов королевства Хорватии, Далмации и Славонии», охватывающее время с 1100 по вторую половину XIV в. Кроме материалов, характеризующих политические отношения далматинских городов между собой и с соседними государствами, в нем содержится большое количество хозяйственных документов: нотариальные записи о торговых сделках и о сдаче в обработку земли, записи судебных разбирательств об имуществе, завещания и т. д. Важны также издания актового материала С. Любича, Ф. Рачкого, И. Кукулевича-Сакцинского и В. Макушева.

Кроме того, в исследовании широко использованы известия хроник Фомы Сплитского (XIII в.), Михи Мадия, Сплитского анонима, Задарского анонима и Паули де Пауло (XIV—XV вв.), а также некоторых дубровницких и других летописей. Несмотря на крайнюю тенденциозность хронистов, они дают весьма важные, хотя и не систематические, сведения об истории далматинских городов и в особенности о классовой борьбе в них.

В реферируемой работе использованы некоторые археологические данные, в первую очередь материалы хорватского могильника IX—X вв., раскопанного в 30-х годах текущего столетия вблизи Сплита.

Литература по средневековой истории Далмации в общем довольно обширна. Сербские, хорватские, русские, чешские, венгерские, австрийские, итальянские и другие историки посвящали свои исследования как истории Далмации в целом, так и отдельным проблемам ее исторического развития. В своей работе автор ставил себе задачу выяснить, что сделано предшествующими исследованиями в области изучения социально-экономического строя далматинских городов. При этом основное внимание уделялось югославской и русской историографии.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 41.

Общие югославские работы по истории Хорватии и Далмации (И. Лючича, Ф. Рачкого, Т. Смичикласа, Л. Войновича, П. Диговича, Г. Новака и некоторых других), а также немногие исследования, посвященные вопросам внутреннего устройства далматинских городов (М. Брашница, В. Петрановича, Я. Ганеля, И. Строгала), свидетельствуют о том, что научная обработка источников по истории далматинских городов сводилась главным образом к выяснению внешнеполитических и юридических отношений в Далмации. Социально-экономический строй далматинских городов сколько-нибудь серьезному анализу не подвергался¹.

В работе дается разбор трудов русских историков — А. Рейца, И. Н. Смирнова и др. Полемизируя с указанными исследователями по ряду вопросов истории далматинских городов, отмечая их методологическую несостоятельность, автор реферируемой работы все же приходит к выводу, что основной труд А. Рейца, вышедший в 1841 г. в г. Юрьеве на немецком языке, а затем переведенный на русский², является лучшим из всего того, что создано вообще в буржуазной историографии по внутренней истории далматинских городов, а работы И. Н. Смирнова были несомненным для своего времени достижением в области интерпретации источников по средневековой истории Далмации.

Серьезным вкладом славянской буржуазной историографии в изучение истории южных славян вообще и далматинских хорватов в частности являются труды известного чешского историка Константина Иречека.

Общий вывод из обзора буржуазной историографии сводится к следующему. Внешнеполитическая история средневековых городов Далмации разработана довольно подробно. В области же изучения их социально-экономического развития буржуазная историография не накопила даже элементарного количества фактов, как это сделано, например, в отношении городов немецких, французских, итальянских и др. Отсутствуют специальные работы о социально-экономическом развитии городов Далмации: развитие ремесла, торговли, общественного строя и классовой борьбы.

Советские ученые принципиально по-новому истолковывают документы, часто интерпретировавшиеся буржуазными исследователями, и приходят к действительно научным выводам об историческом развитии того или иного народа. В этом отношении чрезвычайно важны работы известного советского историка академика Б. Д. Грекова о Винодоле и Полице³, положившие начало у нас подлинно научному изучению социальных отношений средневековой Хорватии и Далмации.

Что касается изучения истории далматинских городов, то советские медиэвисты ею почти не занимались. Можно назвать лишь одну интересную, но в некоторых моментах спорную статью Н. П. Соколова⁴ о взаимоотношениях Дубровника с Венецией. Безусловной заслугой автора является то, что внешнюю историю Дубровника он поставил в связь с со-

¹ Автор должен оговориться, что в его распоряжении находились далеко не все работы югославских историков, опубликованные в последние два-три десятилетия.

² А. Рейц. Политическое устройство и права прибрежных островов и городов Далмации в средние века, раскрытые из их муниципальных статутков. — «Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единовѣрных и единоплеменных», т. I, М., 1845.

³ Б. Д. Греков. Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола. М., 1948. Его же. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М., 1951.

⁴ Н. П. Соколов. Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником. — «Научные труды исторического факультета Горьковского гос. пед. института», вып. XIII, 1950.

циальной и классовой борьбой, происходившей в этом исключительно интересном по своей истории славянском городе, справедливо называемом южнославянским Новгородом или славянской Венецией. Вместе с тем автор преувеличивает роль венецианского влияния на Дубровник. Общие очерки истории Далмации в последнем издании I тома учебника по истории средних веков для вузов и в 13-м томе второго издания Большой Советской Энциклопедии предельно кратки и не всегда точны.

Таким образом, разработка истории далматинских городов, в первую очередь их социально-экономического строя, оставалась одной из нерешенных задач нашей науки.

* * *

Город Сплит возник в VII в. на территории знаменитого Диоклетианова дворца в период распада римского рабовладельческого общества и славянских переселений на Балканы. Скоро он стал резиденцией архиепископа. В IX—X вв. в результате интенсивного выделения ремесла из сельского хозяйства, подготовленного предшествующим развитием местного хорватско-далматинского общества, архиепископская резиденция превращается в город как центр промышленной и торговой деятельности.

Уже в X в. Сплит являлся, по словам современной итальянской хроники, «знаменитейшим и могущественным городом, столицей всей Далмации». В XI—XII вв. город продолжал непрерывно расти и в XIII—XIV вв. достиг своего наивысшего расцвета.

Быстрый рост Сплита и других далматинских городов делал их серьезными торговыми соперниками Венеции. Поэтому венецианцы стремились подчинить себе приморские хорватские города и задушить их самостоятельное развитие. Далматинское побережье привлекало внимание Венеции также своим стратегическим положением. «...Венецианцы, — писал К. Маркс, — открыли еще в X веке . . . , что господство в Адриатике может принадлежать только тому, кто владеет ее восточными берегами»¹. Именно в X в. начинается ожесточенная борьба между далматинскими городами и Венецианской республикой.

С начала XII в. за далматинские города вступает в борьбу Венгеро-Хорватское королевство, заинтересованное в выходах к морю. Воспользовавшись борьбой между Венгрией и Венецией, Сплит добивается ряда привилегий и превращается фактически в самостоятельную городскую коммуну.

На основании отдельных известий хроник автор приходит к выводу, что количество городского населения к этому периоду достигало примерно 8—10 тыс. человек.

Тщательный анализ прямых и косвенных данных источников о ремесле позволяет установить, что в Сплите в XIII—XIV вв. жили и работали кузнецы, оружейники (щитники и др.), ювелиры, мастера различных строительных специальностей (каменщики и др.), корабельные мастера, бочары, ткачи, портные, шапошники, кожевники, башмачники, пекари, мясники, виноделы, маслобойщики, аптекари, парикмахеры, вероятно, также свечники, мыловары, гончары, стекольщики и другие ремесленники, о которых нет прямых упоминаний в источниках, относящихся к Сплиту.

Ремесленники работали на заказ и на рынок. В последнем случае это было типичное мелкотоварное производство, обслуживавшее в первую очередь население города и округа. Часть ремесленной продукции шла

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 115.

и на вывоз. Мастера работали вместе с учениками. О подмастерьях в документах нет никаких сведений. Каково было положение учеников, что представляли собой сами мастера с точки зрения их имущественного положения, происходила ли в их среде дифференциация, какую роль в жизни ремесленников играл купец, скупщик, — на эти вопросы источники ответа не дают. Можно лишь предположить, что сплитские пекари и особенно мясники, как и в других городах Европы, были очень богатыми людьми. Ремесленники были организованы в цехи, которые не достигли, однако, высокого уровня развития в силу особенностей истории далматинских городов, являвшихся прежде всего центрами транзитной торговли.

Большую роль в жизни города играли промыслы: мукомольное производство, солеварение и рыболовство. Значительная часть водяных мельниц принадлежала городской коммуне. Широко применявшаяся система откупов в мукомольном производстве приводила к усилению эксплуатации мельничных мастеров. Рыбаки жили главным образом в самом городе и снабжали рыбой его население. Взимание рыбной пошлины также отдавалось на откуп. О солеварах и их положении в Сплите определенных данных нет.

Таким образом, Сплит в XIII—XIV вв. был центром развитого ремесла, и основную массу трудящегося населения города составляли ремесленники (*artifices*) различных специальностей.

Развитие торговли и мореходства было связано с общим ростом производительных сил, прежде всего с развитием ремесла. Во всех источниках, относящихся к Сплиту XIII и особенно XIV в., мы находим сведения о развитой торговле. Купец как местный сплитский, так и чужеземный, ведущий торговые дела в Сплите, постоянно фигурирует в документах.

Сплитские купцы торговали зерном, мукой, печеным хлебом, мясом, скотом, рыбой, солью, вином, оливковым маслом, фигами, молоком, сыром, медом, воском, льном, полотном, сукном, посудой, бочками, железом, свинцом, оловом, оружием, ножами, гвоздями, якорями, канатами, паклей, смолой, варом, баркасами, лесом, углем, известью, строительным камнем, золотом, шелком, хлопчатобумажными тканями, хлопком, перцем, сахаром, корицей, лекарствами и, наконец, рабами. Ассортимент товаров, как видно из приведенного перечня, обширен и разнообразен. При этом следует учесть, что далеко не все названия товаров, которыми велась торговля, нашли место в источниках. Нет, например, упоминания об одежде, обуви, коже и т. п. предметах, которые, несомненно, фигурировали на сплитском рынке.

Торговля удовлетворяла потребности местного населения в продуктах питания и предметах первой необходимости, а также снабжала сырьем местное ремесло. Она доставляла для богатой городской верхушки предметы роскоши, восточные товары, которые поступали, очевидно, через Дубровник, а также рабов, использовавшихся в качестве слуг, матросов и т. д.

Наконец, Сплит являлся чрезвычайно важным пунктом транзитной торговли, связывающим Боснию и Хум, а отчасти Сербию, Хорватию и Венгрию со странами Средиземного моря, в первую очередь с Апулией, Анконой, Венецией, Пизой и другими областями Италии. Транзитная торговля сыграла огромную роль в общем экономическом подъеме далматинских городов, в том числе и Сплита.

С развитием морской торговли было тесно связано мореходное дело. Смелые и отважные далматинские мореходы своим искусством славились далеко за пределами Далмации.

В XIII—XIV вв. мы находим в Сплите матросов двух категорий. Одни из них (*marinarii condukti*) нанимались на корабли за определенную плату и на определенный срок, другие шли в плавание из части предполагаемого дохода (*marinarii ad partes*). Положение наемных матросов-бедняков было чрезвычайно тяжелым. Капитаны кораблей (*nausklerii*), часто сами являвшиеся судовладельцами, имели широкие права и нещадно эксплуатировали матросов. Нередко в качестве матросов использовались рабы. Иногда судовладельцы выступали как купцы. Далматинские купцы (*mercatores*) организовывали сотоварищества для морских поездок, но развивались ли временные сотоварищества в постоянные компании, а также существовали ли в Сплите купеческие гильдии, на эти вопросы прямого ответа в источниках нет.

Среди сплитских купцов можно отметить сравнительно незначительный слой крупных торговцев, наживавшихся главным образом на транзитной торговле. Эти купцы принадлежали к городской верхушке — нобилим. Они были не только крупными коммерсантами, но вместе с тем и землевладельцами и владельцами скота. Кроме богатых купцов — нобилей, в Сплите существовало большое количество средних и мелких торговцев, составлявших срединную прослойку городского населения.

Следует указать также на наличие некоторого числа наемных слуг (*famuli*), обслуживающих в качестве рабочей силы торговые перевозки как по морю, так и по суше. Эти слуги фигурируют в источниках обычно наряду с рабами. Они принадлежали к самому низшему слою городского населения. С торговлей были связаны и откупщики торговых пошлин, являвшиеся богатыми нобилиями.

Торговля, особенно транзитная, играла, таким образом, большую роль в жизни города, и с нею была связана значительная часть сплитского населения.

Феодальный город и феодальная деревня органически связаны друг с другом на протяжении всего средневековья. Поэтому нельзя изучать средневековый город изолированно от тех процессов, которые происходили в деревне.

Анализ источников показывает, что, кроме ремесла, промыслов и торговли, жители Сплита и его округа занимались земледелием (хлебопашеством, виноградарством, разведением оливок, садоводством, огородничеством), скотоводством и пчеловодством.

Земля принадлежала церкви, нобилим, городской коммуне и, частично, средним слоям населения. Свободной крестьянской собственности в Сплите и его округе не было. Однако мы не находим там и крепостных крестьян¹. При развитии товарно-денежных отношений крепостное право к рассматриваемому времени было ликвидировано, но крестьяне вместе с тем были лишены земли. Вследствие этого они были вынуждены или арендовать ее у землевладельцев на кабальных условиях, или идти работать в наем за поденную плату.

Основным производителем в сельском хозяйстве были арендаторы-издольщики (*laboratores ad partes*), обрабатывающие землю из доли урожая. Уплачиваемая ими доля (*agratikum, terratikum*) равнялась одной четверти, одной трети, иногда половине всех доходов с арендуемого земельного участка. Проследить эволюцию этого вида феодальной ренты в течение XIII—XIV вв. на основании сплитских источников не удалось. Аренда чаще всего была краткосрочной.

¹ Этот вывод не распространяется на всю Далмацию. Речь идет лишь о небольшой территории, примыкающей непосредственно к городу и составляющей его округ (*districtus*).

Большую роль в сельском хозяйстве играл наемный труд, широко распространенный в далматинских городах. Применение наемного труда в сельском хозяйстве является особенностью аграрных отношений в Далмации. Наймиты (*laboratores conducti*), работавшие в сельском хозяйстве, составляли низшую прослойку основных производителей далматинского общества. Положение их было чрезвычайно тяжелым.

Церковь, нобили и городская коммуна владели не только крупными земельными угодьями, но и располагали значительным количеством скота. Мелкий рогатый скот отдавался на выпас пастухам. Среда пастухов была неоднородной. С одной стороны — это челники (*celnici*), которые сами владели скотом, но вместе с тем брали на выпас чужой скот. С другой стороны — это рядовые пастухи (*pastores, bravarii*), заключавшие договоры с челниками или непосредственно с владельцами скота. В среде рядовых пастухов заметна также дифференциация. Пастухи брали скот на выпас как из части доходов от стад, так и за поденную плату. Следовательно, и в скотоводстве применялся наемный труд.

Все сказанное выше позволяет прийти к следующему выводу. Многочисленные жители самого города Сплита и его округа занимались разнообразными ремеслами и промыслами, торговлей, мореходством, а также земледелием и скотоводством. Развитие производительных сил (техника ремесла, промыслов, мореходства, сельского хозяйства) находилось на уровне, обычном для средневековых городов Европы XIII—XIV вв. В целом хозяйственная жизнь города и его округа была типичной для тех городов, которые развивались главным образом в связи с транзитной торговлей.

Жители города разделялись на три основные группы: патрициат, бюргерство и плебейство. Средние и низшие слои городского населения именуются в источниках обычно терминами *populares, ignobiles*. Это — средние и мелкие торговцы, ремесленники различных специальностей, матросы, рыбаки, поденщики, слуги. В источниках XIII—XIV вв. нет специальных терминов для обозначения социальных низов¹ городского населения и средних городских слоев.

Низший слой городского населения составляли поденщики, слуги, основная масса матросов, рыбаков, часть ремесленников, мелкие торговцы и, наконец, рабы. Хотя последние и не включались в понятие *populares*, а находились на самой низшей ступени рассматриваемого общественного строя, все же их положение можно приравнять к положению наймитов, поденщиков, поскольку рабство в его классической форме в то время существовать уже не могло.

Представители городского патрициата назывались нобилиями (*nobiles*). Это были землевладельцы, владельцы скота, крупные купцы, судовладельцы, домовладельцы, откупщики и ростовщики. В их руках сосредоточивалось основное средство производства — земля, на чем и основывалось их господство в городе. Среди населения города следует выделить белое и черное духовенство, составлявшее отдельное сословие, жившее за счет жесткой эксплуатации трудящихся масс.

Городской округ был населен землевладельцами и пастухами. Общее название их *districuales*. Основную массу земледельцев составляли лично свободные, но лишенные земли крестьяне, которые либо обрабатывали взятые ими у землевладельцев в аренду небольшие участки земли из

¹ Лишь у Фомы Сплитского встречаются термины *vulgus, plebecule*, в смысле «чернь», «простолюдие». В Анонимной Задарской хронике находим термин *plebei*, под которым понимаются, по видимому, средние и низшие слои задарского населения.

доли урожая, либо нанимались работать на полях и виноградниках за поденную плату. То же самое можно сказать и о пастухах.

Городскому патрициату и верхушке духовенства в целом противостояла масса низших и средних слоев населения.

* * *

Далее в работе рассматриваются народные волнения в Сплите в конце XII и в первой половине XIII в. По рассказу Фомы Сплитского в 1180 г. в Сплитском округе произошло крестьянское восстание, которое было направлено против захвата крестьянских земель сплитской церковью. Во время восстания был убит архиепископ Райнерий, но восстание было быстро подавлено нобилиями. Рассказ Фомы об этом интереснейшем событии далматинской истории очень краток и во многом неясен. Но сам факт восстания показывает, какой остроты достигли классовые противоречия в Далмации в рассматриваемое время.

На рубеже XII—XIII вв. в Сплите распространяется богомильская ересь. Проповедь богомилства велась двумя братьями ремесленниками Матвеем и Аристидом, которые, по словам Фомы Сплитского, «не только сами в своем ослеплении сердцем верили в прямоту нечистой ереси, но и проповедовали ее своими преступными устами». О самом содержании проповеди Фома ничего не говорит. По всей вероятности, это было обычное для богомилов отрицание церковной иерархии, обрядов и таинств, т. е. по существу феодальных прав церкви. Богомилы, как известно, требовали переустройства жизни на основе социальной справедливости и призывали к уничтожению всякого угнетения. Антифеодалная сущность движения при всех его разнообразных оттенках в зависимости от конкретных условий его развития привлекала на его сторону широкие народные массы. Фома констатирует, что в городе «многие заразились от них (братьев) гноем пагубного учения». Против еретиков начались жестокие преследования. Но подавить движение не удалось. Народные массы продолжали волноваться. Борьба внутри нобилитета обострила положение. По словам того же Фомы Сплитского, «кражи, убийства, разбой и всякого рода зло творились безнаказно... Простонародье во всем городе поодиночке ставило над собой господами более сильных людей города и, опираясь на их несправедливое покровительство, замышляло многие злодеяния». В конце концов враждующие группы нобилей вынуждены были примириться перед лицом волновавшегося народа, и в городе было введено управление при помощи подеста — чужеземцев.

Вновь избранный подеста анконец Гаргано, занимавший этот пост с 1239 по 1241 г., подавил народное движение. При нем была проведена кодификация местного права, утверждавшая господство патрициата. Сплитский капитулярный, составленный по распоряжению Гаргано, до нас не дошел, но он послужил основой для сплитского «Древнего статута» 1312 г.

Характеризуя политический строй, установившийся в Сплите во второй половине XIII — начале XIV в. в результате ожесточенной классовой борьбы, следует сказать, что Сплит представлял в то время самоуправляющуюся городскую коммуну. Политическая власть в городе находилась полностью в руках богатейших патрицианских фамилий, представители которых заседали в Большом совете, сосредоточившем в своих руках всю полноту власти. Общее собрание всех жителей города — вече (по латинской терминологии *parlamentum*) если и собиралось изредка, то фактиче-

ски ничего не решало. Все органы управления — Тайный совет, городская курия, а также многочисленные должностные лица (официалы) — были целиком подчинены Большому совету. Во главе управления стоял находившийся на жаловании подеста чужеземец, председательствовавший в Совете и возглавлявший городскую курию. Последняя состояла из трех судей и шести членов Большого совета, обсуждавших все дела, прежде чем вынести их на заседание самого Совета. Средние и низшие слои городского населения были полностью устранены от управления.

В XIII—XIV вв. поддерживаемые Венгрией далматинские города, в том числе и Сплит, продолжали борьбу с Венецией. Во второй половине XIV в. венгры имели блестящие успехи и в Далмации, где венецианцев ненавидели. В конце XIV в. в борьбу за Далмацию вмешиваются Неаполитанское королевство и Босния. Однако в 20-х годах XV в. все далматинские города, за исключением Дубровника, почти на 400 лет переходят в полное подчинение Венеции, господство которой задержало их дальнейшее развитие и привело к упадку.

Возникает вопрос, чем же объяснить, что города Далмации, столь долго и упорно боровшиеся с Венецией, в конце концов вынуждены были ей подчиниться? Буржуазные историки искали ответа на этот вопрос исключительно в чисто внешних обстоятельствах: в умелой политике Венеции, в ослаблении Венгеро-Хорватского королевства, в турецком завоевании и т. п., не обращая внимания на внутренние причины упадка далматинских городов.

С середины XIV в. в далматинских городах наблюдается усиление народных движений, причем средние слои населения пытаются добиться участия в управлении городами, используя недовольство народных низов политикой нобилей.

В 1346 г., согласно рассказу анонимной хроники «Об осаде Задара», происходит народное восстание в осажденном венецианцами Задаре. Народные массы, выносившие на своих плечах всю тяжесть обороны города и доведенные до отчаяния свирепствовавшим в городе голодом, требовали улучшения своего положения или сдачи венецианцам. Задарский патрициат, вместо того чтобы прекратить спекуляцию хлебом и открыть свои житницы для голодающего народа, предпочел сдать город на милость венецианского правительства. Уже в этом эпизоде классовой борьбы проявилось стремление городского патрициата скорее признать чужеземное господство, чем пойти на уступки народным массам и организовать их на действительную борьбу с Венецией.

В 1360 г. вспыхнуло народное восстание в Трогире. По известию Сплитского Анонима, восстанию предшествовала вспышка чумы. «А через короткий промежуток времени трогирский простой народ (*populus Traguriensis*) восстал против нобилей. Восставшие полностью разгромили 13 домов . . . и все нобили бежали в Сплит, а *populares* взяли в свои руки власть в городе Трогире, правя в нем и распоряжаясь по своему усмотрению и воле». Здесь речь идет о победе над патрициатом городского бюргерства, которое опиралось на поддержку городских низов. Как видно из отрывочных сведений, приведенных в мемуарах Паули де Пауло, к концу XIV в. патрициату удалось после длительной борьбы вернуть себе власть в городе.

В 1398 г. вспыхнуло народное восстание в Сплите. Паули де Пауло рассказывает, что в ночь на 27 июля «произошло столкновение и междоусобица в городе Сплите, именно: между нобилиями и теми, которые не могли быть избраны на должности судей», т. е. представителями *populares*. В результате восстания нобили были разгромлены, лишь части из

них удалось бежать в Трогир. Populares избрали из своей среды правителя города и 48 советников. Восстание в Сплите встревожило патрициат соседних городов. В Шибенике были запрещены всякие сношения со Сплитом, а в 1400 г. изгнанным из города сплитским нобилям пришли на помощь нобили Дубровника и Задара.

В начале XV в. борьба продолжалась. Бюргерство еще некоторое время удерживало власть в своих руках, но народные низы, ничего не получая от управления бюргеров, отошли от движения, и власть патрициата была восстановлена.

Приведенные факты говорят о большом размахе, которого достигла классовая борьба в далматинских городах как раз в тот период, когда ослабленные борьбой с турецким нашествием Венгрия и Босния не смогли поддержать городов Далмации в их борьбе с Венецией. Далматинские города остались один на один с могущественной Венецианской республикой. Могли ли они сами сопротивляться Венеции? Безусловно, могли, если бы совместно выступили против венецианской агрессии. В среде самого патрициата не было единства. Одна его группа, связанная с Венецией, стремилась к подчинению республике св. Марка. Другая группа нобилей тяготела к Венгеро-Хорватскому королевству. Но напуганный размахом народного движения патрициат далматинских городов прекратил взаимную вражду и передал управление в руки венецианцев, рассчитывая на их помощь в борьбе с народными выступлениями.

Интересно отметить, что около 1409 г. в Шибенике произошло народное восстание; в результате которого нобили — сторонники Венеции — были изгнаны из города и он почти в течение трех лет вел борьбу с Венецианской республикой, прекратив сопротивление лишь в результате измены. Известно также, что большую роль сыграли нобили в сдаче венецианцам Трогира в 1420 г.

Таким образом; политика городской верхушки, трепетавшей перед собственными народными массами; явилась одной из внутренних причин подчинения далматинских городов господству Венеции. Разумеется, внешнеполитические обстоятельства играли здесь также значительную роль.

Народные массы Сплита; как и других городов Далмации, были творцами всей их культуры. Своей незаметной, но упорной работой они создали условия для расцвета далматинских городов в XIII—XIV вв. и в тяжелой борьбе отстаивали их независимость. Однако народные массы подвергались жестокой эксплуатации со стороны правящей городской верхушки и нередко вынуждены были подниматься на борьбу со своими угнетателями. В страхе перед народом городской патрициат поспешил передать города под власть Венеции, господство которой задержало их самостоятельное развитие и принесло неисчислимые бедствия трудящемуся населению.

О. П. Валева

В. М. ТУРОК. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ АВСТРИИ. 1918—1929.

Издательство Академии наук СССР. М., 1955, 586 стр.

Книга В. М. Турока «Очерки истории Австрии: 1918—1929», изданная Институтом истории АН СССР, является первой попыткой в советской историографии показать один из этапов развития Австрийской республики от ее возникновения до вступления в полосу мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. Советский читатель всегда проявлял большой интерес к проблемам истории австрийского народа, ставшего первой жертвой гитлеровской агрессии. Этот интерес особенно возрос в последние годы в связи с тем огромным вкладом, который внес Советский Союз в дело освобождения Австрии от фашистских захватчиков и создания независимого и демократического Австрийского государства.

Настоятельная необходимость в марксистском исследовании новейшей истории Австрии вызывается и тем, что последняя подверглась особенно многочисленным фальсификациям в буржуазной историографии. Широкое хождение в буржуазной исторической литературе как в самой Австрии, так и за ее пределами получили тезис о «нежизнеспособности» этой страны, о «втором немецком государстве», которым якобы является Австрия, и другие «теории», отрицающие самобытный характер австрийской нации и австрийского государства. Немало работ по истории Австрии этого периода написано за последнее время правыми социалистами, дающими искаженную картину рабочего движения страны¹. Все это делает книгу В. М. Турока весьма актуальной в научном и политическом отношении.

Книга представляет интерес и для историков-славяноведов, занимающихся изучением истории народов, ранее входивших в состав многонациональной Австро-Венгрии.

Несомненным достоинством рецензируемой работы является то обстоятельство, что она написана на основе привлечения широкого круга источников. Большое исследование В. М. Турока насыщено богатым фактическим материалом. Автор тщательно изучил обширную прессу исследуемого периода, протоколы съездов политических партий, отчеты Лиги наций об экономическом положении страны, мемуарную и монографическую литературу. В работе использованы также некоторые архивные материалы из фондов Института истории АН СССР. К сожалению, автор не мог использовать в полной мере стенографические отчеты о заседаниях австрийского парламента (Национального Совета) ввиду отсутствия их

¹ J. Deutsch. Geschichte der österreichischen Arbeiterbewegung. Wien. 1947; K. Renner. Nachgelassene Werke. Bd. II. Österreich von der ersten zur zweiten Republik. Wien. 1953; F. Klenner. Die österreichische Gewerkschaften. Bd. I—II. Wien, 1953, и др.

за многие годы в Советском Союзе. Не вполне оправданным является отказ автора от использования официальных статистических материалов, которые при строго критическом подходе могут служить дополнительным источником экономической информации.

Привлечение большого документального материала дало возможность автору поставить и разрешить ряд важных проблем, связанных с образованием и развитием Австрийской республики на протяжении 1918—1929 гг. В. М. Турок конкретно показывает особенности проявления общего кризиса капитализма в Австрии, являющиеся следствием разрыва прежних экономических связей между Австрией и национальными областями Австро-Венгерской монархии. Серьезные диспропорции, возникшие в экономике страны после распада Австро-Венгрии, обуславливали особую остроту проявления общего кризиса капитализма в Австрии. Стремясь отвлечь трудящихся от революционной борьбы за улучшение своего положения, наиболее реакционные круги австрийской буржуазии вместе с правым руководством социал-демократии настойчиво распространяли легенду о «нежизнеспособности» Австрии, как самостоятельного государства. Австрийскому народу внушалась мысль о том, что единственный выходом из тяжелого положения является включение Австрии в «большое экономическое целое». Разоблачая несостоятельность этих реакционных вымыслов, В. М. Турок вскрывает их шовинистическую основу.

Легенда о мнимой «нежизнеспособности» Австрии отражала несбыточное стремление австрийской буржуазии восстановить утраченные возможности эксплуатации народов бывшей Австро-Венгрии, вступивших на путь самостоятельного развития. Для осуществления этих своих реакционных замыслов, а также для подавления революционного движения в собственной стране слабая австрийская буржуазия искала поддержки международных империалистических сил. На этой основе разрабатывались планы аншлюсса, Дунайской федерации и другие проекты, являвшиеся глубоко враждебными не только славянским и другим народам, но и самому австрийскому народу. Разоблачая реакционные пангерманские измышления об австрийской нации, автор доказывает экономическую и политическую закономерность существования Австрийской республики как самостоятельного государства.

Большое место в работе В. М. Турика занимает освещение австрийской революции 1918 г. Назревание глубокого революционного кризиса в многонациональной империи Габсбургов было ускорено мощным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Автор показывает различные формы проявления революционного кризиса в Австро-Венгрии летом и осенью 1918 г.: забастовочное движение, волнения в армии и флоте, массовое дезертирство, продовольственные «беспорядки». Много внимания уделяет автор показу борьбы угнетенных народов Австро-Венгрии за свое национальное освобождение. Отличительной чертой развернувшейся национально-освободительной борьбы была руководящая роль рабочего класса и широкое участие в ней народных масс. Господствующие классы угнетенных национальностей предавали интересы своих народов и стремились к сговору с реакционной кликой Габсбургов. Буржуазные националисты встречали в этом активную поддержку со стороны правящих кругов США, Англии и Франции, стремившихся сохранить Австро-Венгерскую монархию как оплот угнетения славянских и балканских народов. Вместе с тем уже во время сепаратных переговоров между США и Австро-Венгрией в январе—феврале 1918 г. американский финансовый капитал стремился создать предпосылки

для своей экспансии в бассейне Дуная после окончания войны (стр. 59).

Однако, как убедительно показывает автор, никакие усилия австрийских и иностранных империалистов и их националистической агентуры не могли задержать революционного подъема народных масс угнетенных национальностей, испытывавших огромное освободительное влияние Великой Октябрьской социалистической революции.

Уже первые известия о революции в России послужили мощным толчком для бурного подъема революционного движения в Австро-Венгрии. Наглые грабительские требования австрийских и германских империалистов во время мирных переговоров с представителями Советского правительства в Брест-Литовске вызвали огромное возмущение трудящихся масс и явились сигналом к знаменитой январской стачке, начавшейся 14 января в Вииер-Нейштадте (Австрия) и охватившей вскоре все промышленные центры страны. Бастующие требовали немедленного прекращения войны и заключения мира без аннексий и контрибуций.

В славянских землях Австро-Венгрии наряду с этими лозунгами выдвигались требования национально-освободительного характера. Исключительно остро протекала забастовка в Праге. Она сопровождалась массовой политической демонстрацией, проходившей под лозунгом немедленного заключения мира и создания самостоятельного государства. Чешские рабочие военных заводов в Вене последними приступили к работе. В Пола всеобщая забастовка хорватских рабочих продолжалась до 28 января. Забастовка словенских рабочих Триеста закончилась лишь 2 февраля.

Несмотря на то, что руководству социал-демократической партии удалось раздробить всеобщую забастовку на несколько разобщенных выступлений в различных частях Австро-Венгрии, она потрясла до основания прогнившую монархию Габсбургов. После январской стачки революционная ситуация в стране нарастала с неослабевающей силой. При этом все более активную роль играли народные массы угнетенных национальностей¹.

1 февраля началось восстание моряков в порту Котор (Катарро), где был сосредоточен военный флот Австро-Венгрии. На 40 военных кораблях взвилось красное знамя. Главными лозунгами восставших были требования мира и права наций на самоопределение. Наиболее активную роль в восстании играли матросы-хорваты, составлявшие большинство личного состава флота, и чехи.

В период революционной ситуации летом и осенью 1918 г. движение угнетенных национальностей в славянских областях Австро-Венгрии продолжало нарастать. Революционные выступления рабочего класса оказали влияние и на деревню, где национально-освободительное движение переплеталось с борьбой крестьянства за землю. Летом 1918 г. почти во всех уездах Галиции имели место вооруженные выступления крестьян против помещиков. Крестьяне захватывали фольварки, убивали помещиков и делили господское имущество. Широкое национально-освободительное движение развернулось в Закарпатской Украине.

¹ К сожалению, В. М. Турок не смог использовать в своей монографии богато документированной работы чешского историка Зденека Шолле «Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг.», вышедшей в Праге в 1952 г. Книга З. Шолле содержит много нового материала о массовом движении в период нарастания революционного кризиса в Австро-Венгрии, который позволил бы автору дать более полную и яркую картину забастовочной борьбы в тылу и разложения армии на фронте.

Осенью 1918 г. по всей Австро-Венгрии прокатилась новая мощная волна политических стачек и демонстраций, которая нанесла последний удар монархии Габсбургов. 14 октября началась всеобщая политическая забастовка в Праге, сразу же охватившая чешские земли и ставшая началом национальной и демократической революции в Чехии и Словакии. Почти одновременно такие же события развернулись и в южнославянских областях Австро-Венгрии. Могучее революционизирующее воздействие Великой Октябрьской социалистической революции ярко проявилось в том, что против ненавистного господства Габсбургов единодушно поднялись все народы многонациональной империи. «Национально-освободительные движения во всех частях монархии фактически положили конец существованию государства Габсбургов еще до того, как были прекращены военные действия» (стр. 92).

Несмотря на то, что революция в Австрии началась позднее, чем в угнетенных национальных окраинах Австро-Венгрии, и происходила несколько замедленными темпами, австрийский пролетариат отчетливо проявил свое стремление последовать примеру героического русского пролетариата. Автор разоблачает утверждения социал-демократических лидеров о том, что все завоевания австрийского рабочего класса в области социально-политического законодательства были достигнуты в 1918—1919 гг. якобы без всякой борьбы, путем мирных реформ и соглашений с буржуазией. В действительности австрийская буржуазия была вынуждена отступить перед революционным натиском масс. Все основные законы, касавшиеся условий труда рабочих и демократических прав народных масс, были приняты в период наивысшего подъема революционной борьбы трудящихся масс осенью 1918 г. и весной 1919 г. Ценой этих уступок австрийская буржуазия стремилась спасти капиталистический строй в Австрии.

Главную причину поражения революции автор правильно видит в том, что у австрийского рабочего класса не было революционной партии, под руководством которой он мог бы осуществить задачи буржуазно-демократической революции и повести борьбу за перерастание ее в социалистическую. Лишь в ходе революции в стране образовалась коммунистическая партия. Однако ее связи с массами были еще слишком слабы, партия не имела достаточного опыта революционной борьбы. Широкие слои австрийского пролетариата находились под сильным организационным и идеологическим влиянием социал-демократии, которой удавалось обманывать массы с помощью левой фразеологии. В. М. Турок показывает, что уже в самом начале революции в Австрии сформировался союз лидеров социал-демократии с реакционными партиями буржуазии. Усилиями социал-демократических лидеров возникшие в ходе революции Советы рабочих и солдатских депутатов были превращены в придаток социал-демократической партии.

Характеризуя расстановку классовых сил в период революции в Австрии, автор недостаточно четко показывает, какое влияние оказывала борьба пролетариата на крестьянство, городскую мелкую буржуазию и другие слои общества, которые были заинтересованы в победе революции. Вряд ли можно согласиться с утверждением автора, что уже в тот период «мелкая буржуазия поставляла кадры для фашистских и полуфашистских организаций, которые стали возникать в первые же месяцы после революции» (стр. 157). Как известно, первые фашистские организации в Австрии создавались из отставного габсбургского офицерства, кулачества и деклассированных элементов. Автор не вскрывает со всей глубиной причин, в силу которых широкие слои мелкой буржуа-

зии не были вовлечены в русло активной революционной борьбы и остались под влиянием реакционных сил.

Большой интерес представляют IV, V и VI главы книги, рисующие картину проникновения иностранного капитала в Австрию. Автор детально исследует пути и способы экономической экспансии американского и английского финансового капитала, стремившегося закабалить Австрию. В работе показано, что «так называемая продовольственная и кредитная «помощь» фактически представляла собой одну из форм вмешательства извне на стороне австрийской реакции для подавления рабочего движения» (стр. 247). Стремление США и стран Антанты подчинить Австрию своему влиянию объяснялось и тем, что ей отводилась немаловажная роль в антисоветских планах. Наконец, австрийский финансовый капитал был удобным проводником политики закабаления народов Дунайского бассейна империалистическими державами.

Эти стремления английских и французских империалистов отчетливо проявились при подписании Сен-Жерменского мирного договора 1919 г. и Женевских протоколов Лиги наций 1922 г. Последние, как справедливо замечает автор, «были как бы прообразом плана Дауэса» (стр. 328). Однако, характеризуя Женевские протоколы как попытку английских и американских банкиров «совместно выступить в Центральной Европе в борьбе за общие цели» (стр. 328), автор не только недооценивает остроты англо-американских противоречий в вопросах европейской политики, но и не учитывает позиций французского империализма в Австрии. Между тем именно подрывная работа французских банков поставила на грань катастрофы банковскую систему Австрии весной 1931 г., чтобы похоронить австро-германское таможенное соглашение, заключенное в марте 1931 г.

Интересные данные приводит автор о внедрении германского капитала в экономику Австрии. Иностранные кредиты, предоставлявшиеся Австрии, в значительной части поступали в распоряжение венских филиалов германских концернов.

В. М. Турок совершенно правильно указывает далее, что достигнутая путем вмешательства иностранного финансового капитала временная и частичная стабилизация капитализма в Австрии была особенно непрочной и шаткой. Вряд ли можно, однако, согласиться с автором в том, что «частичная стабилизация капитализма начала проявляться в Австрии несколько ранее, чем в большинстве других капиталистических стран Западной Европы» (стр. 402). Приведенные в работе данные скорее свидетельствуют о поздней стабилизации капитализма в Австрии. Вместе с тем, как нам кажется, автор несколько преувеличивает «экономические затруднения» австрийского капитализма и экономическую слабость Австрии в середине 20-х годов (стр. 367—394). Этот традиционный взгляд, распространенный в австрийской экономической литературе, опровергается данными самого автора. К концу 20-х годов Австрия по размерам своих капиталовложений в Югославию занимала третье место после Англии и Франции. Значительны были также размеры австрийских капиталовложений в Польшу. В странах Юго-Восточной Европы, входивших ранее в состав Австро-Венгрии, активы австрийских капиталистов достигали в 1922 г. 5 млрд. зол. крон. Немалые прибыли получала австрийская буржуазия от посреднических финансовых операций между странами Западной Европы и США и странами Восточной и Юго-Восточной Европы, транзитной торговли, туризма и т. п.

Характеризуя положение австрийских трудящихся в 1925 г., автор пишет, что «происходило ухудшение уровня жизни трудящихся масс»

(стр. 376). Хотя жизненный уровень в Австрии оставался низким и в годы стабилизации, все же по сравнению с периодом инфляции положение широких масс несколько улучшилось.

Большое место в работе В. М. Турока уделено разоблачению предательской политики правых лидеров австрийской социал-демократии. Автор вскрывает связи верхушки социал-демократической партии с монополистическим капиталом.

Специальную главу посвящает автор антифашистскому выступлению австрийского пролетариата в июле 1927 г. Обострение классовой борьбы, которое происходило в Австрии в годы частичной стабилизации капитализма, проявилось в начале 1927 г. в форме серьезных политических столкновений. Огромное значение для дальнейшего развития Австрии имело выступление рабочих Вены в июле 1927 г., принявшее местами вооруженный характер. Это было первое массовое выступление австрийских рабочих против начинавшейся фашизации Австрии, закончившееся поражением вследствие предательства социал-демократического руководства. Июльские события явились важной школой революционной борьбы для австрийского рабочего класса и коммунистической партии. Глава об июльском выступлении написана ярко и убедительно. Однако некоторые выводы автора вызывают недоумение. Так, автор утверждает, что «в это время в Австрии возникла революционная ситуация» (стр. 437). Между тем никаких конкретных данных, свидетельствующих о наличии объективных признаков революционной ситуации, автор не приводит, да и не может привести.

Выступление 1927 г. являлось острым классовым столкновением австрийского пролетариата с буржуазией в условиях отсутствия революционного кризиса в стране. Нельзя согласиться и с оценкой июльского выступления австрийских рабочих, как «вооруженного восстания» (стр. 427, 471). Дело не только в том, что боровшиеся рабочие не имели оружия, на что указывает сам автор, но и в стихийном характере этого выступления, спровоцированного правительством Зейделя.

Поражение июльского выступления венских рабочих позволило реакции усилить наступление против народных масс. В последней главе работы показаны крах временной стабилизации капитализма в Австрии и рост фашистских устремлений австрийской буржуазии. Это нашло свое выражение в реакционной реформе конституции 1929 г. и ряде других антинародных мероприятий. Вместе с тем вывод автора о том, что «первое десятилетие республики оканчивалось переходом буржуазии от буржуазной демократии к фашизму» (стр. 528) является, на наш взгляд, преждевременным. Автору следовало бы более подробно остановиться на процессе консолидации демократических сил Австрии в этот период. В книге не нашло достаточного отражения забастовочное движение, которое на протяжении 1928 г. приняло значительные размеры. По сравнению с 1927 г. число забастовок возросло вдвое¹. Усилилось влияние компартии на рабочие массы Австрии после разоблачения правооппортунистических элементов на X съезде партии в феврале 1929 г.

В. М. Турок собрал большой материал по истории рабочего движения Австрии. Однако анализ его не всегда является достаточно глубоким. Так, автор многократно заявляет о том, что австрийский рабочий класс в эти годы «показал свою силу и высокий уровень классового сознания» (стр. 263, 450, 526 и др.). В то же время он признает, что социал-демокра-

¹ F. West. Geschichte der österreichischen Arbeiterbewegung. III. Vom 15 Juli 1927 bis zum 12 Februar 1934. Wien, 1955, S. 24.

тическим вожакам всякий раз удавалось удерживать рабочий класс от решительного выступления, что «ему не удалось избавиться от парализующего влияния социал-демократической идеологии» (стр. 263, 425, 438 и др.). Таким образом, действительный уровень классовой сознательности австрийского пролетариата остается невыясненным. Не вскрыты до конца и причины влияния социал-демократии в рабочем классе. Сводить все дело лишь к «применению хитрой и коварной демагогии», как это делает автор (стр. 262, 527 и др.), нам кажется недостаточным.

Не вполне ясной представляется характеристика австрийского рабочего как фабрично-заводского пролетария, привыкшего «работать методом ремесленника» (стр. 171). Правильно отмечая роль мелкого производства в экономике Австрии, автор указывает, что на крупных предприятиях с числом рабочих от 100 до 500 человек было занято всего лишь 15% рабочих (стр. 171). В действительности, по данным австрийской промышленной переписи 1930 г., на предприятиях с числом рабочих от 100 до 500 было занято 20% рабочих, а на предприятиях с числом рабочих свыше 500 — 13%. Таким образом, всего на крупных предприятиях была занята треть австрийских рабочих. Данных же о распыленности австрийского промышленного пролетариата по мелким предприятиям, о роли ремесленных слоев пролетариата автор не приводит.

Несомненную пользу принесет читателю обзор источников и литературы, сделанный автором. Историографический обзор преимущественно посвящен разбору некоторых бытующих в буржуазной литературе концепций о причинах распада Австро-Венгрии. Недостаточно острой критике подвергнуты реакционные пангерманские взгляды Г. Ганча, В. Библа, Г. Србика, для которых история Австрии — всего лишь «полноправная часть немецкой истории»¹. Прогрессивные историки Австрии за последние годы создали ряд ценных трудов по новейшей истории своей страны. К ним относятся работы Л. Спира² и Ф. Веста, по истории рабочего движения, а также ряд статей, помещенных на страницах теоретического органа Коммунистической партии Австрии «Weg und Ziel». Однако В. М. Турок не дает развернутой характеристики этих работ.

Нельзя согласиться с ним в оценке некоторых источников. Автор несомненно преувеличивает значение такого источника, как книга английского журналиста Г. Геди «Павшие бастионы», заявляя, что она представляет собой «нечто большее, чем просто запись впечатлений газетчика» (стр. 548). Доказательство этому В. М. Турок видит в том, что книга Геди, изданная в Лондоне еще в 1939 г., вышла в 1946 г. 11-м изданием, а в 1949 г. переведена и издана в Вене. В действительности книга Геди как раз тем и удобна для многочисленных фальсификаторов австрийской истории, что она дает возможность выдавать желаемое за действительность. Так называемые «записи» Геди зачастую сводятся к простому пересказу опубликованных в 30-х годах работ Ю. Дейча, О. Бауэра и других социал-демократических деятелей или официальных публикаций австрийского фашистского правительства. Что касается достоверности личных впечатлений, то сам Геди признает: «время стерло воспоминания»³. Книга Геди ставит своей целью оправдать австрийскую социал-демократию, а также империалистическую политику Англии и Франции в Австрии.

¹ Heinrich von Srbik. Österreich in der deutschen Geschichte. München, 1938, S. 3.

² L. Spira. Geschichte der österreichischen Arbeiterbewegung vom ersten Weltkrieg bis 1927. Wien, 1952.

³ G. E. R. Gedy. Fallen Bastions. The central European Tragedy. London, 1939, p. 54.

В работе В. М. Турока имеются отдельные фактические погрешности. На стр. 416 автор неточно излагает избирательный закон, по которому представительства в парламенте линалась партия, собравшая менее 40 тыс. голосов (в работе указано 400 тыс. голосов). На стр. 372 (примечание) речь идет не о Роберте Шеллере, а о Филиппе Шеллере, его сыне, активно сотрудничавшем с нацистами в годы гитлеровской оккупации Австрии. Неправильно называть Штейдле «председателем хеймвера» (стр. 488), так как эта фашистская организация строилась на принципе «фюрерства».

Книга перегружена излишними деталями и подробностями. Встречаются повторения (например, стр. 262 и 527).

Несмотря на отдельные недостатки, книга В. М. Турока правильно ориентирует читателя в сложных вопросах австрийской истории и является ценным исследованием по истории этой страны.

М. А. Заборов

**В. НИКОЛАЕВ, ХРОНИКАТА НА ЖОФРОА ДЬО ВИЛАРДУЕН.
ЗАВЛАДЯВАНЕТО НА ЦАРИГРАД. СОФИЯ, 1947**

История стран Юго-Восточной Европы в XII—XIII вв. и прежде всего — славянских народов Балканского полуострова тесно переплетается с историей крестовых походов. В особенности это относится к крестовым походам конца XII—начала XIII в. и главным образом — к четвертому крестовому походу 1202—1204 гг. Этот поход, явившийся наиболее ярким проявлением грабительских устремлений западноевропейских феодалов и католической церкви в крестоносном движении, закончился разгромом Византии и образованием Латинской империи. События эти оказали известное влияние на социально-экономическую жизнь и политическую историю балканских областей и притом не только тех, которые оказались временно под властью латинских феодалов, но также и стран, сделавшихся соседями западных захватчиков, в первую очередь, конечно, Болгарии. К сожалению, взаимоотношения западноевропейских крестоносцев и балканских народов, влияние и последствия крестовых походов на судьбы стран Юго-Восточной Европы и другие подобные вопросы изучены далеко не достаточно. Современная буржуазная историография дает зачастую извращенное решение этих вопросов: укажем хотя бы на последние работы английского историка С. Рэнсимэна («Переход первых крестоносцев через Балканы»¹ и др.), приукрашивающего разбойничьи «подвиги» крестоносцев на Балканах. В марксистской же исторической литературе эти проблемы еще не привлекли к себе должного внимания.

Учитывая все это, легко понять, почему вызывает столь большой интерес труд известного болгарского византиниста Всеволода Николаева, посвященный хронике Виллардуэна — одного из наиболее важных источников по истории четвертого крестового похода. Значение этого труда для болгарской исторической науки рельефно оттенил в своем предисловии к книге выдающийся болгарский ученый, президент Болгарской Академии наук, академик Тодор Павлов, справедливо охарактеризовавший работу В. Николаева как блестящий опыт публикации источников для все еще недостаточно разработанной болгарской истории (стр. XII).

Основная часть книги Николаева представляет собой перевод на болгарский язык «Истории завоевания Константинополя» Жоффруа Виллардуэна. Знатный французский сеньор, Виллардуэн сам являлся деятельным участником крестоносного предприятия, свидетелем и очевидцем многих событий как самого похода, так и того, что последовало после захвата крестоносцами Константинополя. В силу этого его хроника, несмотря на все ее недостатки, сохраняет значение весьма важного исто-

¹ St. R. unsiman. The first Crusader's Journey across the Balkan Peninsula.— «Byzantion», t. XIX, 1949.

рического памятника, без обращения к которому невозможно уяснить историю событий 1202—1204 гг.

В. Николаев предпослал переводу текста историка XIII в. три вводные статьи. Первая («Виллардуэн и его хроника», стр. 1—13) является источниковедческим и библиографическим экскурсом. В. Николаев сообщает здесь читателю важнейшие сведения о хронике Виллардуэна и ее литературной истории — изданиях, переводах и т. п. Вторая статья посвящена собственно истории четвертого крестового похода и является как бы общеисторическим введением, призванным ориентировать читателя в главных вопросах истории событий, приведших к созданию Латинской империи и тем переменам в положении на Балканском полуострове, которые за этим последовали (стр. 14—35). Наконец, третья статья, озаглавленная «О наименованиях «влахи» и «болгары», «Влахия» и «Болгария» у Виллардуэна» (стр. 36—85) представляет собой исследование «Истории» Виллардуэна как источника по истории начального периода Второго Болгарского царства. Кроме того, труд Николаева содержит обширный и чрезвычайно обстоятельный комментарий к переводу текста Виллардуэна (стр. 331—465); этот комментарий вводит в курс конкретных событий истории четвертого крестового похода и Латинской империи и существенно облегчает работу над источником для тех, кто впервые приступает к его изучению.

Болгарский перевод произведения Виллардуэна, написанного на старофранцузском языке, представляющем порой немалые трудности для понимания, осуществлен В. Николаевым мастерски: сохраняя полностью своеобразный колорит повествования французского хрониста, он отличается в то же время большой точностью, нигде, впрочем, не переходящей в педантизм, — сочетание качеств, которое далеко не всегда удается достигнуть специалистам-переводчикам. Несомненно, важнейшая часть задачи, стоявшей перед болгарским историком, выполнена им вполне успешно. Высокому качеству перевода содействовало основательное знакомство автора с эпохой, начитанность в литературе вопроса и особенно тот метод, который Николаев применял при работе над текстом, подложившим переводу, а именно: автор не ограничился изучением одного только старофранцузского оригинала (изданного в 1872 г. Наталисом де Вайи, в 1891 г. — Э. Буше и в самое последнее время — в 1937 г. — Э. Фаралем). Хотя именно этот текст был положен в основу болгарского перевода, Николаев вместе с тем широко привлек латинские переводы хроники Виллардуэна, сделанные в XVI в. Паоло Ранузием, а также перевод оригинала на итальянский язык, который был выполнен Джироламо Ранузием (сыном первого) в начале XVII в. Привлечение переводов XVI и XVII вв. принесло значительную пользу: их изучение облегчило переводчику задачу не только в максимальной степени приблизиться к пониманию существа того, о чем повествовал Виллардуэн, но позволило глубже проникнуть в «дух эпохи», — словом, дать перевод, о бесспорных достоинствах которого мы только что сказали. Высокое качество перевода было засвидетельствовано филологами, в частности, французским ученым А. Жираром, которому труд Николаева был послан на отзыв Министерством народного просвещения Болгарии (см. Предисловие Т. Павлова, стр. XII).

Переходя к исследовательским частям книги В. Николаева, мы должны прежде всего со всей силой подчеркнуть одно чрезвычайно важное их достоинство — в высшей степени критическое отношение автора к известиям французского хрониста. Мы с особым удовлетворением отмечаем указанную черту исследования болгарского ученого, потому что

в этом отношении его труд весьма выгодно отличается от некоторых работ современных западноевропейских историков, посвященных сочинению Виллардуэна.

Еще в ту пору, когда буржуазная историческая наука находилась на подъеме, были попытки критического отношения к Виллардуэну. Эти попытки исходили не только от тех ученых, которые стремились опровергнуть общую схему истории четвертого крестового похода, содержащуюся в хронике Виллардуэна (например, Л. Мас-Латри, отвергавшего достоверность Виллардуэна и выдвинувшего теорию «венецианской измены», как первопричины изменения направления похода¹, позднее К. Гопф, Л. Штрейт), но даже и от историков, в целом принимавших рассказ маршала Шампанского и склонных до некоторой степени превозносить ценность его произведения. Так, один из первых издателей и комментаторов хроники — Наталис де Вайи, рьяный защитник так называемой теории случайностей, восходящей к Виллардуэну, тем не менее, имел достаточно научной добросовестности и смелости, чтобы обнаружить в повествовании хрониста противоречия, неясности, недомолвки. Наталис де Вайи² высказал сомнение в истинности некоторых объяснений событиям, которые приводит Виллардуэн. Он отметил, что в своей хронике французский историк изложил далеко не все, что ему было известно о походе западных баронов и рыцарей: в некоторых случаях он хранит молчание, которое, по справедливому утверждению издателя, нельзя назвать иначе, как преднамеренным. Н. де Вайи, в частности, указал на то, что Виллардуэн предпочитает не касаться причин, которые побудили французских крестоносцев (после избрания предводителем похода маркиза Бонифация Монферратского летом 1201 г.) уклониться от первоначально намечавшейся цели похода (Египет). Французский ученый выдвинул предположение о близости Виллардуэна к Бонифацию Монферратскому, в связи с чем, по его мнению, хронист тщательно скрывал в своем повествовании все то, что могло скомпрометировать вождя крестоносцев. Как бы ни истолковывать последний, более или менее частный вопрос, но самый факт умышленных умолчаний Виллардуэна в ряде случаев Наталис де Вайи констатировал совершенно правильно. Тенденциозность Виллардуэна была признана в конце XIX в. и другими учеными.

Новейшие исследователи, в частности, Э. Фараль отказались от этого единственно правильного с источниковедческой точки зрения отношения к данным Виллардуэна. В новейшей буржуазной историографии выявилась откровенная тенденция к пересмотру старых воззрений на его хронику, к «реабилитации» многих известий, достоверность которых была ранее подвергнута сомнению. Именно эту цель поставил перед собой Фараль, подзаголовок исследования которого «Жоффруа Виллардуэн» гласит: «Вопрос об его искренности»³. В этой работе французский историк направил все свои усилия на то, чтобы снять с Виллардуэна «обвинения» в неискренности, в намеренных недомолвках, в искажении событий, в тенденциозности. И эта направленность исследования Фаралья далеко не случайна. В основе ее лежит отнюдь не чисто академическое стремление к восстановлению истины.

¹ См. L. M a s - L a t r i e. Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Louvisignan, vol. I, Paris, 1852, p. 161 ss.

² См. Villehardouin. La conquête de Constantinople, éd. N. de Wailly. Paris, 1882, Préface.

³ E. F a r a l. Geoffroy de Villehardouin. La question de sa sincérité. «Revue historique», vol. 177, № III. Paris, 1936.

Дело в том, что хроника Виллардуэна проникнута определенной политической тенденцией — оправдания крестоносцев, оправдания захватами сперва Задара, а затем Константинополя. Этой цели служит пресловутая «теория случайностей», на которой покоится все повествование Виллардуэна, — так назвал его схему разворачивания событий еще П. Риян¹. На первый взгляд рассказ хрониста может показаться совершенно бесхитростным и даже каким-то наивным. Виллардуэн как будто просто, безо всякой «задней мысли» повествует о событиях, участником и очевидцем которых он сам являлся. Рассказ его льется плавно, в тоне необычайной, даже, можно сказать, подкупающей простоты. Он не философствует по поводу передаваемых событий, не выделяет чего-либо, что ему кажется более важным. События излагаются внешне бесстрастно, одно за другим, без больших подробностей, так, что нет между ними — по крайней мере, таково первое впечатление, искусно создаваемое хронистом, — определенной логической связи. Весь ход событий крестоносного предприятия подчинен воле случая.

Крестоносцы намеревались плыть в Египет; но тут на их пути стал венецианский дож Дандоло, и они вынуждены были, чтобы рассчитаться с Венецией, выступить против Задара. Потом появился бежавший из Византии царевич Алексей, сын низвергнутого с престола и ослепленного Исаака II Ангела; он стал просить о помощи — и интересы «восстановления справедливости» потребовали от крестоносцев похода на Константинополь. Они отправились туда с самыми благими намерениями: «восстановить справедливость» и после этого совершить то, к чему направлены были их первоначальные помыслы, — идти дальше на Восток. Но тут случилось новое непредвиденное обстоятельство — восстановленный на престоле император не расплатился с ними, как было уговорено. С этой «несправедливостью» тоже нельзя было мириться и пришлось взять Константинополь силой, что повлекло за собой завоевание и других областей Византии.

Такова эта, на первый взгляд, повторяем, бесхитростная схема Виллардуэна, которая как бы говорит читателю: да, крестоносцы волею судеб захватили христианский город, но оказались они в Константинополе не по своей вине, а в результате сплетения многих случайных обстоятельств. В этом стремлении Виллардуэна изобразить ход событий, приведших крестоносцев под стены византийской столицы, в виде нагромождения непредвиденных случайностей, скрыта определенная политическая тенденция, которая пронизывает все его повествование. Виллардуэн не был беспристрастным летописцем. Цель «теории случайностей» очевидна: она состоит в оправдании варварских деяний феодальных грабителей, явившихся за добычей в Константинополь. Виллардуэн в дополнение к своей схеме — «теории случайностей» — ссылается на ... волю Божию. Он как бы хочет сказать своему читателю: крестоносцы ни в чем не виновны; сам бог видел, что на них нет вины, поэтому он поощрял все дела воинов крестовых.

Через все повествование хрониста красной нитью проходит эта тенденция оправдания далеко не благочестивых деяний крестоносцев и их предводителей.

И, думается, именно это заставило новейших историков встать на защиту поколебленного ранее авторитета Виллардуэна; своеобразного идейного защитника средневековых колонизаторов.

¹ См. П. Митрофанов. Изменение в направлении четвертого крестового похода. «Византийский Временник», т. IV, СПб., 1897, стр. 480.

Показательно, что не один Фараль попытался «спасти» Виллардуэна: в последнее время «теорию случайностей» стремились возродить и Ш. Диль¹, и Л. Брейе², и Ж. Лоньон³.

Вот почему особенно отрадно, что болгарский историк В. Николаев сумел устоять против веяний новейшей буржуазной историографии и дать правильную оценку труда Виллардуэна. К сожалению, сам он нигде не анализирует и не дает критического разбора воззрений новейших историков, а это было бы уместно сделать в первой из вводных статей. Но важно то, что В. Николаев с самого начала предостерегает от излишней доверчивости к Виллардуэну. В противоположность Фаралю, считавшему, что Виллардуэн был лишь восторженным поклонником Дандоло и Бонифация Монферратского, и что он писал якобы вполне искренно, В. Николаев справедливо характеризует труд французского хрониста как сплошную апологию (стр. 4), с полным основанием упрекая Виллардуэна в неискренности и в преднамеренной неточности (стр. 25). Николаев решительно отвергает «адвокатские» попытки Фаралья в отношении Виллардуэна. Он конкретно указывает на места хроники, в которых необъективность французского историка, его заведомая пристрастность проявляются совершенно отчетливо (стр. 26). Для подтверждения своих положений — и это особенно ценно — Николаев привлекает свежий материал: данные «Истории» Виллардуэна, непосредственно касающиеся Болгарии. Так, он отмечает бросающееся в глаза умолчание Виллардуэна относительно переговоров, которые накануне взятия Константинополя крестоносные бароны вели с болгарским царем Калояном (стр. 26 и сл.); точно так же Николаев справедливо указывает на весьма беглый характер освещения хронистом событий 1205 г. — разгрома болгарскими крестоносцев под Адрианополем: Виллардуэн стремится представить эти события как незначительные и маловажные (стр. 27). Несомненно, что Виллардуэн сознательно не пожелал быть объективным при описании отношений крестоносцев с болгарскими (стр. 28). И не только в этом проявилась его необъективность: умышленная сдержанность, в которой сквозит стремление обелить вождей крестоносцев, чувствуется и при описании, например, грабежа Константинополя, учиненного «воинами христовыми» в апреле 1204 г. Наблюдения Николаева в этом отношении являются весьма ценными: дело в том, что с этой точки зрения описание разгрома крестоносцами Византийской столицы у французского хрониста не подвергалось еще, насколько нам известно, изучению. Наоборот, обычно рассказ Виллардуэна приводится в подтверждение того, что западные захватчики жестоко разграбили город. Николаев, сравнивая повествование маршала Шампанского с гораздо более яркими сообщениями на этот счет других авторов — византийского писателя Никиты Хониата и французского крестоносца Робера де Клари, рисующих бесчинства и разнузданность западноевропейских рыцарей, — убедительно показывает, что и здесь Виллардуэн, не имевший возможности скрыть целиком всю правду, все же пытался приукрасить ее (стр. 28—29).

Разоблачение варварского поведения крестоносных разбойников в Константинополе Николаевым тем более своевременно, что некоторые буржуазные историки Запада хотят заставить читателей усомниться в правдивости повествования современников о диком разграблении визан-

¹ Ch. Diehl. La quatrième croisade. В книге «L'Europe orientale de 1081 à 1453». Paris, 1945, p. 123—138 (особенно p. 128).

² L. Bréhier. Vie et mort de Byzance. Paris, 1947, p. 363.

³ J. Longnon. L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée. Paris, 1949, p. 24—28.

тийской столицы участниками четвертого крестового похода. Так, Лоньон в своей последней работе о Латинской империи и Морейском княжестве утверждает, что рассказы византийских и восточных историков об апрельских событиях 1204 г. якобы преувеличены, и что, мол, на деле размеры злодеяний крестоносцев в Константинополе не были столь велики: оказывается, насилия и грабежи если и имели место, то лишь в качестве «эксцессов»; их производила, по Лоньону, недисциплинированная часть войска, действовавшая вопреки приказам командиров, строжайше будто бы запретивших чинить разбои в городе¹. Исследование В. Николаева лишний раз показывает несостоятельность подобных утверждений, абсолютно не согласуемых с данными источников. Думается, что тезис о тенденциозности описания константинопольского погрома, данного в «Истории» Виллардуэна, выглядел бы еще более убедительно, если бы Николаев привлек для сравнения хорошо известный ему рассказ Новгородской летописи о том же событии.

Итак, правильное, сугубо критическое отношение к рассказу Виллардуэна, хотя и являющегося одним из основных источников по истории четвертого крестового похода, но требующего постоянной проверки и контроля данными других источников, — в этом одна из наиболее сильных сторон исследования Николаева².

В работе Николаева сделана оригинальная попытка использования хроники Виллардуэна как источника по истории Болгарии. Эта попытка является тем более важной, что, как это указывает и сам автор, собственно болгарских источников от времени начала Второго Болгарского царства не сохранилось (стр. 3), и поэтому сведения Виллардуэна приобретают важное значение. Материалы, собранные Николаевым, действительно показывают, что у Виллардуэна имеется много интересных данных, касающихся истории Болгарии начала XIII в., вообще истории балканских стран, латино-болгарских отношений и т. д. Эти данные существенно дополняют известия других западных источников (переписки Иннокентия III, хроники Робера де Клари и пр.). Уместно в этой связи подчеркнуть, что труд Виллардуэна привлекает все большее внимание и других болгарских историков, широко использующих его для изучения внутри- и внешнеполитической истории Болгарии начала XIII в. (мы имеем в виду прежде всего исследования Б. Примова³).

¹ J. Longnon. Указ. соч., стр. 47.

² Уже после представления в печать настоящей статьи мне стала доступна фундаментальная работа болгарского ученого Борислава Примова «Жофрוא дьо Виллардуэн. Четвертый крестоносный поход и България» (Годишник на Софийския Университет, ист.-фил. факултет, т. XLV, 1948/49, кн. 2). Необходимо отметить, что и Б. Примов, вслед за В. Николаевым, справедливо обращает внимание на тенденциозность Виллардуэна, хотя он отвергает обвинения ряда историков в умышленном искажении событий французским хронистом и признает большую достоверность фактических данных «Завоевания Константинополя» (см. стр. 33—34, 43 и др.). Примов правильно считает совершенно несущественным поднятый Фаралем вопрос об «искренности» Виллардуэна (стр. 16), объясняя стремление хрониста взять под защиту вождей крестового похода его политическими симпатиями, вытекавшими из того, что сам Виллардуэн принадлежал к феодальной верхушке крестоносного ополчения (стр. 138): «Нельзя, — пишет Примов во французском резюме своего исследования, — отделять позиций автора как историка, от его взглядов, как феодала» (там же). Следует, однако, сказать, что оценка хроники Виллардуэна в качестве исторического источника выдержана Примовым не вполне последовательно: с одной стороны, он признает, что «все данные Виллардуэна точны» (стр. 137), с другой — утверждает, что Виллардуэн, «не прибегая к фальсификации, достигал своих целей, искусно группируя факты и обходя молчанием некоторые из них» (стр. 138). А разве это не есть один из приемов исторической фальсификации?

³ Б. П р и м о в. Гръцко-български союз в началото на XIII век. — «Исторически преглед», София, год IV (1947/48), кн. 1. Е го же. Българи, гърци и латинци

Николаев скрупулезно проанализировал сообщения Виллардуэна о болгарах и болгаро-латинских отношениях в третьей из своих вводных статей. Можно смело сказать, что это исследование В. Николаева не может быть обойдено ни одним историком, занимающимся историей Болгарии конца XII—начала XIII в.

При освещении событий самого крестового похода и его ближайших последствий (во второй из вводных статей) Николаев высказывает ряд верных наблюдений, которые позволяют поставить его работу намного выше того, что было сделано в этом отношении прежними историками. Это касается как деталей, так и более общих вопросов.

Николаев подчеркивает, что в походе доминирующую роль играли экономические интересы венецианцев, политические комбинации западных князей и баронов, которые, по его образному выражению, «закрыли уста... хрониста», т. е. Виллардуэна (стр. 25), что это предприятие носило «чисто политический характер, религиозные мотивы стояли на заднем плане» (стр. 17). В полном соответствии с исторической действительностью В. Николаев рисует и губительные последствия латинского господства. Он ярко характеризует причины той ненависти, того непримиримо враждебного отношения к западным завоевателям и борьбы с ними, на путь которой встало огромное большинство византийского народа (стр. 31), в том числе и ромейской знати: варварские методы управления, поголовные конфискации земель, грабеж имущества, явные намерения крестоносцев осуществить полную латинизацию туземного населения, низкий уровень культуры завоевателей, высокомерно пренебрегавших и третировавших сложившиеся в византийском обществе нравы и обычаи, — таковы были, по Николаеву, причины этой глубокой ненависти. Она привела к союзу балканских народов во главе с Болгарией против ига латинян (стр. 32), к восстанию 1205 г. в Адрианополе, Аркадиополе, Пловдиве и других фракийских городах, к полному разгрому 15 апреля 1205 г. крестоносцев силами Калояна под Адрианополем (стр. 33).

Следует заметить, однако, — и это относится не только к данному месту рецензируемой книги, — что Николаев чрезмерно идеализирует победителя крестоносцев. Конечно, Калоян сыграл известную роль в укреплении Второго Болгарского царства. Конечно, поскольку византийское владычество, равно как и угроза латинского завоевания были губительны для Болгарии, постольку, ведя борьбу с Византией, а затем с Латинской империей, Калоян, в известной мере, выражал общеполитические интересы. Однако нет никакой нужды изображать его ни в качестве некоего «гуманнейшего правителя», ни в качестве «национального болгарского вождя» (стр. X). Калоян был прежде всего феодальным правителем, его политика диктовалась в последнем счете интересами боярства.

Весьма сомнительным представляется, далее, данное автором истолкование вопроса о значении болгаро-латинских отношений накануне и после взятия крестоносцами Константинополя для последующих судеб созданного ими государства. Николаев считает чуть ли не главной причиной слабости Латинской империи тот факт, что вожди крестоносцев отклонили предложение болгарского царя о союзе против Византии. Это было с их стороны, по словам автора, непростительной ошибкой, которая повлекла за собой события 1205 г., привела к тому, что крестоносцы бесплодно истратили свои силы в борьбе с жизнеспособной державой Калояна и тем самым обрекли свою империю на недолговечность (стр. 27);

в Пловдив през 1204—1205 г. Ролята на богомилите. — «Известия на Българското историческо дружество», кн. XXII—XXIII, София, 1948, и др.

да и то, утверждает он далее, Латинская империя сумела продержаться несколько десятилетий лишь благодаря браку императора Генриха с Марией Болгарской. Безусловно, «неизмеримые» последствия (стр. 27) отклонения крестоносными баронами предложения Калояна о союзе крайне преувеличены автором, так же, как и значение матримониального фактора для судеб Латинской империи. Николаев правильно здесь же отмечает, что «вина за враждебные отношения между болгарским царем и крестоносцами... падает исключительно на предводителей крестоносцев» (действительно, последние обнаруживали захватнические поползновения в отношении Болгарии), но ошибочно видеть в этих враждебных отношениях главную причину «провала Латинской Константинопольской империи».

Слабость и непрочность Латинской империи, предопределившие кратковременность ее существования, коренились в особенностях ее социально-политического строя, в феодальной раздробленности — в первую очередь, в остроте социальной борьбы, развернувшейся в государстве крестоносцев, но никак не в тех или иных обстоятельствах внешнеполитического характера. Войны с Болгарией лишь способствовали распылению и без того слабо спаянной Латинской империи, и вряд ли можно допустить, что в случае, если бы бароны не совершили «ошибки» в отношениях с Калояном, в Латинской империи создалась бы более прочная государственность.

В. Николаев, на наш взгляд, переоценивает значение болгаро-латинских отношений для судеб Латинской империи. Это преувеличение не является чем-то случайным в книге Николаева. Оно, как нам представляется, связано с общей ошибочной трактовкой автором проблемы исторических последствий четвертого крестового похода. Николаев, характеризуя значение захвата Константинополя крестоносцами и создания Латинской империи, утверждает, что четвертый крестовый поход имел катастрофические последствия для европейской цивилизации XIII—XIV вв. (стр. 22). До 1204 г., — говорит он, — Византия защищала Европу от нашествия турецких полчищ (стр. 21); крестоносцы разорили Константинополь, нанесли удар военной мощи Византии, сами же оказались «неспособными» создать свою, такую же мощную державу; тем самым они лишили Балканы — ворота Европы — всякой защиты (стр. 27), был открыт путь турецкому нашествию, жертвой которого стал и болгарский народ (стр. 21).

Эти рассуждения Николаева носят искусственный характер. Получается, что для будущего Европы было бы куда лучше, если бы Латинская империя не была столь непрочной, какой она являлась, а это будто бы зависело исключительно от ее отношений с Болгарией. Поэтому отказ крестоносцев от союза с Калояном и болгаро-латинская вражда оказываются чуть ли не решающим фактором, обусловившим успехи... турецких завоеваний на Балканах в XIV в.

Крестоносцы, разгромив крупнейший городской центр того времени — Константинополь, разграбив и уничтожив величайшие культурные ценности, действительно совершили преступление против цивилизации — от этой оценки событий 1204 г. не могут уклониться даже те из современных буржуазных ученых, которые вообще склонны идеализировать крестовые походы (Р. Груссе, например, называет захват Константинополя актом «международного разбоя»¹). Однако мы не видим оснований считать Византию заслоном Европы от турецкого нашествия: хорошо известно, что этот «заслон» был прорван еще сельджуками в XI в. Нет

¹ К. Grousset. L'empire du Levant. Paris, 1946, p. 466.

оснований и превозносить военную мощь Византии: к началу XIII в. Византия фактически находилась в состоянии распада, никакой серьезной военной силы она не имела (о ее внутренней слабости достаточно красноречиво рассказывает Никита Хониат в своей «Истории»). Именно поэтому крестоносцы смогли сравнительно легко овладеть Константинополем. «Защитница» Европы от турок была весьма слабой и вообще не помышляла о том, чтобы защищать последнюю. Что же касается Балкан, то, как известно, Византийская империя сама стремилась к их подчинению.

Рассматривая успехи турецкого завоевания как прямой результат разгрома крестоносцами Византии, В. Николаев делает натяжку: во-первых, он упускает из виду слабость Византии, делавшую ее непригодной к роли «защитницы» Европы от турок; а во-вторых, сбрасывает со счетов те процессы социально-экономического и политического развития, которые происходили в самих странах Балканского полуострова в XIII—XIV вв. и которые собственно и сделали их бессильными перед лицом турецких завоевателей.

Встречают возражение и некоторые другие суждения В. Николаева.

Это прежде всего относится к его трактовке причин и сущности крестовых походов. По словам Николаева, крестовые походы предпринимались «христианскими европейскими державами под влиянием католической церкви для освобождения (?) святых мест» (стр. 14). В действительности, конечно, не «освобождение святых мест» составляло цель крестовых походов: религиозные лозунги лишь прикрывали завоевательные намерения участников этих военно-грабительских экспедиций, которые предпринимались феодалами по инициативе католической церкви, как это показывает и сам Николаев в отношении четвертого крестового похода. Кстати, автор ошибочно полагает, что Франция потому занимала первое место в организации крестовых походов, что их инициатором явился французский папа Урбан II (стр. 14). Это объяснение весьма далеко от истины. Причины ведущей роли Франции в крестоносных экспедициях следует искать глубже, — в особенностях общественно-экономического развития этой классической страны феодализма. Во Франции социальные противоречия (как между зависимым крестьянством и сеньорами, так и внутри господствующего класса), обострение которых явилось важнейшей предпосылкой крестовых походов, проявились раньше и резче, чем в других странах. Поэтому Франция и поставляла с конца XI в. главные массы крестоносного воинства.

Говоря о причинах крестовых походов, В. Николаев ограничивается в сущности лишь изложением внешних поводов для них. Описав вкратце историю «святых мест», он отмечает затем, что в результате сельджукского завоевания они подверглись поруганию со стороны мусульман; восточные христиане обратились за помощью в Европу, и это будто бы «побудило папу и христианских владетелей организовать крестовые походы» (стр. 15). Разумеется, эти соображения ровно ничего не объясняют в возникновении крестовых походов, подлинные причины которых заключались вовсе не в поругании христианских святынь сельджуками¹, а в изменениях, которые произошли в XI в. в положении различных классов западноевропейского феодального общества в связи с крупными сдвигами в развитии производительных сил в это время (рост городов, начало товарно-денежных отношений и т. д.).

¹ Несостоятельность традиционных представлений по этому вопросу убедительно показана недавно прогрессивным французским историком R. Каэном. См. C. Cahen. Notes sur l'histoire des croisades et de l'Orient latin. — «Bulletin de la faculté des lettres de l'université de Strasbourg», 1950, № 2.

Вообще суждения Николаева о крестовых походах нечетки и противоречивы. Неточные объяснения дает В. Николаев и некоторым событиям четвертого крестового похода, причем иные из них попросту устарели. Непонятно, например, к чему было возрождать пресловутую теорию «венецианской измены» для объяснения перемены направления похода (стр. 20, 363). Ведь уже давно Г. Ганото показал необоснованность обвинения венецианцев в «измене христианскому делу», установив, что мнимые договоры Венеции с Египтом, договоры, на которых основывалась эта теория, относятся не к 1202 г., а к гораздо более позднему времени¹. Поэтому не обоснован «упрек» Николаева Виллардуэну в том, что тот умышленно будто бы не упоминает о сговоре Венеции с египетским султаном (стр. 25): такого сговора не было.

В. Николаев «порицает» Бонифация Монферратского и Филиппа Швабского за то, что они якобы «принесли в жертву интересам нескольких князей интересы всей христианской Европы» (стр. 21). На самом деле никакой «христианской Европы» в том смысле, который вкладывают в эти слова некоторые буржуазные исследователи, не было: в крестовых походах и особенно в четвертом действовали интересы определенных общественных групп, каждая из которых преследовала собственные цели, — в этом отношении маркиз Монферратский и германский король не отличались от прочих князей-крестоносцев, от Венеции и т. д.

В противоречии с фактами находится отстаиваемая Николаевым концепция по вопросу о роли папства в четвертом крестовом походе. В. Николаев изображает дело таким образом, что папа Иннокентий III действовал вразрез с антивизантийскими устремлениями вождей крестового похода, что-де он и на Задар запретил нападать (стр. 23), и захват Константинополя был произведен вопреки его воле, вызвал «гнев и анафему» папы (стр. 24), который «произнес строгий и справедливый приговор над крестоносцами» (стр. 22). Особенно подробно этот неправильный взгляд развивается в комментариях автора к переводу хроники Виллардуэна (см., например, стр. 332). По характеристике болгарского историка, папа был чуть-ли не образцом всех христианских добродетелей («добрый по природе, справедливый, наделенный исключительным умом, имевший нравственное мужество осуществлять целостную доктрину» и т. д. и т. п.). В самой организации четвертого крестового похода Николаев видит заслугу этого папы перед цивилизацией, полагая, что если бы крестоносцы не уклонились от предначертанной им цели (Египет), то их успехи предупредили бы последующее продвижение турок.

Все эти взгляды Николаева объективно означают снятие с Иннокентия III ответственности за захват Задара и разгром Константинополя, ответственности, немалая доля которой лежит и на римском первосвященнике: ведь он действовал в полном контакте и по согласованию с вождями крестоносцев, он являлся фактически одним из прямых и непосредственных виновников константинопольской трагедии 1204 г.²

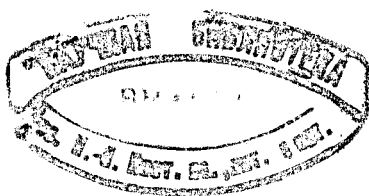
¹ G. Hanotaux. Les vénitiens, ont-ils trahi la chrétienté en 1202? — «Revue historique», vol. IV, 1877.

² См. подробно М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в. — «Византийский Временник», т. V, М., 1952 г.

Заметим попутно, что в вопросе о роли папства в изменении направления четвертого крестового похода более правильную по сравнению с Николаевым, хотя и не до конца верную, на наш взгляд, позицию, занимает Примов, который, признавая, что политика Иннокентия III содействовала повороту крестоносцев на Константинополь, отрицает, однако, факт соучастия папы римского в завоевании западными рыцарями Задара (Б. Примов. Жоффра дьо Виллардуэн. Четвертый крестоносный поход в България, стр. 24—32, 139 и др.).

Подведем итоги. Болгарский перевод «Истории завоевания Константинополя» Виллардуэна, осуществленный В. Николаевым, является ценным вкладом в развитие болгарской медиевистики. В. Николаеву удалось отойти от многих методологически несостоятельных взглядов буржуазных исследователей крестовых походов и прежде всего — в оценке сочинения самого Виллардуэна как исторического источника. Безусловно важен и интересен новый аспект его изучения, предложенный автором, — как источника по ранней истории Второго Болгарского царства. Однако В. Николаев в своем труде не сумел все же преодолеть до конца некоторые идеалистические и фактически неверные представления, присущие буржуазной историографии крестовых походов.

57513

СЛАВИСТИКА В УЖГОРОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Ужгородский госуниверситет самый молодой в СССР. Свой десятилетний юбилей общественность Ужгородского университета встречает значительными успехами в преподавательской и научно-исследовательской работе вообще и в области славяноведения в частности. На русском и украинском отделениях филологического факультета читаются курсы: старославянский язык, сравнительная грамматика славянских языков (доц. Н. С. Антошин, доц. И. А. Дзендзелевский), история славянских литератур (доц. П. В. Линтур), современный чешский язык (доц. Ф. М. Потушняк, преподаватель М. В. Симулик), современный сербский язык (преподаватель В. И. Крайняница). На историческом факультете читается история южных и западных славян в курсе всеобщей истории (доц. Н. М. Лелекач).

На обоих отделениях ведется значительная научная работа.

Старший преподаватель Л. И. Мидельский защитил кандидатскую диссертацию «Русские революционные демократы и славянский вопрос в 60-х годах XIX века».

Старший преподаватель А. М. Рот в 1955 г. защитил диссертацию на тему «Закарпатье в творчестве Ивана Ольбрахта».

Н. С. Антошин готовит пособие для студентов-заочников «Сравнительная грамматика славянских языков» и работает над докторской диссертацией «Язык молдавских грамот XIV—XV вв.»

Старший преподаватель И. М. Гранчак защитил кандидатскую диссертацию «Борьба трудящихся Чехословакии против капиталистического гнета в период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.» Работает над диссертацией «Выражение сказуемого в славянском языке» и преподаватель В. М. Симулик.

Доц. С. Ф. Бевзенко работает над докторской диссертацией «Очерки по истории украинского языка XV—XVII веков (на материале памятников письменности Закарпатья)»; старший преподаватель Н. Г. Ясько пишет статью «Черты героического эпоса в исторических песнях западных и восточных славян»; Н. М. Лелекач разрабатывает тему «Давняя славянская топонимика на Закарпатье».

Украинисты большое внимание уделяют изучению закарпатских говоров, которые справедливо считаются наиболее архаичными среди других говоров украинского языка.

Доц. Ф. М. Потушняк работает над славянской археологией. Им обнаружено и исследовано три стоянки и один могильник типа лужицкой культуры, четыре стоянки и около двадцати могил так называемой скифской культуры, три стоянки культуры типа полей погребения. Обнаруженный новый материал позволил археологу сделать убедительный вывод о том, что славяне расселились на Закарпатье примерно с первого столетия нашей эры. Сейчас он подготовил и сдал для печати большую статью «Славянские памятники на Закарпатье I—XII вв.»

В 1954 г. в университете было проведено обсуждение вопроса о происхождении славян. С докладом «Происхождение славян» выступил Н. М. Лелекач. После доклада развернулись оживленные прения.

Ряд студентов исторического факультета защитил дипломные работы на славяноведческую тематику: «А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение в 60-х годах XIX в.» (Т. С. Могиливец), «Чернышевский и славянский вопрос» (Л. М. Щепина), «Т. Г. Шевченко и национально-освободительная борьба южных и западных славян» (А. Н. Веремейчик и др.).

В последние два года студенты большое внимание уделяют изучению современной истории стран народной демократии. Так, были написаны дипломные работы: о помощи Советского Союза в деле строительства основ социализма в Болгарии, Чехословакии, Польше. На филологическом факультете Л. Ю. Качала защитила дипломную работу «Морфологические особенности словацкого говора с. Поташня Перечинского района Закарпатской области».

Интерес к славянской тематике у студентов велик. Мы надеемся, что связь со славистами других высших учебных заведений нашей страны будет еще больше способствовать теоретическому и методологическому росту нашего преподавательского состава.

И. А. Дзендзелевский

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

И. А. Хренов. Научное сотрудничество Института славяноведения с учеными славянских стран народной демократии	3
И. М а ц е к. Историческое значение освобождения Чехословакии Советской Армией	8
Б. Граца. О некоторых вопросах национально-освободительной борьбы народов Чехословакии в период второй мировой войны	17
Зд. В и р т. Общая родина чехов и словаков	27
Б. Лесьподорский. Революционное течение в восстании 1794 года	31
Ст. А р н о л ь д. Проблема генезиса барщинного фольварка в Польше	41
Ю. Бардах. О классовой борьбе польского крестьянства в период формирования товарного хозяйства (XII—половина XIV в.).	46

ПУБЛИКАЦИИ

И. Д. Иванов. Документы о русско-сербских революционных связях 80-х годов XIX в.	64
И. И. К о с т ю ш к о. Воззвания польских демократов к русским солдатам	78

РЕФЕРАТЫ

А. Е. Москаленко. Социально-экономический и политический строй города Сплита в XIII—XIV вв.	84
---	----

РЕЦЕНЗИИ

О. П. Валева. — В. М. Турок. Очерки истории Австрии. 1918—1929. Издательство Академии наук СССР. М., 1955, 586 стр.	94
М. А. Заборов. — В. Николаев. Хрониката на Жофроя дьо Вилардуен. Завладяването на Цариград. София, 1947.	102

ХРОНИКА

И. А. Дзендзелевский. Славистика в Ужгородском Государственном университете	113
---	-----

Краткие сообщения
Института славяноведения, вып. 19

Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР

Редактор издательства В. И. Зуев
Технический редактор Т. В. Полякова
Корректор В. К. Гарди

РИСО АН СССР № 57-76В Сдано в набор
11/IV-1956 г. Подп. в печать 20/VII 1956 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆ Печ. л. 7,25 = 9,93.
Уч. изд. лист. 9,3 Тираж 1500 Изд. № 1684
Т-05352. Тип. зак. 651.

Цена 5 р. 60 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва Б-64. Подосенский пер., л. 21

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9-я линия, дом 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
КОНТОРА «АКАДЕМКНИГА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Греков Б. Д., акад. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. (Институт славяноведения). 1951. 319 стр. Ц. 17 р. 10 к. в пер.

В. Маяковский в славянских странах народной демократии. (Институт славяноведения. Краткие сообщения. Вып. 1). 1951. 85 стр. Ц. 4 р.

Народная Республика Болгарии. Историческая библиография. Том первый. 1944—1947. Составил Д. Д. Иванов при участии В. В. Носковой (Москва), Павлины Г. Кынчевой и Наталии В. Буссе (София). Вводная статья академика Саввы Гаковского. 1954. 675 стр. 36 р. 50 коп. в пер.

Удальцов И. И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. (Институт славяноведения). 1951. 251 стр. с илл. Ц. 14 р. 40 к. в пер.

Ученые записки Института славяноведения. Том III. 1951. 433 стр. Ц. 28 р. 80 к. в пер.

Ученые записки Института славяноведения. Том V. 1952. 342 стр. Ц. 20 р. 40 к. в пер.

Ученые записки Института славяноведения. Том VI. 1952. 340 стр. Ц. 20 р. в пер.

Ученые записки Института славяноведения. Том VII. 1953. 377 стр. Ц. 22 р. 40 к. в пер.

Ученые записки Института славяноведения. Том VIII. 1954. 350 стр. Ц. 19 р. 80 к. в пер.

Ученые записки Института славяноведения. Том X. 1954. 412 стр. Ц. 24 р. 90 к. в пер.

Ученые записки Института славяноведения. Том XI. 1955. 323 стр. Ц. 18 р. 25 к. в пер.

КНИГИ ПРОДАЮТСЯ В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА».

Ипогородним заказчикам книги высылаются по почте наложенным платежом.

Заказы направлять по адресу: Москва, ул. Куйбышева, 18, Контора «Академкнига».

Цена 5 р. 60 к.